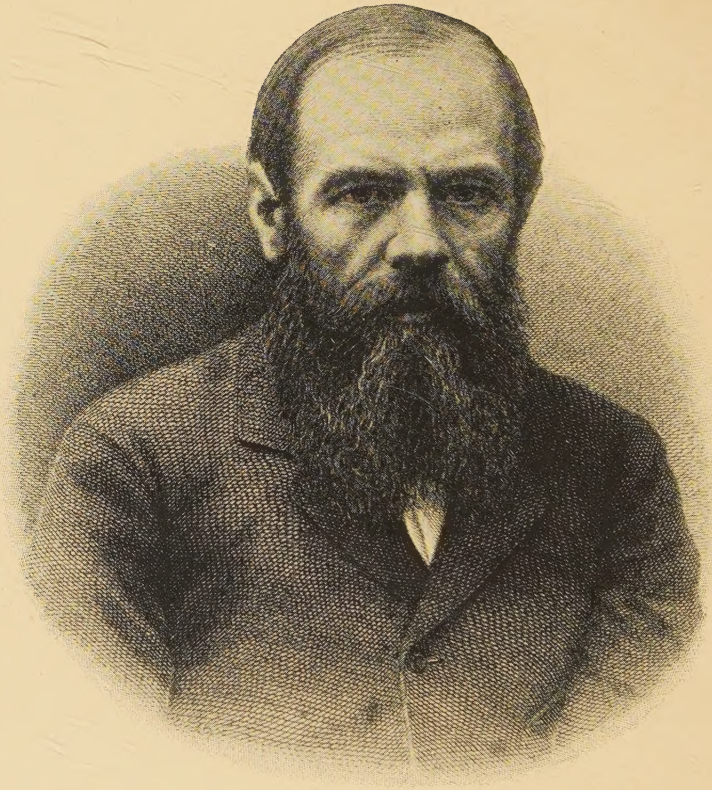
3.7

Достоевский для детей

Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/selectedworksbyf0000fmdo



ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА „СЛОВА“.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Сборникъ подъ редакціей

Ореста Миллера.

1 9 2 1

На похоронахъ Ѳ. М. Достоевскаго среди множества вѣнковъ былъ и вѣнокъ отъ русскихъ дѣтей.

И вѣнку этому должно было тутъ быть, потому что покойный любилъ дѣтей, умѣлъ читать въ ихъ душѣ и разсказывать большимъ, что онъ въ ней прочиталъ. Въ послѣдніе же годы жизни завѣтною его мыслью было издать особую книжку для самихъ дѣтей — сдѣлавъ для нея выборъ изъ своихъ сочиненій.

Книжка, теперь издаваемая, да послужитъ загробнымъ исполненіемъ этого намѣренія — какъ бы отвѣтнымъ его подаркомъ на вѣнокъ отъ русскихъ дѣтей.

Подарокъ покойнаго покажется многимъ слишкомъ грустнымъ для дѣтскаго возраста. Въ немъ, дѣйствительно, много говорится о дѣтскомъ горѣ, да и о всякомъ горѣ. Но покойный не даромъ говаривалъ, что есть въ его сочиненіяхъ и радости — только душевныя, высшія. Дѣти способны будутъ понять эти радости — можетъ быть не хуже большихъ.

Горя вѣдь никакъ и не скроешь даже отъ самыхъ приголубленныхъ судьбою дѣтей. Пусть же они заранѣе запасаются силою противостоять ему. Пусть познакомятся они съ тѣми дѣтьми, которыя никогда и понятія не имѣли о нѣгѣ и холѣ, съ дѣтства, можно сказать, боролись съ жизнью, должны были твердо стать на ноги, да еще поддерживать собою другихъ.

Пусть наши дѣти узнаютъ, что быть баловнемъ жизни — значитъ не испытать въ ней самаго цѣннаго — дѣятельнаго развитія силъ, побѣды въ живой и неустанной борьбѣ.

Но пусть узнаютъ они и то, что есть люди, не выдерживающіе жизненной борьбы, подъ тяжестью ея доходящіе до такихъ поступковъ, которые вовлекаютъ въ окончательную бѣду и ихъ и близкихъ къ нимъ, могутъ наконецъ довести заблудшихся до лишенія свободы — до заключенія въ тюрьму. Но пусть дѣти научатся знать и то, что большею частью это случается, если другіе, болѣе

счастливые, не умѣютъ во время протянуть руку падающему, не дать ему упасть или же поднять его тотчасъ же послѣ паденія. Пусть уже дѣти пріучаются понимать, почему народъ называетъ даже арестантовъ-каторжниковъ только несчастными. Пусть пріучаются понимать, что и въ этихъ людяхъ можетъ не угаснуть въ конецъ искра Божія, — что долгъ ближняго — не давать ей угаснуть въ нихъ.

Книжка эта — подарокъ къ елкѣ, той елкѣ, которая для цѣлаго множества дѣтей существуетъ только у Христа на небѣ. Но вѣдь Христосъ и самъ родился на землѣ, чтобы вполнѣ испытать человѣческое горе, но растворить его радостью любить другъ друга. Пусть же дѣти выносятъ изъ этой книжки святую Христову радость, пусть утѣшаются тѣмъ, что только бы поселилась она въ сердцахъ — и у всѣхъ на землѣ будетъ елка!

6-го Декабря
1882 г.

О. М.

Изъ записокъ Вареньки Доброселовой.

I.

Мнѣ было только четырнадцать лѣтъ, когда умеръ батюшка. Дѣтство мое было самымъ счастливымъ временемъ моей жизни. Началось оно не здѣсь, но далеко отсюда, въ провинціи, въ глуши. Батюшка былъ управителемъ огромнаго имѣнія князя П-го, въ Т-й губерніи. Мы жили въ одной изъ деревень князя, и жили тихо, неслышно, счастливо . . . Я была такая рѣзвая маленькая, только и дѣлаю, бывало, что бѣгаю по полямъ, по рощамъ, по саду, а обо мнѣ никто и не заботился. Батюшка безпрерывно былъ занятъ дѣлами, матушка занималась хозяйствомъ; меня ничему не учили, а я тому и рада была. Бывало, съ самаго ранняго утра убѣгу или на прудъ, или въ рощу, или на сѣнокосъ, или къ жнецамъ — и нужды нѣтъ, что солнце печетъ, что забѣжишь сама не знаешь куда отъ селенья, исцарапаешься объ кусты, разорвешь свое платье; — дома послѣ бранятъ, а мнѣ и ничего.

И мнѣ кажется, я бы такъ была счастлива, еслибъ пришлось хоть всю жизнь мою не выѣзжать изъ деревни и жить на одномъ мѣстѣ. А между тѣмъ я еще дитею принуждена была оставить родныя мѣста. Мнѣ было еще только двѣнадцать лѣтъ, когда мы въ Петербургъ переѣхали. Ахъ, какъ я грустно помню наши пе-

чальные сборы! Какъ я плакала, когда прощалась со всѣмъ, что такъ было мило мнѣ. Я помню, что я бросилась на шею батюшкѣ и со слезами умоляла остаться хоть немножко въ деревнѣ. Батюшка закричалъ на меня, матушка плакала; говорили, что надобно, что дѣла этого требовали. Старый князь П-й умеръ. Наслѣдники отказали батюшкѣ отъ должности. У батюшки были кой-какія деньги въ оборотахъ въ рукахъ частныхъ лицъ въ Петербургѣ. Надѣясь поправить свои обстоятельства, онъ почелъ необходимымъ свое личное здѣсь присутствіе. Все это я узнала послѣ отъ матушки. Мы здѣсь поселились на Петербургской сторонѣ и прожили на одномъ мѣстѣ до самой кончины батюшки.

Какъ тяжело было мнѣ привыкать къ новой жизни! Мы въѣхали въ Петербургъ осенью. Когда мы оставляли деревню, день былъ такой свѣтлый, теплый, яркій; сельскія работы кончались; на гумнахъ уже громоздились огромныя скирды хлѣба и толпились крикливыя стаи птицъ; все было такъ ясно и весело; а здѣсь, при въѣздѣ нашемъ въ городъ, дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, слякоть и толпа новыхъ, незнакомыхъ лицъ, негостепріимныхъ, недовольныхъ, сердитыхъ! Кое-какъ мы устроились. Помню, всѣ такъ суетились у насъ, все хлопотали, обзаводились новымъ хозяйствомъ. Батюшки все не было дома, у матушки не было покойной минуты — меня позабыли совсѣмъ. Грустно мнѣ было вставать по утру, послѣ первой ночи на нашемъ новосельи. Окна наши выходили на какой-то желтый заборъ. На улицѣ постоянно была грязь. Прохожіе были рѣдки, и всѣ они такъ плотно кутались, всѣмъ такъ было холодно.

А дома у насъ по цѣлымъ днямъ была страшная тоска и скука. Родныхъ и близкихъ знакомыхъ

у насъ почти не было, ходили къ намъ довольно часто люди по дѣламъ. Обыкновенно спорили, шумѣли, кричали. Послѣ каждаго посѣщенія, батюшка дѣлался такимъ недовольнымъ, сердитымъ; по цѣлымъ часамъ ходитъ, бывало, изъ угла въ уголъ, нахмурясь, и ни съ кѣмъ слова не вымолвитъ. Матушка не смѣла тогда и заговорить съ нимъ и молчала. Я садилась куда нибудь въ уголокъ за книжку — смирно, тихо; пошевелиться, бывало, не смѣю.

Три мѣсяца спустя по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, меня отдали въ пансіонъ. Вотъ грустно-то было мнѣ сначала въ чужихъ людяхъ! Все такъ сухо, непривѣтливо было; — гувернантки такія крикуньи, дѣвицы такія насмѣшницы, а я такая дикарка. Строго, взыскательно! Часы на все положенные, общій столъ, скучные учителя — все это меня сначала истерзало, измучило. Я тамъ и спать не могла. Плачу, бывало, цѣлую ночь, длинную, скучную, холодную ночь. Бывало, по вечерамъ всѣ повторяютъ или учатъ уроки; я сижу себѣ за разговорами или вокабулами, шевельнуться не смѣю, а сама все думаю про домашній нашъ уголъ, про батюшку, про матушку, про мою старушку-няню, про нянины сказки . . . ахъ, какъ сгрустнется! Объ самой пустой вещицѣ въ домѣ, и о той съ удовольствіемъ вспоминаешь. Думаешь-думаешь: вотъ какъ-бы хорошо теперь было дома! Сидѣла бы я въ маленькой комнаткѣ нашей, у самовара, вмѣстѣ съ нашими; было бы такъ тепло, хорошо, знакомо. Какъ-бы, думаешь, обняла теперь матушку, крѣпко-крѣпко, горячо-горячо! — Думаешь-думаешь, да и заплачешь тихонько съ тоски, давя въ груди слезы, и нейдутъ на умъ вокабулы. Къ завтраму урока не выучишь; всю ночь снятся учитель, мадамъ, дѣвицы; всю ночь во снѣ уроки твердишь, а на другой день ничего

не знаешь. Поставятъ на колѣни, дадутъ одно кушанье. Я была такая невеселая, скучная. Сначала всѣ дѣвицы надо мной смѣялись, дразнили меня, сбивали, когда я говорила уроки, щипали, когда мы въ рядахъ шли къ обѣду или къ чаю, жаловались на меня ни за что ни про что гувернанткѣ. За то какой рай, когда няня придетъ, бывало, за мной въ субботу вечеромъ. Такъ и обниму, бывало, мою старушку въ изступленіи радости. Она меня одѣнетъ, укутаетъ, дорогою не поспѣваетъ за мной, а я ей все болтаю, болтаю, разсказываю. Домой приду веселая, радостная, крѣпко обниму нашихъ, какъ-будто послѣ десятилѣтней разлуки. Начнутся толки, разговоры, разсказы; со всѣми здороваешься, смѣешься, хохочешь, бѣгаешь, прыгаешь. Съ батюшкой начнутся разговоры серьезные, о наукахъ, о нашихъ учителяхъ, о французскомъ языкѣ, о грамматикѣ Ломонда — и всѣ мы такъ веселы, такъ довольны. Мнѣ и теперь весело вспоминать сбъ этихъ минутахъ. Я всѣми силами старалась учиться и угождать батюшкѣ. Я видѣла, что онъ послѣднее на меня отдавалъ, а самъ бился Богъ знаетъ какъ. Съ каждымъ днемъ онъ становился все мрачнѣе, недовольнѣе, сердитѣе; характеръ его совсѣмъ испортился; дѣла не удавались, долговъ было пропасть. Матушка, бывало, и плакать боялась, слово сказать боялась, чтобы не разсердить батюшку; сдѣлалась больная такая; все худѣла, худѣла и стала дурно кашлять. Я, бывало, приду изъ пансіона — все такія грустныя лица; матушка потихоньку плачетъ, батюшка сердится. Начнутся упреки, укоры. Батюшка начнетъ говорить, что я ему не доставляю никакихъ радостей, никакихъ утѣшеній; что они изъ за меня послѣдняго лишаются, а я до сихъ поръ не говорю по французски; однимъ словомъ, всѣ неудачи, всѣ несчастія, все, все вымѣща-

лось на мнѣ и на матушкѣ. А какъ можно было мучить бѣдную матушку? Глядя на нее, сердце разрывалось, бывало: щеки ея ввалились, глаза впали, въ лицѣ былъ такой чахоточный цвѣтъ. Мнѣ доставалось больше всѣхъ. Начиналось всегда изъ пустяковъ, а потомъ ужъ Богъ знаетъ до чего доходило; часто я даже не понимала, о чемъ идетъ дѣло. Чего не причиталось! . . . И французскій языкъ, и что я большая дура, и что содержательница нашего пансіона нерадивая, глупая женщина; что она объ нашей нравственности не заботится; что батюшка службы себѣ до сихъ поръ не можетъ найти, и что грамматика Ломонда скверная грамматика, а Запольскаго гораздо лучше; что на меня денегъ много бросили по пустому; что я видно безчувственная, каменная — однимъ словомъ я, бѣдная, изъ всѣхъ силъ билась, твердя разговоры и вокабулы, а во всемъ была виновата, за все отвѣчала! И это совсѣмъ не оттого, чтобы батюшка не любилъ меня: во мнѣ и матушкѣ онъ души не слышалъ. Но ужъ это такъ, характеръ былъ такой.

Заботы, огорченія, неудачи измучили бѣднаго батюшку до крайности: онъ сталъ недовѣрчивъ, желченъ; часто былъ близокъ къ отчаянію, началъ пренебрегать своимъ здоровьемъ, простудился, и вдругъ заболѣлъ, страдалъ недолго и скончался такъ внезапно, такъ скоропостижно, что мы всѣ нѣсколько дней были внѣ себя отъ удара. Матушка была въ какомъ-то оцѣпенѣніи; я даже боялась за ея разсудокъ. Только что скончался батюшка, кредиторы явились къ намъ какъ изъ земли, нахлынули гурьбою. Все, что у насъ ни было, мы отдали. Нашъ домикъ на Петербургской сторонѣ, который батюшка купилъ полгода спустя послѣ переселенія нашего въ Петербургъ, былъ также проданъ. Не знаю, какъ уладили остальное, но сами мы остались безъ

крова, безъ пристанища, безъ пропитанія. Матушка страдала изнурительною болѣзнію, прокормить мы себя не могли, жить было нечѣмъ, впереди была гибель. Мнѣ тогда только минуло четырнадцать лѣтъ. Вотъ тутъ-то насъ и посѣтила Анна Ѳедоровна. Она все говоритъ, что она какая-то помѣщица и намъ доводится какою-то роднею. Матушка тоже говорила, что она намъ родня, только очень дальняя. При жизни батюшки она къ намъ никогда не ходила. Явилась она со слезами на глазахъ, говорила, что принимаетъ въ насъ большое участіе; соболѣзновала о нашей потерѣ, о нашемъ бѣдственномъ положеніи, прибавила, что батюшка былъ самъ виноватъ: что онъ не по силамъ жилъ, далеко забирался, и что ужъ слишкомъ на свои силы надѣялся. Обнаружила желаніе сойтись съ нами короче, предложила забыть обоюдныя непріятности; а когда матушка объявила, что никогда не чувствовала къ ней непріязни, то она прослезилась, повела матушку въ церковь и заказала панихиду по голубчикѣ (такъ она выразилась о батюшкѣ). Послѣ этого она торжественно помирилась съ матушкой.

Послѣ долгихъ вступленій и предувѣдомленій, Анна Ѳедоровна, изобразивъ въ яркихъ краскахъ наше бѣдственное положеніе, сиротство, безнадежность, безпомощность, пригласила насъ, какъ она сама выразилась, у ней пріютиться. Матушка благодарила, но долго не рѣшалась: но такъ какъ дѣлать было нечего, и иначе распорядиться никакъ нельзя, то и объявила наконецъ Аннѣ Ѳедоровнѣ, что ея предложеніе мы принимаемъ съ благодарностію. Какъ теперь помню утро, въ которое мы перебирались съ Петербургской стороны на Васильевскій островъ. Утро было осеннее, ясное, сухое, морозное. Матушка плакала: мнѣ было ужасно грустно; грудь у

меня разрывалась, душу томило отъ какой-то неизъяснимой, страшной тоски . . . Тяжкое было время . . .

II.

Сначала, покамѣстъ еще мы, то есть я и матушка, не обжились на нашемъ новосельи, намъ обѣимъ было какъ-то жутко, дико у Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна жила въ собственномъ домѣ, въ шестой линіи. Въ домѣ всего было пять чистыхъ комнатъ. Въ трехъ изъ нихъ жила Анна Ѳедоровна и двоюродная сестра моя, Саша, которая у ней воспитывалась, ребенокъ, сиротка, безъ отца и матери. Потомъ, въ одной комнатѣ жили мы, и наконецъ въ послѣдней комнатѣ, рядомъ съ нами, помѣщался одинъ бѣдный студентъ Покровскій, жилецъ у Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна жила очень хорошо. Поминутно попрекала она насъ; только и дѣлала, что твердила о своихъ благодѣяніяхъ. Постороннимъ людямъ рекомендовала насъ, какъ своихъ бѣдныхъ родственницъ, вдовицу и сироту безпомощныхъ, которыхъ она изъ милости, ради любви христіанской, у себя пріютила. За столомъ каждый кусокъ, который мы брали, слѣдила глазами, а если мы не ѣли, такъ опять начиналась исторія: дескать мы гнушаемся; не взыщите, чѣмъ богата тѣмъ и рада; было ли бы еще у насъ самихъ лучше. Батюшку поминутно бранила; говорила, что лучше другихъ хотѣлъ быть, да худо и вышло; дескать жену съ дочерью пустилъ по міру, и что не нашлось бы родственницы благодѣтельной, христіанской души сострадательной, такъ еще Богъ знаетъ, пришлось бы, можетъ быть, среди улицы съ голоду сгнить. Чего-чего она не говорила! Не такъ горько, какъ отвратительно было ее слушать. Матушка поминутно плакала; здоровье ея становилось день

отъ дня хуже, она видимо чахла, а между тѣмъ мы съ нею работали съ утра до ночи, доставали заказную работу, шили. Но нужно было одѣваться, нужно было на непредвидѣнные расходы откладывать; нужно было непремѣнно свои деньги имѣть. Мы на всякій случай копили, надѣялись, что можно будетъ со временемъ переѣхать куда нибудь. Но матушка послѣднее здоровье свое потеряла на работѣ: она слабѣла съ каждымъ днемъ. Болѣзнь, какъ червь, видимо подтачивала жизнь ея и близила къ гробу. Я все видѣла, все чувствовала, все выстрадала; все это было на глазахъ моихъ!

Дни проходили за днями и каждый день былъ похожъ на предъидущій. Мы жили тихо, какъ будто и не въ городѣ. Анна Ѳедоровна мало по малу утихала, по мѣрѣ того, какъ сама стала вполнѣ сознавать свое владычество. Ей, впрочемъ, никогда и никто не думалъ прекословить. Въ нашей комнатѣ мы были отдѣлены отъ ея половины корридоромъ, а рядомъ съ нами, какъ я уже упоминала, жилъ Покровскій. Онъ училъ Сашу французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи — всѣмъ наукамъ, какъ говорила Анна Ѳедоровна, и за то получалъ отъ нея квартиру и столъ; Саша была препонятливая дѣвочка, хотя рѣзвая и шалунья; ей было тогда лѣтъ тринадцать. Анна Ѳедоровна замѣтила матушкѣ, что не дурно бы было, если бы и я стала учиться, за тѣмъ что въ пансіонѣ меня не доучили. Матушка съ радостію согласилась, и я цѣлый годъ училась у Покровскаго вмѣстѣ съ Сашей.

Покровскій былъ бѣдный, очень бѣдный молодой человѣкъ; здоровье его не позволяло ему ходить постоянно учиться, и его такъ, по привычкѣ только, звали у насъ студентомъ. Жилъ онъ скромно, смирно, тихо, такъ что и не слышно бывало его изъ нашей комнаты. Съ виду онъ

былъ такой странный: такъ неловко ходилъ, такъ неловко раскланивался, такъ чудно говорилъ, что я сначала на него безъ смѣху и смотрѣть не могла. Саша безпрерывно надъ нимъ проказничала, особенно, когда онъ намъ уроки давалъ. А онъ въ добавокъ былъ раздражительнаго характера, безпрестанно сердился, за каждую малость изъ себя выходилъ, кричалъ на насъ, жаловался на насъ и часто, не докончивъ урока, разсерженный уходилъ въ свою комнату. У себя же онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за книгами. У него было много книгъ, и все такія дорогія, рѣдкія книги. Онъ кое гдѣ еще училъ, получалъ кое какую плату, такъ что чуть бывало у него заведутся деньги, такъ онъ тотчасъ идетъ себѣ книгъ покупать.

Со временемъ я узнала его лучше, короче. Онъ былъ добрѣйшій, достойнѣйшій человѣкъ, наилучшій изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ встрѣчать удавалось. Матушка его весьма уважала. Потомъ онъ и для меня былъ лучшимъ изъ друзей, — разумѣется, послѣ матушки.

Сначала я, такая большая дѣвушка, шалила за одно съ Сашей, и мы, бывало, по цѣлымъ часамъ ломаемъ головы, какъ бы раздразнить и вывесть его изъ терпѣнія. Онъ ужасно смѣшно сердился, а намъ это было чрезвычайно забавно. (Мнѣ даже и вспоминать это стыдно.) Разъ мы раздразнили его чѣмъ-то чуть не до слезъ, и я слышала ясно, какъ онъ прошепталъ: «Злыя дѣти». Я вдругъ смутилась; мнѣ стало и стыдно и горько и жалко его. Я помню, что я покраснѣла до ушей и чуть не со слезами на глазахъ стала просить его успокоиться и не обижаться нашими глупыми шалостями, но онъ закрылъ книгу, не докончилъ намъ урока и ушелъ въ свою комнату. Я цѣлый день надрывалась отъ раскаянія. Мысль о томъ, что мы, дѣти, своими жестокостями до-

вели его до слезъ, была для меня нестерпима. Мы, стало быть, ждали его слезъ. Намъ, стало быть, ихъ хотѣлось; стало быть, мы успѣли его изъ послѣдняго терпѣнія вывесть, стало быть, мы насильно заставили его, несчастнаго, бѣднаго, о своемъ лютомъ жребіи вспомнить! Я всю ночь не спала отъ досады, отъ грусти, отъ раскаянія. Говорятъ, что раскаяніе облегчаетъ душу — напротивъ. Не знаю, какъ примѣшалось къ моему горю и самолюбіе. Мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ считалъ меня за ребенка. Мнѣ тогда было уже пятнадцать лѣтъ.

Съ этого дня, я начала мучить воображеніе мое, создавая тысячи плановъ, какимъ бы образомъ вдругъ заставить Покровскаго измѣнить свое мнѣніе обо мнѣ. Но я была подъ-часъ робка и застѣнчива; въ настоящемъ положеніи моемъ, я ни на что не могла рѣшиться и ограничивалась одними мечтаніями (и Богъ знаетъ какими мечтаніями!). Я перестала только проказничать вмѣстѣ съ Сашей; онъ пересталъ на насъ сердиться; но для самолюбія моего этого было мало.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ одномъ самомъ странномъ, самомъ любопытномъ и самомъ жалкомъ человѣкѣ изъ всѣхъ, которыхъ когда либо мнѣ случалось встрѣчать. Потому говорю о немъ теперь, именно въ этомъ мѣстѣ моихъ записокъ, что до самой этой эпохи я почти не обращала на него никакого вниманія; — такъ все касавшееся Покровскаго стало для меня вдругъ занимательно!

У насъ въ домѣ являлся иногда старичокъ, запачканный, дурно одѣтый, маленькій, сѣденькій, мѣшковатый, неловкій, однимъ словомъ, странный до нельзя. Съ перваго взгляда на него можно было подумать, что онъ какъ будто чего то стыдится, какъ будто ему себя самого совѣстно. Отъ того онъ все какъ-то ежился, какъ-то

кривлялся; такія ухватки, ужимки были у него, что можно было почти не ошибаясь заключить, что онъ не въ своемъ умѣ. Придетъ, бывало, къ намъ, да стоитъ въ сѣняхъ у стеклянныхъ дверей, и въ домъ войти не смѣетъ. Кто изъ насъ мимо пройдетъ — я или Саша, или изъ слугъ, кого онъ зналъ подобрѣе къ нему — то онъ сейчасъ машетъ, манитъ къ себѣ, дѣлаетъ разные знаки, и развѣ только когда кивнешь ему головою и позовешь его — условный знакъ, что въ домѣ нѣтъ никого посторонняго и что ему можно войти, когда ему угодно — только тогда старикъ тихонько отворялъ дверь, радостно улыбался, потиралъ руки отъ удовольствія и на цыпочкахъ прямо отправлялся въ комнату Покровскаго. Это былъ его отецъ.

Потомъ я узнала подробно всю исторію этого бѣднаго старика. Онъ когда-то гдѣ-то служилъ, былъ безъ малѣйшихъ способностей и занималъ самое послѣднее, самое незначительное мѣсто на службѣ. Когда умерла первая его жена (мать студента Покровскаго), то онъ вздумалъ жениться во второй разъ и женился на мѣщанкѣ. При новой женѣ въ домѣ все пошло вверхъ дномъ; никому житья отъ нея не стало; она всѣхъ къ рукамъ прибрала. Студентъ Покровскій былъ тогда еще ребенкомъ, лѣтъ десяти. Мачиха его возненавидѣла. Но маленькому Покровскому благопріятствовала судьба. Помѣщикъ Быковъ, знавшій чиновника Покровскаго и бывшій нѣкогда его благодѣтелемъ, принялъ ребенка подъ свое покровительство и помѣстилъ его въ какую-то школу.

Изъ школы молодой Покровскій поступилъ въ какую-то гимназію и потомъ въ университетъ. Господинъ Быковъ, весьма часто пріѣзжавшій въ Петербургъ, и тутъ не оставилъ его своимъ покровительствомъ. За разстроеннымъ здоро-

вьемъ своимъ, Покровскій не могъ продолжать занятій своихъ въ университетѣ. Господинъ Быковъ познакомилъ его съ Анной Ѳедоровной, самъ рекомендовалъ его, и такимъ образомъ молодой Покровскій былъ принятъ на хлѣбы, съ уговоромъ учить Сашу всему, чему ни потребуется.

Старикъ же Покровскій, съ горя отъ жестокостей жены своей, почти всегда бывалъ въ нетрезвомъ видѣ. Онъ былъ еще не очень старый человѣкъ, но отъ дурныхъ наклонностей почти изъ ума выжилъ. Единственнымъ же признакомъ человѣческихъ благородныхъ чувствъ была въ немъ неограниченная любовь къ сыну. Говорили, что молодой Покровскій похожъ какъ двѣ капли воды на покойную мать свою. Не воспоминанія ли о прежней, доброй женѣ породили въ сердцѣ погибшаго старика такую безпредѣльную любовь къ нему? Старикъ и говорить больше ни о чемъ не могъ, какъ о сынѣ, и постоянно два раза въ недѣлю навѣщалъ его. Онъ былъ ужасно любопытенъ, а разговорами и разспросами, самыми пустыми и безтолковыми, онъ поминутно мѣшалъ сыну заниматься, и наконецъ являлся иногда въ нетрезвомъ видѣ.

Бѣдный старикъ не могъ надивиться и нарадоваться на своего Петиньку (такъ онъ называлъ сына). Когда онъ приходилъ къ нему въ гости, то почти всегда имѣлъ какой-то озабоченный, робкій видъ, обыкновенно долго не рѣшался войти, и если я тутъ случалась, такъ онъ меня минутъ двадцать, бывало, разспрашивалъ — что, каковъ Петинька? здоровъ ли онъ? въ какомъ именно расположеніи духа и не занимается ли чѣмъ нибудь важнымъ? Что онъ именно дѣлаетъ? Пишетъ ли, или размышленіями какими занимается? Когда я его достаточно ободряла и успокоивала, то старикъ наконецъ рѣ-

шался войти и тихо-тихо, осторожно-осторожно отворялъ двери, проходилъ въ комнату, снималъ свою шинельку, шляпу, которая вѣчно у него была измятая, дырявая, съ оторванными полями, — все вѣшалъ на крюкъ, все дѣлалъ тихо, неслышно; потомъ садился гдѣ нибудь осторожно на стулъ и съ сына глазъ не спускалъ. Если сынъ съ нимъ заговаривалъ, то старикъ отвѣчалъ тихо, и всегда стараясь употреблять отборнѣйшія, то-есть самыя смѣшныя выраженія. Но даръ слова ему не давался: всегда смѣшается и сробѣетъ, такъ что не знаетъ куда руки дѣвать, куда себя дѣвать, и послѣ еще долго про себя отвѣтъ шепчетъ, какъ бы желая поправиться. Иногда онъ заходилъ къ намъ. Приносилъ мнѣ и Сашѣ пряничныхъ пѣтушковъ, яблоковъ, и все, бывало, толкуетъ съ нами о Петинькѣ. Просилъ насъ учиться внимательно, слушаться, говорилъ, что Петинька добрый сынъ, примѣрный сынъ, и въ добавокъ ученый сынъ. Тутъ онъ такъ, бывало, смѣшно подмигивалъ лѣвымъ глазкомъ, такъ забавно кривлялся, что мы не могли удержаться отъ смѣха и хохотали надъ нимъ отъ души. Маменька его очень любила.

Скоро я перестала учиться у Покровскаго. Меня онъ по прежнему считалъ ребенкомъ, рѣзвой дѣвочкой, на одномъ ряду съ Сашей. Мнѣ было это очень больно, потому что я всѣми силами старалась загладить мое прежнее поведеніе. Но меня не замѣчали. Это раздражало меня болѣе и болѣе. Я никогда почти не говорила съ Покровскимъ внѣ классовъ, да и не могла говорить. Я краснѣла, мѣшалась, и потомъ гдѣ нибудь въ уголку плакала отъ досады.

Я не знаю, чѣмъ бы это все кончилось, еслибъ сближенію нашему не помогло одно странное обстоятельство. Однажды вечеромъ, когда матушка сидѣла у Анны Ѳедоровны, я тихонько вошла

въ комнату Покровскаго. Я знала, что его не было дома, и право не знаю, отчего мнѣ вздумалось войти къ нему. До сихъ поръ я никогда и не заглядывала къ нему, хотя мы прожили рядомъ уже слишкомъ годъ. Я осмотрѣлась у него кругомъ съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ. Комната Покровскаго была весьма бѣдно убрана; порядка было мало. На стѣнахъ прибито было пять длинныхъ полокъ съ книгами. На столѣ и на стульяхъ лежали бумаги. Книги да бумаги! Онъ былъ ученъ, а я была глупа и ничего не знала, ничего не читала, ни одной книги . . . Тутъ я завистливо поглядѣла на длинныя полки, которыя ломились подъ книгами. Мною овладѣла досада, тоска, какое-то бѣшенство. Мнѣ захотѣлось, и я тутъ же рѣшилась прочесть его книги, всѣ до одной, и какъ можно скорѣе. Не знаю, можетъ быть я думала, что научившись всему, что онъ зналъ, буду достойнѣе его дружбы. Я бросилась къ первой полкѣ; не думая, не останавливаясь, схватила въ руки первый попавшійся запыленный, старый томъ, и, краснѣя, блѣднѣя, дрожа отъ волненія и страха, утащила къ себѣ краденую книгу, рѣшившись прочесть ее ночью у ночника, когда заснетъ матушка.

Но какъ же мнѣ стало досадно, когда я, придя въ нашу комнату, торопливо развернула книгу, и увидала какое-то старое, полусгнившее, все изъѣденное червями латинское сочиненіе. Я воротилась не теряя времени. Только что я хотѣла поставить книгу на полку, послышался шумъ въ корридорѣ и чьи то близкіе шаги. Я заспѣшила, заторопилась, но несносная книга была такъ плотно поставлена въ рядъ, что когда я вынула одну, всѣ остальныя раздались сами собою, и сплотнились такъ, что теперь для прежняго ихъ товарища не оставалось болѣе мѣста.

Втиснуть книгу у меня не доставало силъ. Однакожъ я толкнула книги какъ только могла сильнѣе. Ржавый гвоздь, на которомъ крѣпилась полка, и который, кажется, нарочно ждалъ этой минуты, чтобъ сломаться — сломался. Полка полетѣла однимъ концомъ внизъ. Книги съ шумомъ посыпались на полъ. Дверь отворилась, и Покровскій вошелъ въ комнату.

Нужно замѣтить, что онъ терпѣть не могъ, когда кто нибудь хозяйничалъ въ его владѣніяхъ. Бѣда тому, кто дотрогивался до книгъ его! Судите же о моемъ ужасѣ, когда книги, маленькія, большія, всевозможныхъ форматовъ, всемозможной величины и толщины, ринулись съ полки, полетѣли, запрыгали подъ столомъ, подъ стульями, по всей комнатѣ. Я было хотѣла бѣжать, но было поздно. — Кончено, думаю, кончено! Я пропала, погибла! Я балую, рѣзвлюсь, какъ десятилѣтній ребенокъ; я глупая дѣвчонка! Я большая дура!! — Покровскій разсердился ужасно. — «Ну вотъ этого не доставало еще! закричалъ онъ. Ну не стыдно ли вамъ такъ шалить! . . . Уйметесь-ли вы когда нибудь?» и самъ бросился подбирать книги. Я было нагнулась помогать ему. — «Не нужно, не нужно, закричалъ онъ. Лучше бы вы сдѣлали, еслибъ не ходили туда, куда васъ не просятъ.» — Но, впрочемъ, немного смягченный моимъ покорнымъ движеніемъ, онъ продолжалъ уже тише, въ недавнемъ, наставническомъ тонѣ, пользуясь недавнимъ правомъ учителя: — «Ну, когда вы остепенитесь, когда вы одумаетесь? Вѣдь вы на себя посмотрите, вѣдь ужъ вы не ребенокъ, не маленькая дѣвочка, вѣдь вамъ уже пятнадцать лѣтъ!»

Нѣсколько дней спустя, матушка вдругъ сдѣлалась опасно больна. Она уже два дня не вставала съ постели и на третью ночь была въ жару и въ бреду. Я уже не спала одну ночь, ухажи-

вая за матушкой, сидѣла у ея кровати, подносила ей питье и давала въ опредѣленные часы лекарства. На вторую ночь я измучилась совершенно. По временамъ меня клонилъ сонъ, въ глазахъ зеленѣло, голова шла кругомъ, и я каждую минуту готова была упасть отъ утомленія, но слабые стоны матери пробуждали меня, я вздрагивала, просыпалась на мгновеніе, а потомъ дремота опять одолѣвала меня. Я мучилась. Я не знаю — я не могу припомнить себѣ — но какой-то страшный сонъ, какое-то ужасное видѣніе посѣтило мою разстроенную голову въ томительную минуту борьбы сна съ бдѣніемъ. Я проснулась въ ужасѣ. Въ комнатѣ было темно, ночникъ погасалъ, полосы свѣта то вдругъ обливали всю комнату, то чуть-чуть мелькали по стѣнѣ, то исчезали совсѣмъ. Мнѣ стало отъ чего-то страшно, какой-то ужасъ напалъ на меня; воображеніе мое взволновано было ужаснымъ сномъ; тоска сдавила мое сердце . . . Я вскочила со стула и невольно вскрикнула отъ какого-то мучительнаго, страшно-тягостнаго чувства. Въ это время отворилась дверь, и Покровскій вошелъ къ намъ въ комнату.

Онъ бережно посадилъ меня въ кресла, подалъ мнѣ стаканъ воды и засыпалъ вопросами. Не помню, что я ему отвѣчала. — «Вы больны, вы сами очень больны», сказалъ онъ, взявъ меня за руку: «у васъ жаръ, вы себя губите, вы своего здоровья не щадите; успокойтесь, лягте, засните. Я васъ разбужу черезъ два часа, успокойтесь немного . . . Ложитесь-же, ложитесь!» продолжалъ онъ, не давая мнѣ выговорить ни одного слова въ возраженіе. Усталость отняла у меня послѣднія силы; глаза мои закрывались отъ слабости. Я прилегла въ кресла, рѣшившись заснуть только на полчаса, и проспала до утра. Покровскій разбудилъ меня только

тогда, когда пришло время давать матушкѣ лекарство.

На другой день, когда я, отдохнувъ немного днемъ, приготовилась опять сидѣть въ креслахъ у постели матушки, твердо рѣшившись въ этотъ разъ не засыпать, Покровскій часовъ въ одиннадцать постучался въ нашу комнату. Я отворила. «Вамъ скучно сидѣть одной», сказалъ онъ мнѣ; — «вотъ вамъ книга; возьмите; все не такъ скучно будетъ». Я взяла; я не помню, какая это была книга; врядъ ли я тогда въ нее заглянула, хотя всю ночь не спала.

Въ слѣдующій вечеръ, когда въ домѣ ужъ всѣ улеглись, Покровскій отворилъ свою дверь и началъ со мной разговаривать, стоя у порога своей комнаты. Помню, что я робѣла, мѣшалась, досадовала на себя, и съ нетерпѣніемъ ожидала окончанія разговора, хотя сама всѣми силами желала его, цѣлый день мечтала о немъ и сочиняла мои вопросы и отвѣты . . . Я призналась ему, что мнѣ хотѣлось учиться, что-нибудь знать, что мнѣ досадно было, что меня считаютъ дѣвочкой, ребенкомъ . . .

Матушка выздоравливала, но я еще продолжала сидѣть по ночамъ у ея постели. Часто Покровскій давалъ мнѣ книги; я читала, сначала, чтобъ не заснуть, потомъ внимательнѣе, потомъ съ жадностью; передо мной внезапно открылось много новаго, доселѣ невѣдомаго, незнакомаго мнѣ. Новыя мысли, новыя впечатлѣнія разомъ, обильнымъ потокомъ прихлынули къ моему сердцу.

Какъ-то разъ зашелъ къ намъ старикъ Покровскій. Онъ долго съ нами болталъ, былъ не по обыкновенному веселъ, бодръ, разговорчивъ; смѣялся, острилъ по своему, и, наконецъ, разрѣшилъ загадку своего восторга и объявилъ намъ, что ровно черезъ недѣлю будетъ день ро-

жденія Петиньки, и что по сему случаю онъ непремѣнно придетъ къ сыну; что онъ надѣнетъ новую жилетку и что жена обѣщалась купить ему новые сапоги. Однимъ словомъ, старикъ былъ счастливъ вполнѣ и болталъ обо всемъ, что ему на умъ попадалось.

День его рожденія! Этотъ день рожденія не давалъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Я непремѣнно рѣшилась напомнить о своей дружбѣ Покровскому и что-нибудь подарить ему. Но что? Наконецъ, я выдумала подарить ему книгъ. Я знала, что ему хотѣлось имѣть полное собраніе сочиненій Пушкина въ послѣднемъ изданіи, и я рѣшила купить Пушкина. У меня своихъ собственныхъ денегъ было рублей тридцать, заработанныхъ рукодѣльемъ. Эти деньги были отложены у меня на новое платье. Тотчасъ я послала нашу кухарку, старуху Матрену, узнать, что стоитъ весь Пушкинъ. Бѣда! Цѣна всѣхъ одиннадцати книгъ, присовокупивъ сюда издержки на переплетъ, была по крайней мѣрѣ рублей шестьдесятъ. Гдѣ взять денегъ? Я думала-думала и не знала, на что рѣшиться. У матушки просить не хотѣлось. Конечно, матушка мнѣ непремѣнно бы помогла; но тогда всѣ бы въ домѣ узнали о нашемъ подаркѣ; да къ тому же этотъ подарокъ обратился бы въ благодарность, въ плату за цѣлый годъ трудовъ Покровскаго. Мнѣ хотѣлось подарить одной, тихонько отъ всѣхъ. — Наконецъ, я выдумала какъ выйти изъ затрудненія.

Я знала, что у букинистовъ въ Гостинномъ дворѣ можно купить книгу иногда въ полцѣны дешевле, если только поторговаться, часто мало подержанную и почти совершенно новую. Я положила непремѣнно отправиться въ Гостинный дворъ. Такъ и случилось; на завтра же встрѣтилась какая-то надобность и у насъ и у Анны

Ѳедоровны. Матушкѣ понездоровилось, Анна Ѳедоровна очень кстати полѣнилась, такъ что пришлось всѣ порученія возложить на меня, и я отправилась вмѣстѣ съ Матреной.

Къ моему счастію, я нашла весьма скоро Пушкина, и въ весьма красивомъ переплетѣ. Я начала торговаться. Сначала запросили дороже, чѣмъ въ лавкахъ; но потомъ, впрочемъ не безъ труда, уходя нѣсколько разъ, я довела купца до того, что онъ сбавилъ цѣну и ограничилъ свои требованія только десятью рублями серебромъ. Какъ мнѣ весело было торговаться! . . . Бѣдная Матрена не понимала, что со мной дѣлается, и зачѣмъ я вздумала покупать столько книгъ. Но ужасъ! Весь мой капиталъ былъ въ тридцать рублей ассигнаціями, а купецъ никакъ не соглашался уступить дешевле. Наконецъ, я начала упрашивать, просила-просила его, наконецъ упросила. Онъ уступилъ, но только два съ полтиною, и побожился, что и эту уступку онъ только ради меня дѣлаетъ, что я такая барышня хорошая, а что для другого кого онъ ни за что бы не уступилъ. Двухъ съ половиною рублей не доставало! Я готова была заплакать съ досады. Но самое неожиданное обстоятельство помогло мнѣ въ моемъ горѣ.

Недалеко отъ меня, у другаго стола съ книгами, я увидала старика Покровскаго. Вокругъ него столпились четверо или пятеро букинистовъ; они его сбили съ послѣдняго толку, затормошили совсѣмъ. Всякій изъ нихъ предлагалъ ему свой товаръ, и чего-чего не предлагали они ему и чего-чего не хотѣлъ онъ купить! Бѣдный старикъ стоялъ посреди ихъ какъ будто забитый какой-нибудь, и не зналъ, за что и взяться изъ того, что ему предлагали. Я подошла къ нему и спросила — что онъ здѣсь дѣлаетъ? Старикъ мнѣ очень обрадовался; онъ любилъ меня безъ

памяти, можетъ быть не менѣе Петиньки. — Да вотъ книжки покупаю, Варвара Алексѣевна, отвѣчалъ онъ мнѣ, Петинькѣ покупаю книжки. Вотъ его день рожденія скоро будетъ, а онъ любитъ книжки, такъ вотъ и я покупаю ихъ для него . . . — Старикъ и всегда смѣшно изъяснялся, а теперь въ добавокъ былъ въ ужаснѣйшемъ замѣшательствѣ. Къ чему ни прицѣнится, все рубль серебромъ, два рубля, три рубля серебромъ; ужъ онъ къ большимъ книгамъ и не прицѣнивался, а такъ только завистливо на нихъ посматривалъ, перебиралъ пальцами листочки, вертѣлъ въ рукахъ и опять ихъ ставилъ на мѣсто. Нѣтъ, нѣтъ, это дорого, говорилъ онъ вполголоса, а вотъ развѣ отсюдова что-нибудь — и тутъ онъ начиналъ перебирать тоненькія тетрадки, пѣсенники, альманахи; это все было очень дешево. Да зачѣмъ вы это все покупаете, спросила я его: это все ужасные пустяки. — Ахъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ, нѣтъ, вы посмотрите только, какія здѣсь есть хорошія книжки; очень-очень хорошія есть книжки! — И послѣднія слова онъ такъ жалобно протянулъ на распѣвъ, что мнѣ показалось, что онъ заплакать готовъ отъ досады, зачѣмъ книжки хорошія дороги, и что вотъ сейчасъ капнетъ слезинка съ его блѣдныхъ щекъ на красный носъ. Я спросила, много ли у него денегъ? — Да вотъ — тутъ бѣдненькій вынулъ всѣ свои деньги, завернутыя въ засаленную газетную бумажку — вотъ полтинничекъ, двугривенничекъ, мѣди копѣекъ двадцать. Я его сейчасъ потащила къ моему букинисту. — Вотъ цѣлыхъ одиннадцать книгъ стоитъ всего-то тридцать два рубля съ полтиною; у меня есть тридцать; приложите два съ полтиною, и мы купимъ всѣ эти книги и подаримъ вмѣстѣ. Старикъ обезумѣлъ отъ радости, высыпалъ всѣ свои деньги, и букинистъ навьючилъ на него всю нашу

общую библіотеку. Мой старичекъ наложилъ книгъ во всѣ карманы, набралъ въ обѣ руки, подъ мышки, и унесъ все къ себѣ, давъ мнѣ слово принести всѣ книги на другой день тихонько ко мнѣ.

На другой день старикъ пришелъ къ сыну, съ часочекъ посидѣлъ у него по обыкновенію, потомъ зашелъ къ намъ и подсѣлъ ко мнѣ съ прекомическимъ таинственнымъ видомъ. Сначала съ улыбкой, потирая руки отъ гордаго удовольствія владѣть какой-нибудь тайной, онъ объявилъ мнѣ, что книжки всѣ пренезамѣтно перенесены къ намъ и стоятъ въ уголку, въ кухнѣ, подъ покровительствомъ Матрены. Потомъ разговоръ естественно перешелъ на ожидаемый праздникъ; потомъ старикъ распространился о томъ, какъ мы будемъ дарить, и чѣмъ далѣе углублялся онъ въ свой предметъ, чѣмъ болѣе о немъ говорилъ, тѣмъ примѣтнѣе мнѣ становилось, что у него есть что-то на душѣ, о чемъ онъ не можетъ, не смѣетъ, даже боится выразиться. Я все ждала и молчала. Тайная радость, тайное удовольствіе, что я легко читала доселѣ въ его странныхъ ухваткахъ, гримасничаньи, подмигиваньи лѣвымъ глазкомъ, исчезли. Онъ дѣлался поминутно все безпокойнѣе и тоскливѣе; наконецъ онъ не выдержалъ.

— Послушайте, началъ онъ робко, въ полголоса: — послушайте, Варвара Алексѣевна . . . знаете ли что, Варвара Алексѣевна? . . . — старикъ былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ. — Видите: вы, какъ придетъ день его рожденія, возьмите десять книжекъ и подарите ихъ ему сами, т. е. отъ себя, съ своей стороны; я же возьму тогда одну одиннадцатую, и ужъ тоже подарю отъ себя, т. е. собственно съ своей стороны. Такъ вотъ видите ли — и у васъ будетъ что-нибудь подарить, и у меня будетъ что-нибудь по-

дарить; у насъ обоихъ будетъ что-нибудь подарить. Тутъ старикъ смѣшался и замолчалъ. Я взглянула на него; онъ съ робкимъ ожиданіемъ ожидалъ моего приговора. — Да зачѣмъ же вы хотите, чтобъ мы не вмѣстѣ дарили, Захаръ Петровичъ? — Да такъ, Варвара Алексѣевна, ужъ это такъ . . . — я вѣдь оно того . . . — однимъ словомъ, старикъ замѣшался, покраснѣлъ, завязъ въ своей фразѣ и не могъ сдвинуться съ мѣста.

— Видите ли, объяснился онъ наконецъ. — Я, Варвара Алексѣевна, балуюсь подъ часъ . . . т. е. я хочу доложить вамъ, что я почти и все балуюсь и всегда балуюсь . . . придерживаюсь того, что нехорошо . . . т. е. знаете, этакъ на дворѣ такіе холода бываютъ, также иногда непріятности бываютъ разныя, или тамъ какъ-нибудь грустно сдѣлается, или что-нибудь изъ нехорошаго случится, такъ я и не удержусь подъ часъ, и забалуюсь, и выпью иногда лишнее. Петрушѣ это очень непріятно. Такъ вотъ бы мнѣ и хотѣлось теперь самому доказать ему подаркомъ моимъ, что я исправляюсь и начинаю вести себя хорошо; что вотъ я копилъ, чтобы книжку купить, долго копилъ, потому что у меня и денегъ то почти никогда не бываетъ, развѣ, случится, Петруша кое-когда дастъ. Онъ это знаетъ. Слѣдовательно, вотъ онъ увидитъ употребленіе денегъ моихъ, и узнаетъ, что все это я для него одного дѣлаю.

Мнѣ стало ужасно жаль старика. Я думала не долго. Старикъ смотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ. «Да слушайте, Захаръ Петровичъ, сказала я: вы подарите ихъ ему всѣ». — Какъ всѣ? т. е. книжки всѣ? — «Ну да, книжки всѣ». — И отъ себя? — «Отъ себя». — Отъ одного себя? то есть, отъ своего имени? — «Ну да, отъ своего имени . . .» Я, кажется, очень ясно тол-

ковала, но старикъ очень долго не могъ понять меня.

— Ну да, говорилъ онъ задумавшись, да! это будетъ очень хорошо, это было бы весьма хорошо, только вы-то какъ же, Варвара Алексѣевна? — «Ну, да я ничего не подарю». — Какъ! закричалъ старикъ, почти испугавшись; такъ вы ничего Петинькѣ не подарите, такъ вы ему ничего дарить не хотите? Старикъ испугался; въ эту минуту онъ, кажется, готовъ былъ отказаться отъ своего предложенія, за тѣмъ, чтобы и я могла чѣмъ-нибудь подарить его сына. Добрякъ былъ этотъ старикъ! Я увѣрила его, что я бы рада была подарить что-нибудь, да только у него не хочу отнимать удовольствія. — «Если сынъ вашъ будетъ доволенъ, прибавила я, и вы будете рады, то и я буду рада, потому что въ тайнѣ-то, въ сердцѣ-то моемъ, буду чувствовать, какъ будто и на самомъ дѣлѣ я подарила». Этимъ старикъ совершенно успокоился. Онъ пробылъ у насъ еще два часа, но все это время на мѣстѣ не могъ усидѣть, вставалъ, возился, шумѣлъ, шалилъ съ Сашей, цѣловалъ меня украдкой, щипалъ меня за руку и дѣлалъ тихонько гримасы Аннѣ Ѳедоровнѣ. Анна Ѳедоровна прогнала его наконецъ изъ дома. Однимъ словомъ, старикъ отъ восторга такъ расходился, какъ, можетъ-быть, никогда еще не бывало съ нимъ.

Въ торжественный день онъ явился ровно въ одиннадцать часовъ, прямо отъ обѣдни, во фракѣ, прилично заштопанномъ, и дѣйствительно въ новомъ жилетѣ и въ новыхъ сапогахъ. Въ обѣихъ рукахъ было у него по связкѣ книгъ. Мы всѣ сидѣли тогда въ залѣ у Анны Ѳедоровны и пили кофе (было воскресенье). Старикъ началъ, кажется, съ того, что Пушкинъ былъ весьма хорошій стихотворецъ; потомъ, сбиваясь и мѣшаясь, перешелъ вдругъ на то, что нужно

вести себя хорошо, и что, если человѣкъ не ведетъ себя хорошо, то значитъ, что онъ балуется; что дурныя наклонности губятъ и уничтожаютъ человѣка; исчислилъ даже нѣсколько пагубныхъ примѣровъ невоздержанія, и заключилъ тѣмъ, что онъ съ нѣкотораго времени совершенно исправился, и что теперь ведетъ себя примѣрно хорошо.

Я не могла удержаться отъ слезъ и смѣха, слушая бѣднаго старика; вѣдь умѣлъ же налгать, когда нужда пришла! Книги были перенесены въ комнату Покровскаго и поставлены на полку. Покровскій тотчасъ угадалъ истину. Старика пригласили обѣдать. Этотъ день мы всѣ были такъ веселы. Послѣ обѣда играли въ фанты, въ карты; Саша рѣзвилась, я отъ нея не отставала.

А теперь все пойдутъ грустныя, тяжелыя воспоминанія; начнется повѣсть о моихъ черныхъ дняхъ. Вотъ отъ чего, можетъ-быть, перо мое начинаетъ двигаться медленнѣе и какъ-будто отказывается писать далѣе. Вотъ отъ чего, можетъ-быть, я съ такимъ увлеченіемъ и съ такою любовью переходила въ памяти моей малѣйшія подробности моего маленькаго житья-бытья въ счастливые дни мои. Эти дни были такъ недолги; ихъ смѣнило горе, черное горе, которое Богъ одинъ знаетъ когда кончится.

Несчастія мои начались болѣзнію и смертію Покровскаго.

Онъ заболѣлъ два мѣсяца спустя послѣ послѣднихъ происшествій, мною здѣсь описанныхъ. Въ эти два мѣсяца онъ неутомимо хлопоталъ о способахъ жизни, ибо до сихъ поръ онъ еще не имѣлъ опредѣленнаго положенія. Какъ и всѣ чахоточные, онъ не разставался, до послѣдней минуты своей, съ надеждою жить очень долго. Ему выходило куда-то мѣсто въ учителя; но къ

этому ремеслу онъ имѣлъ отвращеніе. Служить гдѣ-нибудь въ казенномъ мѣстѣ онъ не могъ за нездоровьемъ. Къ тому же долго бы нужно было ждать перваго оклада жалованья. Короче, Покровскій видѣлъ вездѣ только однѣ неудачи; характеръ его портился. Здоровье его разстраивалось; онъ этого не примѣчалъ. Подступила осень. Каждый день выходилъ онъ въ своей легкой шинелькѣ хлопотать по своимъ дѣламъ, просить и вымаливать себѣ гдѣ-нибудь мѣста, — что его внутренно мучило; промачивалъ ноги, мокъ подъ дождемъ и, наконецъ, слегъ въ постель, съ которой не вставалъ уже болѣе . . . Онъ умеръ въ глубокую осень, въ концѣ октября мѣсяца.

Онъ рѣдко былъ въ памяти; часто былъ въ бреду; говорилъ Богъ знаетъ о чемъ, о своемъ мѣстѣ, о своихъ книгахъ, обо мнѣ, объ отцѣ . . . въ послѣднюю ночь онъ былъ какъ изступленный; онъ ужасно страдалъ, тосковалъ; стоны его терзали мою душу. Всѣ въ домѣ были въ какомъ-то испугѣ. Анна Ѳедоровна все молилась, чтобъ Богъ его прибралъ поскорѣе. Призвали доктора. Докторъ сказалъ, что больной умретъ къ утру непремѣнно.

Старикъ Покровскій цѣлую ночь провелъ въ корридорѣ, у самой двери въ комнату сына; тутъ ему постлали какую-то рогожку. Онъ поминутно входилъ въ комнату; на него страшно было смотрѣть. Онъ былъ такъ убитъ горемъ, что казался совершенно безчувственнымъ и безсмысленнымъ. Голова его тряслась отъ страха. Онъ самъ весь дрожалъ, и все что-то шепталъ про себя, о чемъ-то разсуждалъ самъ съ собою. Мнѣ казалось, что онъ съ ума сойдетъ съ горя.

Передъ разсвѣтомъ, старикъ, усталый отъ душевной боли, заснулъ на своей рогожкѣ какъ убитый. Въ восьмомъ часу сынъ сталъ умирать;

я разбудила отца. Покровскій былъ въ полной памяти и простился со всѣми нами. Чудно! Я не могла плакать; но душа моя разрывалась на части.

Но всего болѣе истерзали и измучили меня его послѣднія мгновенія. Онъ чего-то все просилъ долго, долго, коснѣющимъ языкомъ своимъ, а я ничего не могла разобрать изъ словъ его. Сердце мое надрывалось отъ боли! Цѣлый часъ онъ былъ безпокоенъ, объ чемъ-то все тосковалъ, силился сдѣлать какой-то знакъ охолодѣлыми руками своими, и потомъ опять начиналъ просить жалобно, хриплымъ, глухимъ голосомъ; но слова его были одни безсвязные звуки, и я опять ничего понять не могла. Я подводила ему всѣхъ нашихъ, давала ему пить; но онъ все грустно качалъ головою. Наконецъ я поняла, чего онъ хотѣлъ. Онъ просилъ поднять занавѣсъ у окна и открыть ставни. Ему вѣрно хотѣлось взглянуть послѣдній разъ на день, на свѣтъ Божій, на солнце. Я отдернула занавѣсъ; но начинающійся день былъ печальный и грустный, какъ угасающая бѣдная жизнь умирающаго. Солнца не было. Облака застилали небо туманною пеленою; оно было такое дождливое, хмурое, грустное. Мелкій дождь дробилъ въ стекла и омывалъ ихъ струями холодной, грязной воды; было тускло и темно. Въ комнату чуть-чуть проходили лучи блѣднаго дня и едва оспаривали дрожащій свѣтъ лампадки, затепленной передъ образомъ. Умирающій взглянулъ на меня грустно-грустно и покачалъ головою. Черезъ минуту онъ умеръ.

Похоронами распорядилась сама Анна Ѳедоровна. Купили гробъ простой-простой, и наняли ломового извощика. Въ обезпеченіе издержекъ, Анна Ѳедоровна захватила всѣ книги и всѣ вещи покойнаго. Старикъ съ ней спорилъ, шумѣлъ, отнялъ у ней книгъ сколько могъ, на-

билъ ими всѣ свои карманы, наложилъ ихъ въ шляпу, куда могъ, носился съ ними всѣ три дня, и даже не разстался съ ними и тогда, когда нужно было идти въ церковь. Всѣ эти дни онъ былъ какъ безпамятный, какъ одурѣлый, и съ какою-то странною заботливостью все хлопоталъ около гроба; то оправлялъ вѣнчикъ на покойникѣ, то зажигалъ и снималъ свѣчи. Видно было, что мысли его ни на чемъ не могли остановиться порядкомъ. Ни матушка, ни Анна Ѳедоровна не были въ церкви на отпѣваніи. Матушка была больна, а Анна Ѳедоровна совсѣмъ было ужъ собралась, да поссорилась со старикомъ Покровскимъ и осталась. Была только одна я, да старикъ. Во время службы на меня напалъ какой-то страхъ. Я едва могла выстоять въ церкви. — Наконецъ гробъ закрыли, заколотили, поставили на телѣгу и повезли. Я проводила его только до конца улицы. Извощикъ поѣхалъ рысью. Старикъ бѣжалъ за нимъ и громко плакалъ; плачъ его дрожалъ и прерывался отъ бѣга. Бѣдный потерялъ свою шляпу и не остановился поднять ее. Голова его мокла отъ дождя; поднимался вѣтеръ; изморозь сѣкла и колола лицо. Старикъ, кажется, не чувствовалъ непогоды и съ плачемъ перебѣгалъ съ одной стороны телѣги на другую. Полы его ветхаго сюртука развѣвались по вѣтру, какъ крылья. Изъ всѣхъ кармановъ торчали книги; въ рукахъ его была какая то огромная книга, за которую онъ крѣпко держался. Прохожіе снимали шапки и крестились. Иные останавливались и дивились на бѣднаго старика. Книги поминутно падали у него изъ кармановъ въ грязь. Его останавливали, показывали ему на потерю; онъ поднималъ и опять пускался въ догонку за гробомъ. На углу улицы увязалась съ нимъ вмѣстѣ провожать гробъ какая-то нищая старуха. Телѣга поворотила на-

конецъ за уголъ и скрылась отъ глазъ моихъ. Я пошла домой. Я бросилась въ тяжкой тоскѣ на грудь матушки. Я сжимала ее крѣпко-крѣпко въ рукахъ своихъ, цѣловала ее и навзрыдъ плакала, боязливо прижимаясь къ ней, какъ-бы стараясь удержать въ своихъ объятіяхъ послѣдняго друга моего и не отдавать его смерти . . . Но смерть уже стояла надъ бѣдной матушкой!

. . . . . .

Неточка и Катя.

Неточка въ одинъ и тотъ же день лишилась и отца и матери и была взята на воспитаніе въ одно княжеское семейство, гдѣ сперва выдержала тяжелую болѣзнь. Только съ выздоровленіемъ пришла она въ сознаніе. Вотъ ея позднѣйшія записки о томъ, что было далѣе.

Это былъ второй и послѣдній періодъ моей болѣзни.

Вновь открывъ глаза, я увидѣла склонившееся надо мною лицо ребенка, дѣвочки однихъ лѣтъ со мною, и первымъ движеніемъ моимъ было протянуть къ ней руки. Съ перваго взгляда на нее, — какимъ то счастьемъ, будто сладкимъ предчувствіемъ наполнилась вся душа моя. Представьте себѣ идеально прелестное личико, поражающую сверкающую красоту, одну изъ такихъ, передъ которыми вдругъ останавливаешься, какъ пронзенный, въ сладостномъ смущеніи, вздрогнувъ отъ восторга и которой благодаренъ за то, что она есть, за то, что на нее упалъ вашъ взглядъ за то, что она прошла возлѣ васъ. Это была дочь князя, Катя, которая только что воротилась изъ Москвы. Она улыбнулась моему движенію, и слабые нервы мои заныли отъ сладостнаго восторга.

Княжна позвала отца, который былъ въ двухъ шагахъ и говорилъ съ докторомъ.

— Ну, слава Богу! слава Богу! сказалъ князь, взявъ меня за руку, и лицо его засіяло неподдѣльнымъ чувствомъ. — Радъ, радъ, очень радъ,

продолжалъ онъ скороговоркой, по всегдашней привычкѣ. — А вотъ, Катя, моя дѣвочка: познакомьтесь, — вотъ тебѣ и подруга. Выздоравливай скорѣе, Нѐточка. Злая эдакая, какъ она меня напугала! . . .

Выздоровленіе мое пошло очень скоро. Черезъ нѣсколько дней я уже ходила. Каждое утро Катя подходила къ моей постели, всегда съ улыбкой, со смѣхомъ, который не сходилъ съ ея губъ. Ея появленія ждала я какъ счастья; мнѣ такъ хотѣлось поцѣловать ее! Но шаловливая дѣвочка приходила едва на нѣсколько минутъ; посидѣть смирно она не могла. Вѣчно двигаться, бѣгать, скакать, шумѣть и гремѣть на весь домъ, было въ ней непремѣнной потребностью. И потому она уже съ перваго раза объявила мнѣ, что ей ужасно скучно сидѣть у меня и что потому она будетъ приходить очень рѣдко, да и то за тѣмъ, что ей жалко меня, — такъ ужъ нечего дѣлать, нельзя не придти; а что вотъ, когда я выздоровѣю, такъ у насъ пойдетъ лучше. И каждое утро первымъ словомъ ея было:

— Ну, выздоровѣла?

И, такъ какъ я все еще была худа и блѣдна, и улыбка какъ-то боязливо проглядывала на моемъ грустномъ лицѣ, то княжна тотчасъ же хмурила брови, качала головой, и въ досадѣ топала ножкой.

— А вѣдь я-жъ тебѣ сказала вчера, чтобъ ты была лучше! Что? Тебѣ вѣрно ѣсть не даютъ?

— Да, мало, отвѣчала я робко, потому что уже робѣла передъ ней. Мнѣ изъ всѣхъ силъ хотѣлось ей какъ можно понравиться, а потому я боялась за каждое свое слово, за каждое движеніе. Появленіе ея всегда болѣе и болѣе приводило меня въ восторгъ. Я не спускала съ нея глазъ, и когда она уйдетъ, бывало, я все еще смотрю, какъ зачарованная, въ ту сторону, гдѣ

она стояла. Она мнѣ стала сниться во снѣ. А на яву, когда ея не было, я сочиняла цѣлые разговоры съ ней, была ея другомъ, шалила, проказила, плакала вмѣстѣ съ ней, когда насъ журили за что-нибудь. Мнѣ ужасно хотѣлось выздоровѣть и поскорѣй пополнѣть, какъ она мнѣ совѣтовала.

Когда, бывало, Катя вбѣжитъ ко мнѣ утромъ и съ перваго слова крикнетъ: «Не выздоровѣла? опять такая же худая!» то я трусила какъ виноватая. Но ничего не могло быть серьезнѣе удивленія Кати, что я не могу поправиться въ одни сутки; такъ что она, наконецъ, начинала и въ самомъ дѣлѣ сердиться.

— Ну такъ хочешь, я тебѣ сегодня пирогъ принесу? сказала она мнѣ однажды. — Кушай, отъ этого скоро растолстѣешь.

— Принеси, отвѣчала я въ восторгѣ, что увижу ее еще разъ.

Освѣдомившись о моемъ здоровьѣ, княжна садилась обыкновенно противъ меня на стулъ и начинала разсматривать меня своими черными глазами. И сначала, какъ знакомилась со мной, она поминутно такъ осматривала меня съ головы до ногъ съ самымъ наивнымъ удивленіемъ. Но нашъ разговоръ не клеился. Я робѣла передъ Катей и передъ ея крутыми выходками, тогда какъ умирала отъ желанія говорить съ ней.

— Что-жъ ты молчишь? начала Катя послѣ нѣкотораго молчанія.

— Что дѣлаетъ папа? спросила я, обрадовавшись, что есть фраза, съ которой можно начинать разговоръ каждый разъ.

— Ничего. Папѣ хорошо. Я сегодня выпила двѣ чашки чаю, а не одну. А ты сколько?

— Одну.

Опять молчаніе.

— Сегодня Фальстафъ меня хотѣлъ укусить.

— Это собака?

— Да, собака. Ты развѣ не видала?

— Нѣтъ, видѣла.

И такъ какъ я не знала, что отвѣчать, то княжна опять посмотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Что? Тебѣ весело, когда я съ тобой говорю?

—Да, очень весело: приходи чаще.

— Мнѣ такъ и сказали, что тебѣ будетъ весело, когда я буду къ тебѣ приходить, да ты вставай скорѣе; ужъ я тебѣ сегодня принесу пирогъ . . . Да что ты все молчишь?

— Такъ.

— Ты все думаешь, вѣрно?

— Да, много думаю.

— А мнѣ говорятъ, что я много говорю и мало думаю. Развѣ говорить худо?

— Нѣтъ. Я рада, когда ты говоришь.

— Гм, спрошу у мадамъ Леотаръ, она все знаетъ. А о чемъ ты думаешь?

— Я о тебѣ думаю, отвѣчала я, помолчавъ

— Это тебѣ весело?

— Да.

— Стало быть, ты меня любишь?

— Да.

— А я тебя еще не люблю. Ты такая худая! Вотъ я тебѣ пирогъ принесу. Ну прощай!

И княжна, поцѣловавъ меня почти на лету, исчезла изъ комнаты.

Но послѣ обѣда дѣйствительно явился пирогъ. Она вбѣжала, какъ изступленная, хохоча отъ радости, что принесла-таки мнѣ кушанье, которое мнѣ запрещали.

— Ѣшь больше, ѣшь хорошенько, это мой пирогъ, я сама не ѣла. Ну прощай! И только я ее и видѣла.

Другой разъ она вдругъ влетѣла ко мнѣ, тоже не въ урочный часъ, послѣ обѣда; черные ло-

коны ея были словно вихремъ разметаны, щечки горѣли какъ пурпуръ, глаза сверкали; значитъ, что она уже бѣгала и прыгала часъ, или два.

— Ты умѣешь въ воланы играть? закричала она запыхавшись, скороговоркой, торопясь куда-то.

— Нѣтъ, отвѣчала я, ужасно жалѣя, что не могу сказать: да!

— Экая! Ну, выздоровѣешь, выучу. Я только за тѣмъ. Я теперь играю съ мадамъ Леотаръ. Прощай, меня ждутъ.

Наконецъ, я совсѣмъ встала съ постели, хотя все еще была слаба и безсильна. Первая идея моя была ужъ не разлучаться болѣе съ Катей. Что-то неудержимо влекло меня къ ней. Я едва могла на нее насмотрѣться, и это удивило Катю. Влеченіе къ ней было такъ сильно, я шла впередъ въ новомъ чувствѣ моемъ такъ горячо, что она не могла этого не замѣтить, и сначала ей показалось это неслыханной странностью. Помню, что разъ, во время какой-то игры, я не выдержала, бросилась ей на шею и начала ее цѣловать. Она высвободилась изъ моихъ объятій, схватила меня за руки и, нахмуривъ брови, какъ будто я чѣмъ ее обидѣла, спросила меня:

— Что ты? Зачѣмъ ты меня цѣлуешь?

Я смутилась какъ виноватая, вздрогнула отъ ея быстраго вопроса, и не отвѣчала ни слова. Княжна вскинула плечиками, въ знакъ неразрѣшеннаго недоумѣнья (жестъ, обратившійся у ней въ привычку), пресерьезно сжала свои пухленькія губки, бросила игру и усѣлась въ уголъ на диванѣ, откуда разсматривала меня очень долго и о чемъ-то про себя раздумывала, какъ будто разрѣшая новый вопросъ, внезапно возникшій въ умѣ ея. Это тоже была ея привычка во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Въ свою очередь и я очень долго не могла привыкнуть

къ этимъ рѣзкимъ, крутымъ проявленіямъ ея характера.

Сначала я обвиняла себя и подумала, что во мнѣ дѣйствительно очень много страннаго. Но хотя это было и вѣрно, а все таки я мучилась недоумѣніемъ, отчего я не могу съ перваго раза подружиться съ Катей и понравиться ей разъ навсегда. Неудачи мои оскорбляли меня до боли, и я готова была плакать отъ каждаго скораго слова Кати, отъ каждаго недовѣрчиваго взгляда ея. Но горе мое усиливалось не по днямъ, а по часамъ, потому что съ Катей всякое дѣло шло очень быстро. Черезъ нѣсколько дней я замѣтила, что она совсѣмъ не взлюбила меня и даже начинала чувствовать ко мнѣ отвращеніе. Все въ этой дѣвочкѣ дѣлалось скоро, рѣзко, — иной бы сказалъ грубо, еслибъ въ этихъ быстрыхъ какъ молнія движеніяхъ характера прямого, наивно-откровеннаго, не было истинной, благородной граціи. Началось тѣмъ, что она почувствовала ко мнѣ сначала сомнѣніе, а потомъ даже презрѣніе, кажется, сначала за то, что я рѣшительно не умѣла играть ни въ какую игру. Княжна любила рѣзвиться, бѣгать, была сильна, жива, ловка; я — совершенно напротивъ. Я была слаба еще отъ болѣзни, тиха, задумчива; игра не веселила меня; однимъ словомъ, во мнѣ рѣшительно недоставало способностей понравиться Катѣ. Кромѣ того, я не могла вынести, когда мною чѣмъ-нибудь недовольны: тотчасъ же становилась грустна, упадала духомъ, такъ что ужъ и силъ недоставало загладить свою ошибку и передѣлать въ свою пользу невыгодное обо мнѣ впечатлѣніе, — однимъ словомъ, погибала вполнѣ. Этого Катя никакъ не могла понять. Сначала она даже пугалась меня, разсматривала меня съ удивленіемъ, по своему обыкновенію, послѣ того какъ, бывало, цѣлый часъ бьется со

мной, показывая, какъ играютъ въ воланы, и не добьется толку. А такъ какъ я тотчасъ же становилась грустна, такъ что слезы готовы были хлынуть изъ глазъ моихъ, то она, подумавъ надо мной раза три и не добившись толку ни отъ меня, ни отъ размышленій своихъ, бросала меня наконецъ совершенно и начинала играть одна, ужъ болѣе не приглашая меня, даже не говоря со мной въ цѣлые дни ни слова. Это меня такъ поражало, что я едва выносила ея пренебреженіе. Новое одиночество стало для меня чуть ли не тяжеле прежняго, и я опять начала грустить, задумываться, и опять черныя мысли облегли мое сердце.

Мадамъ Леотаръ, надзиравшая за нами, замѣтила наконецъ эту перемѣну въ нашихъ отношеніяхъ. И такъ какъ прежде всего я бросилась ей на глаза и мое вынужденное одиночество поразило ее, то она и обратилась прямо къ княжнѣ, журя ее за то, что она не умѣетъ обходиться со мною. Княжна нахмурила бровки, вскинула плечиками и объявила, что ей со мной нечего дѣлать, что я не умѣю играть, что я о чемъ то все думаю и что лучше она подождетъ брата Сашу, который пріѣдетъ изъ Москвы, и тогда имъ обоимъ будетъ гораздо веселѣе.

Но мадамъ Леотаръ не удовольствовалась такимъ отвѣтомъ и, замѣтила ей, что она меня оставляетъ одну, тогда какъ я еще больна, что я не могу быть такой же веселой и рѣзвой, какъ Катя, что это впрочемъ и лучше, потому что Катя слишкомъ рѣзва, что она то-то сдѣлала, это-то сдѣлала, что третьяго дня ее чуть-было бульдогъ не заѣлъ, — однимъ словомъ, мадамъ Леотаръ побранила ее не жалѣя; кончила же тѣмъ, что послала ее ко мнѣ, съ приказаніемъ помириться немедленно.

Катя слушала мадамъ Леотаръ съ большимъ вниманіемъ, какъ будто дѣйствительно поняла

что-то новое и справедливое въ резонахъ ея. Бросивъ обручъ, который она гоняла по залѣ, она подошла ко мнѣ и, серьезно посмотрѣвъ на меня, спросила съ удивленіемъ:

— Вы развѣ хотите играть?

— Нѣтъ, отвѣчала я, испугавшись за себя и за Катю, когда ее бранила мадамъ Леотаръ.

— Чего-жъ вы хотите?

— Я посижу; мнѣ тяжело бѣгать; а только вы не сердитесь на меня, Катя, потому что я васъ очень люблю.

— Ну такъ я буду играть одна, тихо и съ разстановкой отвѣчала Катя, какъ бы съ удивленіемъ замѣчая, что, выходитъ, она не виновата. Ну, прощайте, я на васъ не буду сердиться.

— Прощайте, отвѣчала я, привставъ и подавая ей руку.

— Можетъ быть, вы хотите поцѣловаться, спросила она, немного подумавъ, вѣроятно припомнивъ нашу недавнюю сцену и желая сдѣлать мнѣ какъ можно болѣе пріятнаго, чтобъ поскорѣе и согласно кончить со мною.

— Какъ вы хотите, отвѣчала я съ робкой надеждой.

Она подошла ко мнѣ и пресерьезно, не улыбнувшись, поцѣловала меня. Такимъ образомъ кончивъ все, что отъ нея требовали, даже сдѣлавъ больше, чѣмъ было нужно, чтобъ доставить полное удовольствіе бѣдной дѣвочкѣ, къ которой ее посылали, она побѣжала отъ меня довольная и веселая, и скоро по всѣмъ комнатамъ снова раздавался ея смѣхъ и крикъ, до тѣхъ поръ пока, утомленная, едва переводя духъ, бросилась она на диванъ — отдыхать и собираться съ свѣжими силами. Во весь вечеръ посматривала она на меня подозрительно: вѣроятно я казалась ей очень чудной и странной. Видно было, что ей хотѣлось о чемъ-то заговорить со мной, разъ-

яснить себѣ какое-то недоумѣніе, возникшее на счетъ меня; но въ этотъ разъ, я не знаю почему, она удержалась. Обыкновенно по утрамъ начинались уроки Кати. Мадамъ Леотаръ учила ее французскому языку. Все ученье состояло въ повтореніи грамматики и въ чтеніи Лафонтена. Ее не учили слишкомъ многому, потому что едва добились отъ нея согласія просидѣть въ день за книгой два часа времени. На этотъ уговоръ она наконецъ согласилась по просьбѣ отца, по приказанію матери, и исполняла его очень совѣстливо, потому что сама дала слово. У ней были рѣдкія способности: она понимала быстро и скоро. Но и тутъ въ ней были маленькія странности: если она не понимала чего, то тотчасъ же начинала думать объ этомъ сама и терпѣть не могла идти за объясненіями, — она какъ-то стыдилась этого. Разсказывали, что она по цѣлымъ днямъ иногда билась надъ какимъ-нибудь вопросомъ, который не могла рѣшить, сердилась, что не могла одолѣть его сама, безъ чужой помощи, и только въ послѣднихъ случаяхъ, уже совсѣмъ выбившись изъ силъ, приходила къ мадамъ Леотаръ съ просьбою помочь ей разрѣшить вопросъ, который ей не давался. То же было въ каждомъ ея поступкѣ. Она ужъ много думала, хотя это вовсе не казалось такъ съ перваго взгляда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, она была не по лѣтамъ наивна: иной разъ ей случалось спросить какую-нибудь совершенную глупость; другой разъ въ ея отвѣтахъ являлись самая дальновидная тонкость и хитрость.

Такъ какъ я тоже могла наконецъ чѣмъ-нибудь заниматься, то мадамъ Леотаръ, проэкзаменовавъ меня въ моихъ познаніяхъ и найдя, что я читаю очень хорошо, пишу очень худо, признала за немедленную и крайнюю необходимость учить меня по французски.

Я не возражала, и мы въ одно утро засѣли, вмѣстѣ съ Катей, за учебный столъ. Случись же, что въ этотъ разъ Катя, какъ нарочно, была чрезвычайно тупа и до крайности разсѣянна, такъ что мадамъ Леотаръ не узнавала ея. Я же, почти въ одинъ сеансъ, знала уже всю французскую азбуку, какъ можно желая угодить мадамъ Леотаръ своимъ прилежаніемъ. Къ концу урока мадамъ Леотаръ совсѣмъ разсердилась на Катю.

— Смотрите на нее, сказала она, указывая на меня: — больной ребенокъ, учится въ первый разъ и вдесятеро больше васъ сдѣлала. Вамъ это не стыдно?

— Она знаетъ больше меня? спросила въ изумленіи Катя, — да она еще азбуку учитъ!

— Вы во сколько времени азбуку выучили?

— Въ три урока.

— А она въ одинъ. Стало-быть, она втрое скорѣе васъ понимаетъ и мигомъ васъ перегонитъ. Такъ ли?

Катя подумала немного и вдругъ покраснѣла какъ полымя, увѣрясь, что замѣчаніе мадамъ Леотаръ справедливо. Покраснѣть, сгорѣть отъ стыда — было ея первымъ движеніемъ почти при каждой неудачѣ, въ досадѣ ли, отъ гордости ли, когда ее уличали за шалости, однимъ словомъ, почти во всѣхъ случаяхъ. Въ этотъ разъ почти слезы выступили на глазахъ ея, но она смолчала и только такъ посмотрѣла на меня, какъ будто желала сжечь меня взглядомъ. Я тотчасъ догадалась, въ чемъ дѣло. Бѣдняжка была горда и самолюбива до крайности. Когда мы пошли отъ мадамъ Леотаръ, я было заговорила, чтобъ разсѣять поскорѣй ея досаду и показать, что я вовсе не виновата въ словахъ француженки, но Катя промолчала, какъ будто не слыхала меня.

Черезъ часъ она вошла въ ту комнату, гдѣ я сидѣла за книгой, все раздумывая о Катѣ, по-

раженная и испуганная тѣмъ, что она опять не хочетъ со мной говорить. Она посмотрѣла на меня изъ-подлобья, усѣлась, по обыкновенію, на диванѣ и полчаса не спускала съ меня глазъ. Наконецъ, я не выдержала и взглянула на нее вопросительно.

— Вы умѣете танцовать? спросила Катя.

— Нѣтъ, не умѣю.

— А я умѣю.

Молчаніе.

— А на фортепьяно играете?

— Тоже нѣтъ.

— А я играю. Этому очень трудно выучиться.

Я смолчала.

— МадамъЛеотаръ говоритъ,что вы умнѣе меня.

— Мадамъ Леотаръ на васъ разсердилась, отвѣчала я.

— А развѣ папа будетъ тоже сердиться?

— Не знаю, отвѣчала я.

Опять молчаніе; княжна въ нетерпѣніи била по полу своей маленькой ножкой.

— Такъ вы надо мной будете смѣяться, оттого, что лучше меня понимаете? спросила она, наконецъ, не выдержавъ болѣе своей досады.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала я и вскочила съ мѣста, чтобъ броситься къ ней обнять ее.

— И вамъ не стыдно такъ думать и спрашивать объ этомъ, княжна? раздался вдругъ голосъ мадамъ Леотаръ, которая уже пять минутъ наблюдала за нами и слышала нашъ разговоръ. — Стыдитесь! вы стали завидовать бѣдному ребенку и хвалиться передъ ней, что умѣете танцовать и играть на фортепіано. Стыдно; я все разскажу князю.

Щеки княжны загорѣлись, какъ зарево.

— Это дурное чувство. Вы ее обидѣли своими вопросами. Родители ея были бѣдные люди и не могли ей нанять учителей; она сама училась,

потому что у ней хорошее, доброе сердце. Вы бы должны были любить ее, а вы хотите съ ней ссориться. Стыдитесь, стыдитесь! Вѣдь она — сиротка. У ней нѣтъ никого. Еще бы вы похвалились передъ ней, что вы княжна, а она нѣтъ. Я васъ оставляю одну. Подумайте о томъ, что я вамъ говорила, исправьтесь.

Княжна думала ровно два дня. Два дня не было слышно ея смѣха и крика. Проснувшись ночью, я подслушала, что она даже во снѣ продолжаетъ разсуждать съ мадамъ Леотаръ. Она даже похудѣла немного въ эти два дня и румянецъ не такъ живо игралъ на ея свѣтленькомъ личикѣ. Наконецъ, на третій день мы обѣ сошлись внизу, въ большихъ комнатахъ. Княжна шла отъ матери, но, увидѣвъ меня, остановилась и сѣла недалеко, напротивъ. Я со страхомъ ожидала, что будетъ, дрожала всѣми членами.

— Нѣточка, за что меня бранили за васъ, спросила она, наконецъ.

— Это не за меня, Катенька, отвѣчала я, спѣша оправдаться.

— А мадамъ Леотаръ говоритъ, что я васъ обидѣла.

— Нѣтъ, Катенька, нѣтъ, вы меня не обидѣли.

Княжна вскинула плечиками, въ знакъ недоумѣнія.

— Отчего жъ вы все плачете? спросила она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я не буду плакать, если вы хотите, отвѣчала я сквозь слезы.

Она опять пожала плечами.

— Вы и прежде все плакали?

Я не отвѣчала.

— Зачѣмъ вы у насъ живете? спросила вдругъ княжна, помолчавъ.

Я посмотрѣла на нее въ изумленіи, и какъ будто что-то кольнуло мнѣ въ сердце.

— Оттого, что я сиротка, отвѣтила я, наконецъ, собравшись съ духомъ.

— У васъ были папа и мама?

— Были.

— Что, они васъ не любили?

— Нѣтъ . . . любили, отвѣчала я черезъ силу.

— Они были бѣдные?

— Да.

— Очень бѣдные?

— Да.

— Они васъ ничему не учили?

— Читать учили.

— У васъ были игрушки?

— Нѣтъ.

— Пирожное было?

— Нѣтъ.

— У васъ было сколько комнатъ?

— Одна.

— Одна комната?

— Одна.

— А слуги были?

— Нѣтъ, не было слугъ.

— А кто-жъ вамъ служилъ?

— Я сама покупать ходила.

Вопросы княжны все больше и больше растравляли мнѣ сердце. И воспоминанія, и мое одиночество, и удивленіе княжны, — все это поражало, обижало мое сердце, которое обливалось кровью. Я вся дрожала отъ волненія и задыхалась отъ слезъ.

— Вы, стало-быть, рады, что у насъ живете?

Я молчала.

— У васъ было платье хорошее?

— Нѣтъ.

— Дурное?

— Да.

— Я видѣла ваше платье, мнѣ его показывали.

— Зачѣмъ же вы меня спрашиваете? сказала я, вся задрожавъ отъ какого-то новаго, невѣдомаго для меня ощущенія и подымаясь съ мѣста. — Зачѣмъ же вы меня спрашиваете? продолжала я, покраснѣвъ отъ негодованія. — Зачѣмъ вы надо мной смѣетесь?

Княжна вспыхнула и тоже встала съ мѣста, но мигомъ преодолѣла свое волненіе.

— Нѣтъ . . . я не смѣюсь, отвѣчала она. — Я только хотѣла знать, правда ли, что папа и мама у васъ были бѣдны?

— Зачѣмъ вы спрашиваете меня про папу и маму? сказала я, заплакавъ отъ душевной боли. — Зачѣмъ вы такъ про нихъ спрашиваете? Что они вамъ сдѣлали, Катя?

Катя стояла въ смущеніи и не знала, что отвѣчать. Въ эту минуту вошелъ князь.

— Что съ тобой, Нѣточка? спросилъ онъ, взглянувъ на меня и увидѣвъ мои слезы: — что съ тобой? продолжалъ онъ, взглянувъ на Катю, которая была красна, какъ огонь: — о чемъ вы говорили? За что вы поссорились? Нѣточка, за что вы поссорились?

Но я не могла отвѣчать. Я схватила руку князя и со слезами цѣловала ее.

— Катя, не лги. Что́ здѣсь было?

Катя лгать не умѣла.

— Я сказала, что видѣла, какое у нея было дурное платье, когда еще она жила съ папой и мамой.

— Кто тебѣ показывалъ? Кто смѣлъ показать?

— Я сама видѣла, отвѣчала Катя рѣшительно.

— Ну, хорошо! Ты не скажешь на другихъ, я тебя знаю. Что-жъ дальше?

— А она заплакала и сказала: зачѣмъ я смѣюсь надъ папой и надъ мамой.

— Стало быть, ты смѣялась надъ ними?

Хоть Катя и не смѣялась, но, знать, въ ней было такое намѣреніе, когда я съ перваго разу такъ поняла. Она не отвѣчала ни слова: значитъ, тоже соглашалась въ проступкѣ.

— Сейчасъ же подойди къ ней и проси у нея прощенія, сказалъ князь, указавъ на меня.

Княжна стояла блѣдная, какъ платокъ, и не двигаясь съ мѣста.

— Ну! сказалъ князь.

— Я не хочу, проговорила, наконецъ, Катя въ полголоса и съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

— Катя!

— Нѣтъ, не хочу, не хочу! закричала она вдругъ, засверкавъ глазками и затопавъ ногами. — Не хочу, папа, прощенія просить. Я не люблю ее. Я не буду съ нею вмѣстѣ жить . . . Я не виновата, что она цѣлый день плачетъ. Не хочу, не хочу!

— Пойдемъ со мной, сказалъ князь, схватилъ ее за руку и повелъ къ себѣ въ кабинетъ. — Нѣточка, ступай на верхъ

Я хотѣла броситься къ князю, хотѣла просить за Катю, но князь строго повторилъ свое приказаніе, и я пошла на верхъ, похолодѣвъ отъ испуга, какъ мертвая. Придя въ нашу комнату, я упала на диванъ и закрыла руками голову. Я считала минуты, ждала Катю съ нетерпѣніемъ, хотѣла броситься къ ногамъ ея. Наконецъ, она воротилась, не сказавъ мнѣ ни слова, прошла мимо меня и сѣла въ уголъ. Глаза ея были красны, щеки опухли отъ слезъ. Вся рѣшимость моя исчезла. Я смотрѣла на нее въ страхѣ, и отъ страха не могла двинуться съ мѣста.

Я всѣми силами обвиняла себя, всѣми силами старалась доказать себѣ, что я во всемъ виновата. Тысячу разъ хотѣла я подойти къ Катѣ и тысячу разъ останавливалась, не зная, какъ она меня приметъ. Такъ прошелъ день, другой.

Къ вечеру другого дня Катя сдѣлалась веселѣй и погнала было свой обручъ по комнатамъ, но скоро бросила свою забаву и сѣла одна въ уголъ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, она вдругъ оборотилась было ко мнѣ, даже сдѣлала ко мнѣ два шага, и губки ея раскрылись сказать мнѣ что-то такое, но она остановилась, воротилась и легла въ постель. За тѣмъ днемъ прошелъ еще день, и удивленная мадамъ Леотаръ начала, наконецъ, допрашивать Катю: что съ ней сдѣлалось? не больна-ли она, что вдругъ затихла? Катя отвѣчала что-то, взялась было за воланъ, но только что отворотилась мадамъ Леотаръ, покраснѣла и заплакала. Она выбѣжала изъ комнаты, чтобъ я не видала ея. И, наконецъ, все разрѣшилось: ровно черезъ три дня послѣ нашей ссоры она вдругъ послѣ обѣда вошла въ мою комнату и робко приблизилась ко мнѣ.

— Папа приказалъ, чтобъ я у васъ прощенья просила, проговорила она: — вы меня простите?

Я быстро схватила Катю за обѣ руки и, задыхаясь отъ волненія, сказала:

— Да! Да!

— Папа приказалъ поцѣловаться съ вами, — вы меня поцѣлуете?

Въ отвѣтъ я начала цѣловать ея руки, обливая ихъ слезами. Взглянувъ на Катю, я увидала въ ней какое-то необыкновенное движеніе. Губки ея слегка потрогивались, подбородокъ вздрагивалъ, глазки повлажнѣли, но она мигомъ преодолѣла свое волненіе, и улыбка на мигъ проглянула на губахъ ея.

— Пойду, скажу папѣ, что я васъ поцѣловала и просила прощенія, сказала она потихоньку, какъ бы размышляя сама съ собою. — Я уже его три дня не видала; онъ не велѣлъ и входить къ себѣ безъ того, прибавила она, помолчавъ.

И, проговоривъ это, она робко и задумчиво сошла внизъ, какъ будто еще не увѣрилась: каковъ будетъ пріемъ отца.

Но черезъ часъ на верху раздался крикъ, шумъ, смѣхъ, лай Фальстафа, что-то опрокинулось и разбилось, нѣсколько книгъ полетѣло на полъ, обручъ загудѣлъ и запрыгалъ по всѣмъ комнатамъ, — однимъ словомъ, я узнала, что Катя помирилась съ отцомъ, и сердце мое задрожало отъ радости.

Но ко мнѣ она не подходила и видимо избѣгала разговоровъ со мною. Взамѣнъ того, я имѣла честь въ высшей степени возбудить ея любопытство. Садилась она напротивъ меня, чтобъ удобнѣе меня разсмотрѣть, все чаще и чаще. Наблюденія ея надо мной дѣлались наивнѣе, однимъ словомъ, избалованная, самовластная дѣвочка, которую всѣ баловали и лелѣяли въ домѣ, какъ сокровище, не могла понять, какимъ образомъ я уже нѣсколько разъ встрѣчалась на ея пути, когда она вовсе не хотѣла встрѣчать меня. Но это было прекрасное, доброе, маленькое сердце, которое всегда умѣло сыскать себѣ добрую дорогу уже однимъ инстинктомъ. Всего болѣе вліянія имѣлъ на нее отецъ, котораго она обожала. Мать безумно любила ее, но была съ нею ужасно строга, и у ней переняла Катя упрямство, гордость и твердость характера, но переносила на себѣ всѣ прихоти матери, доходившія до нравственной тиранніи. Княгиня какъ-то странно понимала, что такое воспитаніе, и воспитаніе Кати было страннымъ контрастомъ безпутнаго баловства и неумолимой строгости. Что вчера позволялось, то, вдругъ, безъ всякой причины, запрещалось сегодня, и чувство справедливости оскорблялось въ ребенкѣ . . . Но, впереди еще эта исторія. Замѣчу только, что ребенокъ уже умѣлъ опредѣлить свои отношенія къ матери и

отцу. Съ послѣднимъ она была, какъ есть, вся наружу, безъ утайки, открыта. Съ матерью совершенно напротивъ, — замкнута, недовѣрчива и безпрекословно послушна. Но послушаніе ея было не по искренности и убѣжденію, а по необходимой системѣ. Я объяснюсь впослѣдствіи. Впрочемъ, къ особенной чести моей Кати скажу, что она поняла наконецъ свою мать и когда подчинилась ей, то уже вполнѣ осмысливъ всю безграничность любви ея, доходившей иногда до болѣзненнаго изступленія, — и княжна великодушно ввела въ свой разсчетъ послѣднее обстоятельство. Увы! этотъ разсчетъ мало помогъ потомъ ея горячей головкѣ!

Но я почти не понимала, что со мной дѣлается. Все во мнѣ волновалось отъ какого-то новаго, необъяснимаго ощущенія, и я не преувеличу, если скажу, что страдала, терзалась отъ этого новаго чувства. Короче — и пусть простятъ мнѣ мое слово — я была влюблена въ мою Катю. Что влекло меня къ ней? Отчего родилась моя любовь? Она началась съ перваго взгляда на нее, когда всѣ чувства мои были сладко поражены видомъ прелестнаго, какъ ангелъ, ребенка. Все въ ней было прекрасно; ни одинъ изъ пороковъ ея не родился вмѣстѣ съ нею, — всѣ были приняты и всѣ находились въ состояніи борьбы. Всюду было видно прекрасное начало, принявшее на время ложную форму; но все въ ней, начиная съ этой борьбы, сіяло отрадною надеждой, все предвѣщало прекрасное будущее. Всѣ любовались ею, всѣ любили ее, не я одна. Когда, бывало, насъ выводили часа въ три гулять, всѣ прохожіе останавливались какъ пораженные, едва только взглядывали на нее, и нерѣдко крикъ изумленія раздавался вслѣдъ счастливому ребенку. Она родилась на счастіе, она должна была родиться для счастія, — вотъ

было первое впечатлѣніе при встрѣчѣ съ нею. Можетъ быть, во мнѣ первый разъ поражено было эстетическое чувство, чувство изящнаго, первый разъ сказалось оно, пробужденное красотой, и — вотъ вся причина зарожденія любви моей.

Главнымъ порокомъ княжны, или, лучше сказать, главнымъ началомъ ея характера, которое неудержимо старалось воплотиться въ свою натуральную форму и, естественно, находилось въ состояніи уклоненномъ, въ состояніи борьбы, — была гордость. Эта гордость доходила до наивныхъ мелочей и впадала въ самолюбіе, до того, что, напримѣръ, противорѣчіе, каково бы оно ни было, не обижало, не сердило ея, но только удивляло. Она не могла постигнуть, какъ можетъ быть что-нибудь иначе, нежели какъ бы она захотѣла. Но чувство справедливости всегда брало верхъ въ ея сердцѣ. Если убѣждалась она, что она несправедлива, то тотчасъ же подчинялась приговору, безропотно и непоколебимо. И если до сихъ поръ въ отношеніяхъ со мною измѣняла она себѣ, то я объясняю все это непостижимой антипатіей ко мнѣ, помутившей на время стройность и гармонію всего ея существа. Такъ и должно было быть: она слишкомъ страстно шла въ своихъ увлеченіяхъ, и всегда только примѣръ, опытъ выводилъ ее на истинный путь. Результаты всѣхъ ея начинаній были прекрасны и истинны, но покупались безпрерывными уклоненіями и заблужденіями.

Катя очень скоро удовлетворила свои наблюденія надо мною и наконецъ рѣшилась оставить меня въ покоѣ. Она сдѣлала такъ, какъ-будто меня и не было въ домѣ; мнѣ — ни слова лишняго, даже почти необходимаго; я устранена отъ игръ и устранена не насильно, но такъ ловко, какъ будто бы я сама на то согласилась. Уроки шли

своимъ чередомъ, и если меня ставили ей въ примѣръ за понятливость и тихость характера, то я уже не имѣла чести оскорблять ея самолюбія, которое было чрезвычайно щекотливо, до того, что его могъ оскорбить даже бульдогъ нашъ, сэръ Джонъ Фальстафъ. Фальстафъ былъ хладнокровенъ и флегматикъ, но золъ какъ тигръ, когда его раздражали, золъ даже до отрицанія власти хозяина. Еще черта: онъ рѣшительно никого не любилъ; но самымъ сильнымъ натуральнымъ врагомъ его была, безспорно, старушка княжна . . . Но эта исторія еще впереди. Самолюбивая Катя всѣми средствами старалась побѣдить нелюбезность Фальстафа; ей было непріятно, что есть хоть одно животное въ домѣ, единственное, которое не признаетъ ея авторитета, ея силы, не склоняется передъ нею, не любитъ ея. И, вотъ, Катя порѣшила атаковать Фальстафа сама. Ей хотѣлось надъ всѣми повелѣвать и властвовать; какъ же могъ Фальстафъ избѣжать своей участи? Но непреклонный бульдогъ не сдавался.

Разъ, послѣ обѣда, когда мы обѣ сидѣли внизу, въ большой залѣ, бульдогъ расположился среди комнаты и лѣниво наслаждался своимъ послѣобѣденнымъ кейфомъ. Въ эту самую минуту княжнѣ вздумалось завоевать его въ свою власть. И вотъ она бросила свою игру, и на цыпочкахъ, лаская и приголубливая Фальстафа самыми нѣжными именами, привѣтливо маня его рукой, начала осторожно приближаться къ нему. Но Фальстафъ еще издали оскалилъ свои страшные зубы; княжна остановилась. Все намѣреніе ея состояло въ томъ, чтобъ, подойдя къ Фальстафу, погладить его, чего онъ рѣшительно не позволялъ никому, кромѣ княгини, у которой былъ фаворитомъ, и заставить его идти за собой: подвигъ трудный, сопряженный съ серьезной опасностью, потому что Фальстафъ никакъ не затруднился

бы отгрызть у ней руку, или растерзать ее, еслибъ нашелъ это нужнымъ. Онъ былъ силенъ, какъ медвѣдь, и я съ безпокойствомъ, со страхомъ слѣдила издали за продѣлками Кати. Но ее не легко было переубѣдить съ перваго раза, и даже зубы Фальстафа, которые онъ пренеучтиво показывалъ, были рѣшительно недостаточнымъ къ тому средствомъ. Убѣдясь, что подойти нельзя съ перваго раза, княжна въ недоумѣніи обошла кругомъ своего непріятеля. Фальстафъ не двинулся съ мѣста. Катя сдѣлала второй кругъ, значительно уменьшивъ его поперечникъ, потомъ третій, но когда дошла до того мѣста, которое казалось Фальстафу завѣтной чертой, онъ снова оскалилъ зубы. Княжна топнула ножкой, отошла въ досадѣ и раздумьи, и усѣлась на диванъ.

Минутъ черезъ десять она выдумала новое обольщеніе: тотчасъ же вышла и воротилась съ запасомъ кренделей, пирожковъ, — однимъ словомъ, перемѣнила оружіе. Но Фальстафъ былъ хладнокровенъ, потому, вѣроятно, что былъ слишкомъ сытъ. Онъ даже и не взглянулъ на кусокъ кренделя, который ему бросили; когда же княжна снова очутилась у завѣтной черты, которую Фальстафъ считалъ своей границей, послѣдовала оппозиція, въ этотъ разъ позначительнѣе первой. Фальстафъ поднялъ голову, оскалилъ зубы, слегка заворчалъ и сдѣлалъ легкое движеніе, какъ будто собирался рвануться съ мѣста. Княжна покраснѣла отъ гнѣва, бросила пирожки, и снова усѣлась на мѣсто.

Она сидѣла вся въ рѣшительномъ волненіи. Ея ножка била коверъ, щечки краснѣли какъ зарево, а въ глазахъ даже выступили слезы досады. Случись же, что она взглянула на меня, — вся кровь бросилась ей въ голову. Она рѣшительно вскочила съ мѣста, самою твердою поступью пошла прямо къ страшной собакѣ.

Можетъ-быть, въ этотъ разъ изумленіе подѣйствовало на Фальстафа слишкомъ сильно. Онъ пустилъ врага за черту и только уже въ двухъ шагахъ привѣтствовалъ безразсудную Катю самымъ зловѣщимъ рычаніемъ. Катя остановилась было на минуту, но только на минуту, и рѣшительно ступила впередъ. Я обомлѣла отъ испуга. Княжна была воодушевлена, какъ я еще никогда ее не видала; глаза ея блистали побѣдой, торжествомъ. Съ нея можно было рисовать чудную картинку. Она смѣло вынесла грозный взглядъ взбѣшеннаго бульдога и не дрогнула передъ его страшною пастью; онъ привсталъ. Изъ мохнатой груди его раздалось ужасное рычаніе; еще минута, и онъ бы растерзалъ ее. Но княжна гордо положила на него свою маленькую ручку, и три раза съ торжествомъ погладила его по спинѣ. Мгновеніе бульдогъ былъ въ нерѣшимости. Это мгновеніе было самое ужасное; но, вдругъ, онъ тяжело поднялся съ мѣста, потянулся и, вѣроятно, взявъ въ соображеніе, что съ дѣтьми не стоило связываться, преспокойно вышелъ изъ комнаты. Княжна съ торжествомъ стала на завоеванномъ мѣстѣ и бросила на меня неизъяснимый взглядъ, взглядъ пресыщенный, упоенный побѣдою. Но я была блѣдна какъ платокъ; она замѣтила и улыбнулась. Однако смертельная блѣдность уже покрывала и ея щеки. Она едва могла дойти до дивана, и упала на него чуть не въ обморокѣ.

Но влеченіе мое къ ней уже не знало предѣловъ. Съ этого дня, какъ я вытерпѣла за нее столько страха, я уже не могла владѣть собою. Я изнывала въ тоскѣ, тысячу разъ готова была броситься къ ней на шею, но страхъ приковывалъ меня, безъ движенія, на мѣстѣ. Помню, я старалась избѣгать ее, чтобъ она не видала моего волненія, но когда она нечаянно входила въ ту комнату, въ которую

я спрячусь, я вздрагивала, и сердце начинало стучать, такъ что голова кружилась. Мнѣ кажется, моя проказница это замѣтила и дня два была сама въ какомъ-то смущеніи. Но скоро она привыкла и къ этому порядку вещей. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, который я весь пострадала втихомолку. Чувства мои обладаютъ какою-то необъяснимою растяжимостью, если можно такъ выразиться; моя натура терпѣлива до послѣдней степени, такъ что взрывъ, внезапное проявленіе чувствъ бываетъ только въ крайности. Нужно знать, что во все это время мы сказали съ Катей не болѣе пяти словъ; но я мало по малу замѣтила, по нѣкоторымъ неуловимымъ признакамъ, что все это происходило въ ней не отъ забвенія, не отъ равнодушія ко мнѣ, а отъ какого-то намѣреннаго уклоненія, какъ будто она дала себѣ слово держать меня въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но я уже не спала по ночамъ, а днемъ не могла скрыть своего смущенія даже отъ мадамъ Леотаръ. Любовь моя къ Катѣ доходила даже до странностей. Одинъ разъ я украдкою взяла у ней платокъ, въ другой разъ ленточку, которую она вплетала въ волосы, и по цѣлымъ ночамъ цѣловала ихъ, обливаясь слезами. Сначала меня мучило до обиды равнодушіе Кати; но теперь все во мнѣ помутилось, и я сама не могла дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ. Такимъ образомъ, новыя впечатлѣнія мало по малу вытѣсняли старыя, и воспоминанія о моемъ грустномъ прошедшемъ потеряли свою болѣзненную силу и смѣнились во мнѣ новой жизнію.

Помню, я иногда просыпалась ночью, вставала съ постели и на цыпочкахъ подходила къ княжнѣ. Я заглядывалась по цѣлымъ часамъ на спящую Катю, при слабомъ свѣтѣ ночной нашей лампы; иногда садилась къ ней на кровать, нагибалась къ лицу ея, и на меня вѣяло ея горячимъ дыха-

ніемъ. Тихонько, дрожа отъ страха, цѣловала я ея ручки, плечики, волосы, ножку, если ножка выглядывала изъ-подъ одѣяла. Мало по малу я замѣтила, — такъ какъ я уже не спускала съ нея глазъ цѣлый мѣсяцъ, — что Катя становится со дня на день задумчивѣе; характеръ ея сталъ терять свою ровность: иногда цѣлый день не слышишь ея шума, другой разъ подымается такой гамъ, какого еще никогда не было. Она стала раздражительна, взыскательна, краснѣла и сердилась очень часто, и даже со мной доходила до маленькихъ жестокостей: то вдругъ не захочетъ обѣдать возлѣ меня, близко сидѣть отъ меня, какъ будто чувствуетъ ко мнѣ отвращеніе; то вдругъ уходитъ къ матери и сидитъ тамъ по цѣлымъ днямъ, можетъ быть зная, что я изсыхаю безъ нея съ тоски; то вдругъ начнетъ смотрѣть на меня по цѣлымъ часамъ, такъ что я не знаю, куда дѣваться отъ убійственнаго смущенія, краснѣю, блѣднѣю, а, между тѣмъ, не смѣю выйти изъ комнаты. Два раза уже Катя жаловалась на лихорадку, тогда какъ прежде не помнили за ней никакой болѣзни. Наконецъ, вдругъ въ одно утро послѣдовало особое распоряженіе: по непремѣнному желанію княжны, она переселилась внизъ, къ маменькѣ, которая чуть не умерла отъ страха, когда Катя пожаловалась на лихорадку. Нужно сказать, что княгиня была очень недовольна мною, и всю перемѣну въ Катѣ, которую и она замѣчала, приписывала мнѣ и вліянію моего угрюмаго характера, какъ она выражалась, на характеръ своей дочери. Она уже давно разлучила бы насъ, но откладывала до времени, зная, что придется выдержать серьезный споръ съ княземъ, который хотя и уступалъ ей во всемъ, но иногда становился неуступчивъ и упрямъ до непоколебимости. Она же понимала князя вполнѣ.

Я была поражена переселеніемъ княжны; и цѣлую недѣлю провела въ самомъ болѣзненномъ напряженіи духа. Я мучилась тоскою, ломая голову надъ причинами отвращенія Кати ко мнѣ. Грусть разрывала мою душу, и чувство справедливости и негодованія начало возставать въ моемъ оскорбленномъ сердцѣ. Какая-то гордость вдругъ родилась во мнѣ, и когда мы сходились съ Катей въ тотъ часъ, когда насъ уводили гулять, я смотрѣла на нее такъ независимо, такъ серьезно, такъ непохоже на прежнее, что это даже поразило ее. Конечно, такія перемѣны происходили во мнѣ только порывами и потомъ сердце опять начинало болѣть сильнѣе и сильнѣе, и я становилась еще слабѣе, еще малодушнѣе, чѣмъ прежде. Наконецъ, въ одно утро, къ величайшему моему недоумѣнію и радостному смущенію, княжна воротилась на верхъ. Сначала она съ безумнымъ смѣхомъ бросилась на шею къ мадамъ Леотаръ и объявила, что опять къ намъ переѣзжаетъ, потомъ кивнула и мнѣ головой, выпросила позволеніе ничему не учиться въ это утро и все утро прорѣзвилась и пробѣгала. Я никогда не видала ее живѣе и радостнѣе. Но къ вечеру она сдѣлалась тиха, задумчива, и снова какая-то грусть отѣнила ея прелестное личико. Когда княгиня пришла вечеромъ посмотрѣть на нее, я видѣла, что Катя дѣлаетъ неестественныя усилія казаться веселою. Но, вслѣдъ за уходомъ матери, оставшись одна, она вдругъ ударилась въ слезы. Я была поражена. Княжна замѣтила мое вниманіе и вышла. Однимъ словомъ, въ ней приготовлялся какой-то неожиданный кризисъ. Княгиня совѣтывалась съ докторами, каждый день призывала къ себѣ мадамъ Леотаръ для самыхъ мелкихъ распросовъ о Катѣ; велѣно было наблюдать за каждымъ движеніемъ ея. Одна только я предчувство-

вала истину, и сильно забилось мое сердце надеждою.

Словомъ, маленькій романъ разрѣшался и приходилъ къ концу. На третій день послѣ возвращенія Кати къ намъ на верхъ, я замѣтила, что она все утро глядитъ на меня такими чудными глазками, такими долгими взглядами . . . Нѣсколько разъ я встрѣчала эти взгляды, и каждый разъ мы обѣ краснѣли и потуплялись, какъ будто стыдились другъ друга. Наконецъ, княжна засмѣялась и пошла отъ меня прочь. Ударило три часа, и насъ стали одѣвать для прогулки. Вдругъ Катя подошла ко мнѣ.

— У васъ башмакъ развязался, сказала она мнѣ: давайте я завяжу.

Я было нагнулась сама, покраснѣвъ какъ вишня, отъ того, что наконецъ-то Катя заговорила со мной.

— Давай! сказала она мнѣ нетерпѣливо и засмѣявшись. Тутъ она нагнулась, взяла насильно мою ногу, поставила къ себѣ на колѣно и завязала. Я задыхалась; я не знала, что дѣлать отъ какого-то сладостнаго испуга. Кончивъ завязывать башмакъ, она встала и оглядѣла меня съ ногъ до головы.

— Вотъ и горло открыто, сказала она, дотронувшись пальчикомъ до обнаженнаго тѣла на моей шеѣ. Да ужъ, давай, я сама завяжу.

Я не противорѣчила. Она развязала мой шейный платочекъ и завязала по-своéму.

— А то можно кашель нажить, сказала она, прелукаво улыбнувшись и сверкнувъ на меня своими черными, влажными глазками.

Я была внѣ себя; я не знала, что́ со мной дѣлается и что сдѣлалось съ Катей. Но, слава Богу, скоро кончилась наша прогулка, а то я бы не выдержала и бросилась бы цѣловать ее на улицѣ. Всходя на лѣстницу, мнѣ удалось,

однакожъ, поцѣловать ее украдкой въ плечо. Она замѣтила, вздрогнула, но не сказала ни слова. Вечеромъ ее нарядили и повели внизъ. У княгини были гости. Но въ этотъ вечеръ въ домѣ произошла страшная суматоха.

Съ Катей сдѣлался нервный припадокъ. Княгиня была внѣ себя отъ испуга. Пріѣхалъ докторъ и не зналъ, что сказать. Разумѣется, все свалили на дѣтскія болѣзни, на возрастъ Кати, но я подумала иное. На утро Катя явилась къ намъ такая же, какъ всегда, румяная, веселая, съ неистощимымъ здоровьемъ, но съ такими причудами и капризами, какихъ съ ней никогда не бывало.

Во первыхъ, она все утро не слушалась мадамъ Леотаръ. Потомъ, вдругъ, ей захотѣлось идти къ старушкѣ-княжнѣ. Противъ обыкновенія, старушка, которая терпѣть не могла свою племянницу, была съ нею въ постоянной ссорѣ и не хотѣла видѣть ее, — на этотъ разъ какъ-то разрѣшила принять ее. Сначала все пошло хорошо, и первый часъ они жили согласно. Плутовка Катя вздумала просить прощенія за всѣ свои проступки, за рѣзвость, за крикъ, за то, что княжнѣ она не давала покою. Княжна торжественно и со слезами простила ее. Но шалуньѣ вздумалось зайти далеко. Ей пришло на умъ разсказать такія шалости, которыя были еще только въ однихъ замыслахъ и проектахъ. Катя прикинулась смиренницей, постницей и вполнѣ раскаивающейся; однимъ словомъ, ханжа была въ восторгѣ, и много льстила ея самолюбію предстоявшая побѣда надъ Катей, — сокровищемъ, идоломъ всего дома, которая умѣла заставить даже свою мать исполнять свои прихоти.

И, вотъ, проказница призналась, во первыхъ, что у нея было намѣреніе приклеить къ платью княжны визитную карточку; потомъ засадить

Фальстафа къ ней подъ кровать; потомъ сломать ея очки, унесть всѣ ея книги, и принесть вмѣсто нихъ отъ мамы французскихъ романовъ; потомъ достать хлопушекъ и разбросать по полу; потомъ спрятать ей въ карманъ колоду картъ, и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, шли шалости одна хуже другой. Старуха выходила изъ себя, блѣднѣла, краснѣла отъ злости; наконецъ, Катя не выдержала, захохотала и убѣжала отъ тетки. Старуха немедленно послала за княгиней. Началось цѣлое дѣло, и княгиня два часа, со слезами на глазахъ, умоляла свою родственницу простить Катю и позволить ее не наказывать, взявъ въ соображеніе, что она больна. Княжна слушать не хотѣла сначала; она объявила, что завтра же выѣдетъ изъ дому, и смягчилась тогда только, когда княгиня дала слово, что отложитъ наказаніе до выздоровленія дочери, а потомъ удовлетворитъ справедливому негодованію престарѣлой княжны. Однакожъ, Катя выдержала строгій выговоръ. Ее увели внизъ, къ княгинѣ.

Но проказница вырвалась-таки послѣ обѣда. Пробираясь внизъ сама, я встрѣтила ее уже на лѣстницѣ. Она пріотворила дверь и звала Фальстафа. Я мигомъ догадалась, что она замышляетъ страшное мщеніе. Дѣло было вотъ въ чемъ.

Не было врага у старушки-княжны непримиримѣе Фальстафа. Онъ не ласкался ни къ кому, не любилъ никого, но былъ спѣсивъ, гордъ и амбиціозенъ до крайности. Онъ не любилъ никого, но видимо требовалъ отъ всѣхъ должнаго уваженія. Всѣ питали его къ нему, примѣшивая къ уваженію надлежащій страхъ. Но вдругъ, съ пріѣздомъ старушки-княжны, все перемѣнилось: Фальстафа страшно обидѣли, — именно: ему былъ формально запрещенъ входъ наверхъ.

Сначала Фальстафъ былъ внѣ себя отъ оскорбленія и цѣлую недѣлю скребъ лапами дверь,

которою оканчивалась лѣстница, ведущая сверху въ нижнюю комнату; но скоро онъ догадался о причинѣ изгнанія, и въ первое же воскресенье, когда старушка-княжна выходила въ церковь, Фальстафъ съ визгомъ и лаемъ бросился на бѣдную. Насилу спасли ее отъ лютаго мщенья оскорбленнаго пса, ибо онъ выгнанъ былъ по приказанію княжны, которая объявила, что не можетъ видѣть его. Съ тѣхъ поръ входъ наверхъ запрещенъ былъ Фальстафу самымъ строжайшимъ образомъ, и когда княжна сходила внизъ, то его угоняли въ самую отдаленную комнату. Строжайшая отвѣтственность лежала на слугахъ. Но мстительное животное нашло таки средство раза три ворваться наверхъ. Лишь только онъ врывался на лѣстницу, какъ мигомъ бѣжалъ черезъ амфиладу комнатъ до самой опочивальни старушки. Ничто не могло удержать его. По счастію, дверь къ старушкѣ была всегда заперта, и Фальстафъ ограничивался тѣмъ, что завывалъ передъ нею ужасно до тѣхъ поръ, пока не прибѣгали люди, и не сгоняли его внизъ. Княжна же, во все время визита неукротимаго бульдога, кричала какъ будто бы ее ужъ съѣли и серьезно каждый разъ дѣлалась больна отъ страха. Нѣсколько разъ она предлагала свой ultimatum княгинѣ, и даже доходила до того, что разъ, забывшись, сказала, что или она, или Фальстафъ выйдутъ изъ дома, но княгиня не согласилась на разлуку съ Фальстафомъ.

Княгиня мало кого любила, но Фальстафа, послѣ дѣтей, болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и вотъ почему. Однажды, лѣтъ шесть назадъ, князь воротился домой съ прогулки, приведя за собою щенка грязнаго, больнаго, самой жалкой наружности, но который, однакожъ, былъ бульдогъ самой чистой крови. Князь какъ-то спасъ его отъ смерти. Но такъ какъ новый жилецъ велъ

себя примѣрно неучтиво и грубо, то, по настоянію княгини, былъ удаленъ на задній дворъ и посаженъ на веревку. Князь не прекословилъ. Два года спустя, когда весь домъ жилъ на дачѣ, маленькій Саша, младшій братъ Кати, упалъ въ Неву. Княгиня вскрикнула, и первымъ движеніемъ ея было кинуться въ воду за сыномъ. Ее насилу спасли отъ вѣрной смерти. Между тѣмъ ребенка уносило быстро теченіемъ, и только одежда его всплывала наверхъ. Наскоро стали отвязывать лодку, но спасеніе было бы чудомъ. Вдругъ огромный исполинскій бульдогъ бросается въ воду наперерѣзъ утопающему мальчику, схватываетъ его въ зубы и побѣдоносно выплываетъ съ нимъ на берегъ. Княгиня бросилась цѣловать грязную, мокрую собаку. Но Фальстафъ, который еще носилъ тогда прозаическое и въ высшей степени плебейское наименованіе Фриксы, терпѣть не могъ ни чьихъ ласкъ и отвѣчалъ на объятія и поцѣлуи княгини тѣмъ, что прокусилъ ей плечо во сколько хватило зубовъ. Княгиня всю жизнь страдала отъ этой раны, но благодарность ея была безпредѣльна. Фальстафъ былъ взятъ во внутренніе покои, вычищенъ, вымытъ, и получилъ серебряный ошейникъ высокой отдѣлки. Онъ поселился въ кабинетѣ княгини, на великолѣпной медвѣжьей шкурѣ, и скоро княгиня дошла до того, что могла его гладить, не опасаясь немедленнаго и скораго наказанія. Узнавъ, что любимца ея зовутъ Фриксой, она пришла въ ужасъ, и немедленно стали пріискивать новое имя, по возможности древнее. Но имена Гекторъ, Церберъ и проч. были уже слишкомъ опошлены; требовалось названіе, вполнѣ приличное фавориту дома. Наконецъ князь, взявъ въ соображеніе феноменальную прожорливость Фриксы, предложилъ назвать бульдога Фальстафомъ. Кличка была принята съ востор-

гомъ и осталась навсегда за бульдогомъ. Фальстафъ повелъ себя хорошо: какъ чистый англичанинъ, былъ молчаливъ, угрюмъ и ни на кого не бросался первый, только требовалъ, чтобъ почтительно обходили его мѣсто на медвѣжьей шкурѣ и вообще оказывали должное уваженіе. Иногда на него находилъ какъ будто родимецъ, какъ будто сплинъ одолѣвалъ его, и въ эти минуты Фальстафъ съ горестію припоминалъ, что врагъ его, непримиримый его врагъ, посягнувшій на его права, былъ еще не наказанъ. Тогда онъ потихоньку пробирался къ лѣстницѣ, ведущей на верхъ, и найдя, по обыкновенію, дверь всегда запертою, ложился гдѣ нибудь неподалеку, прятался въ уголъ и коварно поджидалъ, когда кто нибудь оплошаетъ и оставитъ дверь на верхъ отпертою. Иногда мстительное животное выжидало по три дня. Но отданы были строгія приказанія, — наблюдать за дверью, и вотъ уже два мѣсяца Фальстафъ не являлся на верхъ.

— Фальстафъ, Фальстафъ! звала княжна, отворивъ дверь и привѣтливо заманивая Фальстафа къ намъ на лѣстницу.

Въ это время Фальстафъ, почуявъ, что дверь отворяютъ, уже приготовился скакнуть за свой Рубиконъ. Но призывъ княжны показался ему такъ невозможнымъ, что онъ нѣкоторое время рѣшительно отказывался вѣрить ушамъ своимъ. Онъ былъ лукавъ, какъ кошка, и чтобъ не показать вида, что замѣтилъ оплошность отворявшаго дверь, подошелъ къ окну, положилъ на подоконникъ свои могучія лапы и началъ разсматривать противуположное зданіе, — словомъ, велъ себя какъ совершенно посторонній человѣкъ, который шелъ прогуливаться и остановился на минуту полюбоваться прекрасной архитектурой сосѣдняго зданія. Между тѣмъ въ сладостномъ ожиданіи билось и нѣжилось его сердце. Каково

же было его изумленіе, радость, изступленіе радости, когда дверь отворили передъ нимъ всю настежь, и, мало того, еще звали, приглашали, умоляли его вступить на верхъ и немедленно удовлетворить свое справедливое мщеніе! Онъ, взвизгнувъ отъ радости, оскалилъ зубы, и страшный, побѣдоносный, бросился на верхъ, какъ стрѣла.

Напоръ его былъ такъ силенъ, что встрѣтившійся на его дорогѣ стулъ, задѣтый имъ на лету, отскочилъ на сажень и повернулся на мѣстѣ. Фальстафъ летѣлъ какъ ядро, вырвавшееся изъ пушки. Мадамъ Леотаръ вскрикнула отъ ужаса, но Фальстафъ ужъ домчался до завѣтной двери, ударился въ нее обѣими лапами, однакожъ не отворилъ ее, и завылъ, какъ погибшій. Въ отвѣтъ ему раздался страшный крикъ престарѣлой дѣвы. Но уже со всѣхъ сторонъ бѣжали цѣлые легіоны враговъ, цѣлый домъ переселился на верхъ, и Фальстафъ, свирѣпый Фальстафъ, съ намордникомъ, ловко наброшеннымъ на его пасть, спутанный по всѣмъ четыремъ ногамъ, безславно воротился съ поля битвы, влекомый внизъ на арканѣ.

Посланъ былъ посолъ за княгиней.

Въ этотъ разъ княгиня не расположена была прощать и миловать; но кого наказывать? Она догадалась съ перваго раза, мигомъ; ея глаза упали на Катю . . . Такъ и есть: Катя стоитъ блѣдная, дрожа отъ страха. Она только теперь догадалась, бѣдненькая, о послѣдствіяхъ своей шалости. Подозрѣніе могло упасть на слугъ, на невинныхъ, и Катя уже готова была сказать всю правду.

— Ты виновата? строго спросила княгиня.

Я видѣла смертельную блѣдность Кати и, ступивъ впередъ, твердымъ голосомъ произнесла:

— Я пустила Фальстафа . . . нечаянно, прибавила я, потому что вся моя храбрость исчезла передъ грознымъ взглядомъ княгини.

— Мадамъ Леотаръ, накажите примѣрно! сказала княгиня и вышла изъ комнаты.

Я взглянула на Катю: она стояла, какъ ошеломленная; руки ея повисли по бокамъ; поблѣднѣвшее личико глядѣло въ землю.

Единственное наказаніе, употреблявшееся для дѣтей князя, было заключеніе въ пустую комнату. Просидѣть въ пустой комнатѣ часа два, — ничего. Но когда ребенка сажали насильно, противъ его воли, и объявляли, что онъ лишенъ свободы, то наказаніе было довольно значительно. Обыкновенно сажали Катю, или брата ея на два часа. Меня посадили на четыре, взявъ въ соображеніе всю чудовищность моего преступленія. Изнывая отъ радости, вступила я въ свою темницу. Я думала о княжнѣ. Я знала, что побѣдила. Но, вмѣсто четырехъ часовъ, я просидѣла до четырехъ утра. Вотъ какъ это случилось.

Черезъ два часа послѣ моего заключенія, мадамъ Леотаръ узнала, что пріѣхала ея дочь изъ Москвы, вдругъ заболѣла и желаетъ ее видѣть. Мадамъ Леотаръ уѣхала, позабывъ обо мнѣ. Дѣвушка, ходившая за нами, вѣроятно предположила, что я уже выпущена. Катя была отозвана внизъ и принуждена была просидѣть у матери до одиннадцати часовъ вечера. Воротясь, она чрезвычайно изумилась, что меня нѣтъ на постели. Дѣвушка раздѣла ее, уложила, но княжна имѣла свои причины не спрашивать обо мнѣ. Она легла, поджидая меня, зная навѣрно, что я арестована на четыре часа, и полагая, что меня приведетъ наша няня. Но Настя забыла про меня совершенно, тѣмъ болѣе, что я раздѣвалась всегда сама. Такимъ образомъ я осталась ночевать подъ арестомъ.

Въ четыре часа ночи услышала я, что стучатъ и ломятся въ мою комнату. Я спала, улегшись кое-какъ на полу, проснулась и закричала отъ страха, но тотчасъ же отличила голосъ Кати, который раздавался громче всѣхъ, потомъ голосъ мадамъ Леотаръ, потомъ испуганной Насти, потомъ ключницы. Наконецъ отворили дверь, и мадамъ Леотаръ обняла меня со слезами на глазахъ, прося простить ее за то, что она обо мнѣ позабыла. Я бросилась къ ней на шею, вся въ слезахъ. Я продрогла отъ холода, и всѣ кости болѣли у меня отъ лежанья на голомъ полу. Я искала глазами Катю, но она побѣжала въ нашу спальню, прыгнула въ постель, и когда я вошла, она уже спала или притворялась спящею. Поджидая меня съ вечера, она невзначай заснула и проспала до четырехъ часовъ утра. Когда же проснулась, подняла шумъ, цѣлый содомъ, разбудила воротившуюся мадамъ Леотаръ, няню, всѣхъ дѣвушекъ и освободила меня.

На утро всѣ въ домѣ узнали о моемъ приключеніи; даже княгиня сказала, что со мной поступили слишкомъ строго. Что же касается до князя, то въ этотъ день я его видѣла въ первый разъ въ жизни разсерженнымъ. Онъ вошелъ на верхъ въ десять часовъ утра въ сильномъ волненіи.

— Помилуйте, началъ онъ къ мадамъ Леотаръ: — что вы дѣлаете? Какъ вы поступили съ бѣднымъ ребенкомъ? Это варварство, чистое варварство, скиѳство! Больной, слабый ребенокъ, такая мечтательная, пугливая дѣвочка, фантазерка, и посадить ее въ темную комнату, на цѣлую ночь! Но это значитъ губить ее! Развѣ вы не знаете ея исторіи? Это варварство, это безчеловѣчно, я вамъ говорю, сударыня! И какъ можно такое наказаніе? Кто изобрѣлъ, кто могъ изобрѣсть такое наказаніе?

Бѣдная мадамъ Леотаръ, со слезами на глазахъ, въ смущеніи начала объяснять ему все дѣло, сказала, что она забыла обо мнѣ, что къ ней пріѣхала дочь, но что наказаніе само по себѣ хорошее, если продолжается недолго, и что даже Жанъ-Жакъ Руссо говоритъ нѣчто подобное.

— Жанъ-Жакъ Руссо, сударыня? Жанъ-Жакъ дурной человѣкъ, сударыня!

— Жанъ-Жакъ Руссо! Жанъ-Жакъ дурной человѣкъ! Князь! Князь! Что вы говорите?

И мадамъ Леотаръ вся вспыхнула.

Мадамъ Леотаръ была чудесная женщина и прежде всего не любила обижаться; но затронуть кого нибудь изъ любимцевъ ея, потревожить классическую тѣнь Корнеля, Расина, оскорбить Вольтера, назвать Жанъ-Жака Руссо дурнымъ человѣкомъ, назвать его варваромъ, — Боже мой! Слезы выступили изъ глазъ мадамъ Леотаръ; старушка дрожала отъ волненія.

— Вы забываетесь, князь! проговорила она наконецъ внѣ себя отъ волненія.

Князь тотчасъ же спохватился и попросилъ прощенія, потомъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ меня съ глубокимъ чувствомъ, перекрестилъ и вышелъ изъ комнаты.

— Pauvre prince! сказала мадамъ Леотаръ, разчувствовавшись въ свою очередь. Потомъ мы сѣли за классный столъ.

Но княжна училась очень разсѣянно. Передъ тѣмъ, какъ идти къ обѣду, она подошла ко мнѣ, вся разгорѣвшись, со смѣхомъ на губахъ, остановилась противъ меня, схватила меня за плечи и сказала торопливо, какъ будто чего-то стыдясь:

— Что? Насидѣлась вчера за меня? Послѣ обѣда пойдемъ играть въ залу.

Кто-то прошелъ мимо насъ, и княжна мигомъ отвернулась отъ меня.

Послѣ обѣда, въ сумерки, мы обѣ сошли внизъ въ большую залу, схватившись за руки. Княжна была въ глубокомъ волненіи и тяжело переводила духъ. Я была радостна и счастлива, какъ никогда не бывала.

— Хочешь въ мячъ играть? сказала она мнѣ: — становись здѣсь!

Она поставила меня въ одномъ углу залы, но сама, вмѣсто того, чтобъ отойти и бросить мнѣ мячъ, остановилась въ трехъ шагахъ отъ меня, взглянула на меня, покраснѣла и упала на диванъ, закрывъ лицо обѣими руками. Я сдѣлала движеніе къ ней; она думала, что я хочу уйти.

— Не ходи, Неточка, побудь со мной, сказала она: — это сейчасъ пройдетъ.

Но мигомъ она вскочила съ мѣста и, вся раскраснѣвшись, вся въ слезахъ, бросилась мнѣ на шею. Щеки ея были влажны, губки вспухли какъ вишенки, локоны разсыпались въ безпорядкѣ. Она цѣловала меня, какъ безумная, цѣловала мнѣ лицо, глаза, губы, шею, руки; она рыдала какъ въ истерикѣ; я крѣпко прижалась къ ней, и мы сладко, радостно обнялись, какъ друзья, которые свидѣлись послѣ долгой разлуки. Сердце Кати билось такъ сильно, что я слышала каждый ударъ.

Но въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ. Звали Катю къ княгинѣ.

— Ахъ, Неточка! Ну! до вечера, до ночи! Ступай теперь на верхъ, жди меня.

Она поцѣловала меня послѣдній разъ тихо, неслышно, крѣпко, и бросилась отъ меня на зовъ Насти. Я прибѣжала на верхъ, какъ воскресшая, бросилась на диванъ, спрятала въ подушку голову и зарыдала отъ восторга. Сердце колотилось, какъ будто грудь хотѣло пробить. Не помню, какъ дожила я до ночи. Наконецъ пробило одиннадцать, и я легла спать. Княжна воротилась

только въ двѣнадцать часовъ; она издали улыбнулась мнѣ, но не сказала ни слова. Настя стала ее раздѣвать и какъ будто нарочно медлила.

— Скорѣе, скорѣе, Настя! бормотала Катя.

— Что это вы, княжна, вѣрно бѣжали по лѣстницѣ, что у васъ такъ сердце колотится? . . . спросила Настя.

— Ахъ, Боже мой, Настя! какая скучная! Скорѣе, скорѣе! и княжна въ досадѣ ударила ножкой объ полъ.

— Ухъ, какое сердечко! сказала Настя, поцѣловавъ ножку княжны, которую разувала.

Наконецъ, все было кончено, княжна легла, и Настя вышла изъ комнаты. Вмигъ Катя вскочила съ постели и бросилась ко мнѣ. Я вскрикнула, встрѣчая ее.

— Пойдемъ ко мнѣ, ложись ко мнѣ! заговорила она, поднявъ меня съ постели. Мгновенье спустя, я была въ ея постели, мы обнялись и жадно прижались другъ къ другу. Княжна зацѣловала меня въ пухъ.

— А вѣдь я помню, какъ ты меня ночью цѣловала! сказала она, покраснѣвъ какъ макъ . . .

Я рыдала.

— Неточка! прошептала Катя сквозь слезы: — ангелъ ты мой, я вѣдь тебя такъ давно, такъ давно ужъ люблю! Знаешь съ которыхъ поръ?

— Когда?

— Какъ папа приказалъ у тебя прощенія просить, тогда какъ ты за своего папу заступилась, Неточка . . . Си-ро-точка ты моя! — протянула она, снова осыпая меня поцѣлуями. Она плакала и смѣялась вмѣстѣ.

— Ахъ, Катя!

— Ну, что? Ну, что?

— Зачѣмъ мы такъ долго . . . такъ долго . . . и я не договорила. Мы обнялись, и минуты три не говорили ни слова.

— Послушай, ты что думала про меня? спросила княжна.

— Ахъ, какъ много думала, Катя! все думала, и день и ночь думала.

— И ночью про меня говорила, я слышала.

— Неужели?

— Плакала сколько разъ.

— Видишь! Что-жъ ты все была такая гордая?

— Я вѣдь была глупа, Неточка. Это на меня такъ придетъ, и кончено. Я все зла была на тебя.

— За что?

— За то, что сама дурная была. Прежде за то, что ты лучше меня; потомъ за то, что тебя папа больше любитъ. А папа добрый человѣкъ, Неточка! Да?

— Ахъ, да! отвѣчала я со слезами, вспомнивъ про князя.

— Хорошій человѣкъ, серьезно сказала Катя: — да что мнѣ съ нимъ дѣлать? онъ все такой . . . Ну, а потомъ стала у тебя прощенія просить и чуть не заплакала, и за это опять разсердилась.

— А я-то видѣла, а я-то видѣла, что ты плакать хотѣла.

— Ну, молчи ты, дурочка, плакса такая сама! крикнула на меня Катя, зажавъ мнѣ ротъ рукою. — Слушай, мнѣ очень хотѣлось любить тебя, а потомъ вдругъ ненавидѣть захочется, и такъ ненавижу, такъ ненавижу! . .

— За что же?

— Да ужъ я сердита на тебя была. Не знаю, за что! А потомъ я и увидѣла, что ты безъ меня жить не можешь, и думаю: вотъ ужъ замучу я ее, скверную!

— Ахъ, Катя!

— Душка моя! сказала Катя, цѣлуя мнѣ руку: — Ну, а потомъ я съ тобой говорить не хотѣла, никакъ не хотѣла. А помнишь, Фальстафку я гладила?

— Ахъ ты безстрашная!

— Какъ я тру-си-ла-то, протянула княжна. — Ты знаешь ли, почему я къ нему пошла?

— Почему?

— Да ты смотрѣла. Когда увидѣла, что ты смотришь . . . ахъ! будь, что будетъ, да и пошла. Испугала я тебя, а? Боялась ты за меня?

— Ужасть!

— Я видѣла. А ужъ я-то какъ рада была, что Фальстафка ушелъ! Господи, какъ я трусила потомъ, какъ онъ ушелъ, чу-до-вище эдакое!

И княжна захохотала нервическимъ смѣхомъ; потомъ вдругъ приподняла свою горячую голову и начала пристально глядѣть на меня. Слезинки, какъ жемчужинки, дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ.

— Ну, что въ тебѣ есть, что я тебя такъ полюбила? Ишь, блѣдненькая, волосы бѣлокуренькіе, сама глупенькая, плакса такая, глаза голубенькіе, си-ро-точка ты моя!!!

И Катя нагнулась опять безъ счету цѣловать меня. Нѣсколько капель ея слезъ упали на мои щеки. Она была глубоко растрогана.

— Вѣдь какъ любила-то тебя, а все думаю — нѣтъ, да нѣтъ! не скажу ей! И вѣдь какъ упрямилась! Чего я боялась, чего я стыдилась тебя? Вѣдь смотри, какъ намъ теперь хорошо!

— Катя! Больно мнѣ какъ! сказала я, вся въ изступленіи отъ радости. — Душа ломитъ!

— Да, Неточка! Слушай дальше . . . да слушай, кто тебя Неточкой прозвалъ?

— Мама.

— Ты мнѣ все про маму разскажешь!

— Все, все, отвѣчала я съ восторгомъ.

— А куда ты два платка мои дѣла, съ кружевами? а ленту зачѣмъ унесла? Ахъ ты, бесстыдница! Я вѣдь это знаю.

Я засмѣялась и покраснѣла до слезъ.

— Нѣтъ, думаю: помучу ее, подождетъ. А иной разъ думаю: да я ее вовсе не люблю, я ее терпѣть не могу. А ты все такая кроткая, такая овечка ты моя! А вѣдь какъ я боялась, что ты думаешь про меня, что я глупа! Ты умна, Нѣточка, вѣдь ты очень умна? а?

— Ну, что ты, Катя! отвѣчала я, чуть не обидѣвшись.

— Нѣтъ, ты умна, сказала Катя рѣшительно и серьезно: — это я знаю. Только разъ я утромъ встала и такъ тебя полюбила, что ужасъ! Ты мнѣ во всю ночь снилась. Думаю, я къ мамѣ буду проситься и тамъ буду жить. Не хочу я ее любить, не хочу! А на слѣдующую ночь засыпаю и думаю, кабы она пришла, какъ и въ прошлую ночь, а ты и пришла! Ахъ, какъ я притворялась, что сплю . . . Ахъ, какія мы безстыдницы, Неточка!

— Да за что-жъ ты меня все любить не хотѣла?

— Такъ . . . да что я говорю! вѣдь я тебя все любила! все любила! Ужъ потомъ и терпѣть не могла; думаю, зацѣлую я ее когда нибудь или изщиплю всю до смерти. Вотъ тебѣ, глупенькая ты эдакая!

И княжна ущипнула меня.

— А помнишь, я тебѣ башмакъ подвязывала?

— Помню.

— Помню; хорошо тебѣ было? Смотрю я на тебя; экая милочка, думаю: дай я ей башмакъ подвяжу, что она будетъ думать! Да такъ мнѣ самой хорошо стало. И вѣдь, право, хотѣла поцѣловаться съ тобою . . . да и не поцѣловала. А потомъ такъ смѣшно стало, такъ смѣшно! И всю дорогу, какъ гуляли вмѣстѣ, такъ вотъ вдругъ и хочу захохотать. На тебя смотрѣть не могу, такъ смѣшно. А вѣдь какъ я рада была, что ты за меня въ темницу пошла.

Пустая комната называлась «темницей».

— А ты струсила?

— Ужасъ какъ струсила.

— Да не тому еще рада, что ты на себя сказала, а рада тому была, что ты за меня посидишь! Думаю: плачетъ она теперь, а я-то ее какъ люблю! Завтра буду ее такъ цѣловать, такъ цѣловать! И вѣдь не жалко, ей-Богу, не жалко было тебя, хоть я и поплакала.

— А я-то вотъ и не плакала, нарочно рада была!

— Не плакала? Ахъ ты, злая! закричала княжна, всасываясь въ меня своими губками.

— Катя, Катя! Боже мой, какая ты хорошенькая.

— Не правда ли? Ну теперь что хочешь со мной, то и дѣлай! Тирань меня, щипли меня! Пожалуйста, ущипни меня! Голубчикъ мой, ущипни!

— Шалунья!

— Ну, еще что?

— Дурочка . . .

— А еще?

— А еще поцѣлуй меня.

И мы поцѣловались, плакали, хохотали; у насъ губы распухли отъ поцѣлуевъ.

— Неточка! Во первыхъ, ты всегда будешь ко мнѣ спать приходить. Ты цѣловаться любишь? И цѣловаться будемъ. Потомъ я не хочу, чтобъ ты была такая скучная. Отчего тебѣ скучно было? Ты мнѣ разскажешь, а?

— Все разскажу; но мнѣ теперь не скучно, а весело!

— Нѣтъ, ужъ будутъ у тебя румяныя щеки, какъ у меня! Ахъ, кабы завтра поскорѣй пришло! Тебѣ хочется спать, Неточка?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ давай говорить.

И часа два мы еще проболтали. Богъ знаетъ, чего мы не переговорили. Во первыхъ, княжна сообщила мнѣ всѣ свои планы для будущаго и настоящее положеніе вещей. И вотъ я узнала, что папу она любитъ больше всѣхъ, почти больше меня. Потомъ мы порѣшили обѣ, что мадамъ Леотаръ прекрасная женщина, и что она вовсе не строгая. Далѣе, мы тутъ же выдумали, что мы будемъ дѣлать завтра, послѣ-завтра, и вообще разсчитали жизнь чуть-ли не на двадцать лѣтъ. Катя выдумала, что мы будемъ такъ жить: она мнѣ будетъ одинъ день приказывать, а я все исполнять, а другой день на оборотъ — я приказывать, а она безпрекословно слушаться; а потомъ мы обѣ будемъ по ровну другъ другу приказывать; а тамъ кто нибудь нарочно не послушается, такъ мы сначала поссоримся, такъ, для виду, а потомъ какъ нибудь поскорѣе помиримся. Однимъ словомъ, насъ ожидало безконечное счастіе. Наконецъ, мы утомились болтать, у меня закрывались глаза. Катя смѣялась надо мной, что я соня и сама заснула прежде меня. На утро мы проснулись разомъ, поцѣловались наскоро, потому что къ намъ входили, и я успѣла добѣжать до своей кровати.

Весь день мы не знали, что дѣлать другъ съ другомъ отъ радости. Мы все прятались и бѣгали ото всѣхъ, болѣе всего опасаясь чужого глаза. Наконецъ, я начала ей свою исторію. Катя потрясена была до слезъ моимъ разсказомъ.

— Злая, злая ты эдакая! Для чего ты мнѣ раньше всего не сказала? Я бы тебя такъ любила, такъ любила! И больно тебя мальчики били на улицѣ?

— Больно. Я такъ боялась ихъ!

— Ухъ, злые! Знаешь, Неточка, я сама видѣла, какъ одинъ мальчикъ другого на улицѣ билъ. Завтра я тихонько возьму фальстафкину плетку и ужъ если одинъ встрѣтится такой, я его такъ прибью, такъ прибью!

Глазки ея сверкали отъ негодованія.

Мы пугались, когда кто нибудь входилъ. Мы боялись, чтобъ насъ не застали, когда мы цѣлуемся. А цѣловались мы въ этотъ день по крайней мѣрѣ сто разъ. Такъ прошелъ этотъ день и слѣдующій. Я боялась умереть отъ восторга, задыхалась отъ счастья. Но счастье наше продолжалось недолго.

Мадамъ Леотаръ должна была доносить о каждомъ движеніи княжны. Она наблюдала за нами цѣлые три дня, и въ эти три дня у ней накопилось много чего разсказать. Наконецъ, она пошла къ княгинѣ и объявила ей все, что подмѣтила, — что мы обѣ въ какомъ-то изступленіи, уже цѣлыхъ три дня не разлучаемся другъ съ другомъ, поминутно цѣлуемся; плачемъ, хохочемъ, какъ безумныя, — какъ безумныя, безъ умолку болтаемъ, тогда какъ этого прежде не было, что она не знаетъ, чему приписать это все, но ей кажется, что княжна въ какомъ нибудь болѣзненномъ кризисѣ, и, наконецъ, ей кажется, что намъ лучше видѣться порѣже.

— Я давно это думала, отвѣчала княгиня: — ужъ я знала, что эта странная сиротка надѣлаетъ намъ хлопотъ. Что мнѣ разсказали про нее, про прежнюю жизнь ея, — ужасъ, настоящій ужасъ! Она имѣетъ очевидное вліяніе на Катю. Вы говорите, Катя очень любитъ ее?

— Безъ памяти.

Княгиня покраснѣла отъ досады. Она уже ревновала ко мнѣ свою дочь.

— Это ненатурально, сказала она. — Прежде онѣ были такъ чужды другъ другу, и, признаюсь, я этому радовалась. Какъ бы ни была мала эта сиротка, но я ни за что не ручаюсь. Вы меня понимаете? Она уже съ молокомъ всосала свое воспитаніе, свои привычки и, можетъ быть, правила. И не понимаю, что находитъ въ ней князь? Я тысячу разъ предлагала отдать ее въ пансіонъ.

Мадамъ Леотаръ вздумала было за меня заступиться, но княгиня уже рѣшила нашу разлуку. Тотчасъ прислали за Катей и ужъ внизу объявили ей, что она со мной не увидится до слѣдующаго воскресенья, т. е. ровно недѣлю.

Я узнала про все поздно вечеромъ и была поражена ужасомъ; я думала о Катѣ, и мнѣ казалось, что она не перенесетъ нашей разлуки. Я приходила въ изступленіе отъ тоски, отъ горя, и въ ночь заболѣла; на утро пришелъ ко мнѣ князь и шепнулъ, чтобъ я надѣялась. Князь употребилъ всѣ свои усилія, но все было тщетно, княгиня не измѣняла намѣренія. Мало по малу я стала приходить въ отчаяніе, у меня духъ захватывало отъ горя.

На третій день утромъ Настя принесла мнѣ записку отъ Кати. Катя писала карандашомъ, страшными каракулями, слѣдующее.

«Я тебя очень люблю. Сижу съ maman и все думаю, какъ къ тебѣ убѣжать. Но я убѣгу — я сказала, и потому не плачь. Напиши мнѣ, какъ ты меня любишь? А я тебя обнимала всю ночь во снѣ, ужасно страдала, Неточка. Посылаю тебѣ конфектъ. Прощай.»

Я отвѣчала въ этомъ же родѣ. Весь день проплакала я надъ запиской Кати. Мадамъ Леотаръ замучила меня своими ласками. Вечеромъ, я узнала, она пошла къ князю и сказала, что я непремѣнно буду больна въ третій разъ, если не увижусь съ Катей, и что она раскаивается, что сказала княгинѣ. Я разспрашивала Настю: что съ Катей? Она отвѣчала мнѣ, что Катя не плачетъ, но ужасно блѣдна.

На утро Настя шепнула мнѣ:

— Ступайте въ кабинетъ къ его сіятельству. Спуститесь по лѣстницѣ, которая справа.

Все во мнѣ оживилось предчувствіемъ. Задыхаясь отъ ожиданія, я сбѣжала внизъ и отворила дверь въ кабинетъ. Ея не было. Вдругъ Катя обхватила меня сзади и горячо поцѣловала. Смѣхъ, слезы . . . Мигомъ Катя вырвалась изъ моихъ объятій, вскарабкалась на отца, вскочила на его плечи, какъ бѣлка, но, не удержавшись, прыгнула съ нихъ на диванъ. За нею упалъ и князь. Княжна плакала отъ восторга.

— Папа̀, какой ты хорошій человѣкъ, папа̀!

— Шалуньи вы, что съ вами сдѣлалось? Что за дружба? Что за любовь?

— Молчи, папа̀, ты нашихъ дѣлъ не знаешь.

И мы снова бросились въ объятія другъ къ другу.

Я начала разсматривать ее ближе. Она похудѣла въ три дня. Румянецъ слинялъ съ ея личика, и блѣдность прокрадывалась на его мѣсто. Я заплакала съ горя.

Наконецъ постучалась Настя. Знакъ, что хватились Кати и спрашиваютъ. Катя поблѣднѣла какъ смерть.

— Полно, дѣти. Мы каждый день будемъ сходиться. Прощайте, и да благословитъ васъ Господь! сказалъ князь.

Онъ былъ растроганъ, на насъ глядя; но разсчиталъ очень худо. Вечеромъ изъ Москвы пришло извѣстіе, что маленькій Саша внезапно заболѣлъ и при послѣднемъ издыханіи. Княгиня положила отправиться завтра же. Это случилось такъ скоро, что я ничего и не знала, до самаго прощанія съ княжной. На прощаньи настоялъ самъ князь, и княгиня едва согласилась. Княжна была какъ убитая. Я сбѣжала внизъ, не помня себя, и бросилась къ ней на шею. Дорожная карета ужъ ждала у подъѣзда. Катя вскрикнула, глядя на меня, и упала безъ чувствъ. Я броси-

лась цѣловать ее. Княгиня стала приводить ее въ память. Наконецъ, она очнулась и обняла меня снова.

— Прощай, Неточка! сказала она мнѣ вдругъ, засмѣявшись съ неизъяснимымъ движеніемъ въ лицѣ; ты не смотри на меня, это такъ; я не больна, я пріѣду черезъ мѣсяцъ опять. Тогда мы не разойдемся.

— Довольно, сказала княгиня спокойно: — ѣдемъ!

Но княжна воротилась еще разъ. Она судорожно сжала меня въ объятіяхъ.

— Жизнь моя! успѣла она прошептать, обнимая меня. До свиданья!

Мы поцѣловались въ послѣдній разъ, и княжна исчезла — надолго, очень надолго.

Разсказъ сиротки Нелли.

Когда мы пріѣхали, то долго отыскивали дѣдушку, но никакъ не могли отыскать. Мамаша мнѣ и сказала тогда, что дѣдушка былъ прежде очень богатый, что онъ былъ англичанинъ, а не русскій, но родился въ Россіи и фабрику хотѣлъ строить, а что теперь онъ очень бѣдный, потому что когда мамаша безъ его согласія вышла замужъ, то мужъ взялъ у нея всѣ дѣдушкины деньги и не отдалъ ей. Она мнѣ это сама сказала. И она говорила мнѣ еще, что дѣдушка черезъ нее разсорился и теперь совсѣмъ бѣдный и на нее очень сердитъ и что она сама во всемъ передъ нимъ виновата, и что не осталось у ней теперь на всей землѣ никого, кромѣ дѣдушки. И когда говорила мнѣ, то плакала . . . «Онъ меня не проститъ», говорила она, еще когда мы сюда ѣхали, «но, можетъ-быть, тебя увидитъ и тебя полюбитъ, а за тебя и меня проститъ». Мамаша любила очень меня и когда говорила, то всегда меня цѣловала, а къ дѣдушкѣ идти боялась. Меня же учила молиться за дѣдушку и сама молилась и много мнѣ еще разсказывала, какъ она прежде жила съ дѣдушкой, когда еще они были очень богаты и какъ дѣдушка ее очень любилъ, больше всѣхъ. Она ему на фортепьяно играла и книги читала по вечерамъ, а дѣдушка ее цѣловалъ и много ей дарилъ подарковъ. Когда

мы пріѣхали, то жили сперва на Мѣщанской; тамъ было очень темно и сыро, и матушка очень заболѣла, но еще тогда ходила. Я ей бѣлье мыла, а она плакала. Тамъ тоже жила одна старушка, капитанша и жилъ отставной чиновникъ и все приходилъ пьяный и всякую ночь кричалъ и шумѣлъ. Я очень боялась его. Матушка брала меня къ себѣ на постель, и обнимала меня, а сама вся бывало дрожитъ, а чиновникъ за перегородкой кричитъ и бранится. Онъ хотѣлъ одинъ разъ прибить капитаншу, а та была старая старушка и ходила съ палочкой. Мамашѣ стало жаль ее, и она за нее заступилась; чиновникъ и ударилъ мамашу, а я чиновника . . . Тогда мамаша вышла, и меня увела съ собой. Это было днемъ. Мы все ходили по улицамъ до самаго вечера, и мамаша все плакала и все ходила, а меня вела за руку. Я очень устала; мы и не ѣли этотъ день. А мамаша все сама съ собой говорила и мнѣ все говорила: «будь бѣдна, Нелли, и когда я умру, не слушай никого и ничего. Ни къ кому не ходи; будь одна, бѣдная, и работай, а нѣтъ работы, такъ милостыню проси, а не ходи къ этимъ гордымъ людямъ». Только въ сумерки мы переходили чрезъ одну большую улицу; вдругъ мамаша закричала: «Азорка! Азорка», и вдругъ большая собака, безъ шерсти, подбѣжала къ мамашѣ, завизжала и бросилась къ ней, а мамаша испугалась, стала блѣдная, закричала и бросилась на колѣни передъ высокимъ старикомъ, который шелъ съ палкой и смотрѣлъ въ землю. А этотъ высокій старикъ и былъ дѣдушка и такой сухощавый, въ дурномъ платьѣ. Тутъ-то я въ первый разъ и увидала дѣдушку. Дѣдушка тоже очень испугался и весь поблѣднѣлъ и какъ увидалъ, что мамаша лежитъ подлѣ него и обхватила его ноги, — онъ вырвался, толкнулъ мамашу, ударилъ по камню

палкой и пошелъ скоро отъ насъ. Азорка еще остался и все вылъ и лизалъ мамашу, потомъ побѣжалъ къ дѣдушкѣ, схватилъ его за полу и потащилъ назадъ, а дѣдушка его ударилъ палкой. Азорка опять къ намъ было побѣжалъ, да дѣдушка кликнулъ его, онъ и побѣжалъ за дѣдушкой и все вылъ. А мамаша лежала какъ мертвая, кругомъ народъ собрался, полицейскіе пришли. Я все кричала и подымала мамашу. Она и встала, оглядѣлась кругомъ и пошла за мной. Я ее повела домой. Люди на насъ долго смотрѣли и все головой качали. Какъ мы шли домой, матушка мнѣ все говорила: это твой дѣдушка, Нелли, а я виновата передъ нимъ, за это меня теперь Богъ и наказываетъ, и весь этотъ вечеръ и всѣ слѣдующіе дни все это же говорила. А говорила, какъ будто себя не помнила. Въ ту же ночь она заболѣла, а капитанша отыскала квартиру у Бубновой, а на третій день мы и переѣхали и капитанша съ нами, и какъ переѣхали, мамаша совсѣмъ слегла, и три недѣли лежала больная, а я ходила за ней. Деньги у насъ всѣ вышли, и намъ помогла капитанша и Иванъ Александрычъ, хозяинъ, гробовщикъ. А когда мамаша встала съ постели и стала ходить, тогда мнѣ про Азорку и разсказала, что разъ гдѣ-то на рѣкѣ, за городомъ, мальчишки тащили Азорку на веревкѣ топить, а мамаша дала имъ денегъ и купила у нихъ Азорку. Дѣдушка, какъ увидѣлъ Азорку, сталъ надъ нимъ очень смѣяться. Только Азорка и убѣжалъ. Мамаша стала плакать; дѣдушка испугался и сказалъ, что дастъ сто рублей тому, кто приведетъ Азорку. На третій день его привели; дѣдушка сто рублей отдалъ и съ тѣхъ поръ сталъ любить Азорку. А мамаша такъ его стала любить, что даже на постель съ собой брала. Она мнѣ разсказывала, что Азорка прежде съ комедіантами по улицамъ

ходилъ, и служить умѣлъ, и обезьяну на себѣ возилъ, и ружьемъ умѣлъ дѣлать и много еще умѣлъ . . . А когда мамаша уѣхала отъ дѣдушки, то дѣдушка и оставилъ Азорку у себя и все съ нимъ ходилъ, такъ что на улицѣ какъ только мамаша увидала Азорку, тотчасъ догадалась, что тутъ же и дѣдушка. Когда мамаша стала выздоравливать, тогда я встрѣтила опять дѣдушку. Я ходила въ лавочку за хлѣбомъ: вдругъ увидѣла человѣка съ Азоркой, посмотрѣла и узнала дѣдушку. Я посторонилась и прижалась къ стѣнѣ. Дѣдушка посмотрѣлъ на меня, долго смотрѣлъ и такой былъ страшный, что я его очень испугалась, и прошелъ мимо; Азорка же меня припомнилъ и началъ скакать подлѣ меня и мнѣ руки лизать. Я поскорѣй пошла домой, посмотрѣла назадъ, а дѣдушка зашелъ въ лавочку. Тутъ я подумала: вѣрно разспрашиваетъ и испугалась еще больше, и когда пришла домой, то мамашѣ ничего не сказала, чтобъ мамаша опять не сдѣлалась больна. Сама же въ лавочку на другой день не ходила; сказала, что у меня голова болитъ; а когда пошла на третій день, то никого не встрѣтила и ужасно боялась, такъ что бѣгомъ бѣжала. А еще черезъ день вдругъ я иду, только что за уголъ зашла, а дѣдушка опять передо мной и Азорка. Я побѣжала и поворотила въ другую улицу и съ другой стороны въ лавочку зашла; только вдругъ прямо на него опять наткнулась и такъ испугалась, что тутъ же и остановилась и не могу идти. Дѣдушка сталъ передо мною и опять долго смотрѣлъ на меня, а потомъ погладилъ меня по головкѣ, взялъ за руку и повелъ меня, а Азорка за нами, и хвостомъ махаетъ. Тутъ я и увидала, что дѣдушка и ходить прямо ужъ не можетъ и все на палку упирается, а руки у него совсѣмъ дрожатъ. Онъ меня привелъ къ разнощику, который

на углу сидѣлъ и продавалъ пряники и яблоки. Дѣдушка купилъ пряничнаго пѣтушка, и рыбку, и одну конфетку, и яблоко, и когда вынималъ деньги изъ кожаннаго кошелька, то руки у него очень тряслись и онъ уронилъ пятакъ, а я подняла ему. Онъ мнѣ этотъ пятакъ подарилъ, и пряники отдалъ и погладилъ меня по головкѣ, но опять ничего не сказалъ, а пошелъ отъ меня домой. Тогда я пришла къ мамашѣ и разсказала ей все про дѣдушку, и какъ я сначала его боялась и пряталась отъ него. Мамаша мнѣ сперва не повѣрила, а потомъ такъ обрадовалась, что весь вечеръ меня разспрашивала, цѣловала и плакала и когда я ужъ ей все разсказала, то она мнѣ впередъ приказала: чтобъ я никогда не боялась дѣдушку, и что стало быть дѣдушка любитъ меня, коли нарочно приходилъ ко мнѣ. И велѣла, чтобъ я ласкалась къ дѣдушкѣ и говорила съ нимъ. А на другой день все меня высылала нѣсколько разъ поутру, хотя я и сказала ей, что дѣдушка приходилъ всегда только передъ вечеромъ. Сама же она за мной издали шла и за угломъ пряталась и на другой день также, но дѣдушка не пришелъ, а въ эти дни шелъ дождь, и матушка очень простудилась, потому что все со мной выходила за ворота, и опять слегла. — Дѣдушка же пришелъ черезъ недѣлю и опять мнѣ купилъ одну рыбку и яблоко и опять ничего не сказалъ. А когда ужъ онъ пошелъ отъ меня, я тихонько пошла за нимъ, потому что заранѣе такъ вздумала, чтобъ узнать, гдѣ живетъ дѣдушка и сказать мамашѣ. Я шла издали по другой сторонѣ улицы, такъ чтобъ дѣдушка меня не видалъ. А жилъ онъ очень далеко, въ Гороховой, тоже въ большомъ домѣ, въ четвертомъ этажѣ. Я все это узнала и поздно воротилась домой. Мамаша очень испугалась, потому что не знала, гдѣ я была. Когда же я разсказала,

то мамаша опять очень обрадовалась, и тотчасъ же хотѣла идти къ дѣдушкѣ, на другой же день; но на другой день стала думать и бояться и все боялась, цѣлыхъ три дня; такъ и не ходила. А потомъ позвала меня и сказала: вотъ что, Нелли, я теперь больна и не могу идти, а я написала письмо твоему дѣдушкѣ, поди къ нему и отдай письмо. И смотри, Нелли, какъ онъ его прочтетъ, что скажетъ, и что будетъ дѣлать; а ты стань на колѣни, цѣлуй его и проси его, чтобъ онъ простилъ твою мамашу . . . И мамаша очень плакала, и все меня цѣловала и крестила въ дорогу и Богу молилась, и меня съ собой на колѣни передъ образомъ поставила, и хоть очень была больна, но вышла меня провожать къ воротамъ и когда я оглядывалась, она все стояла и глядѣла на меня, какъ я иду . . .

Я пришла къ дѣдушкѣ и отворила дверь, а дверь была безъ крючка. Дѣдушка сидѣлъ за столомъ и кушалъ хлѣбъ съ картофелемъ, а Азорка стоялъ передъ нимъ, смотрѣлъ, какъ онъ ѣстъ и хвостомъ махалъ. У дѣдушки были окна низкія, темныя, и только одинъ столъ и стулъ. А жилъ онъ одинъ. Я вошла, и онъ такъ испугался, что весь поблѣднѣлъ и затрясся. Я тоже испугалась и ничего не сказала, а только подошла къ столу и положила письмо. Дѣдушка какъ увидалъ письмо, то такъ разсердился, что вскочилъ, схватилъ палку и замахнулся на меня, но не ударилъ, а только вывелъ меня въ сѣни и толкнулъ меня. Я еще не успѣла и съ первой лѣстницы сойти, какъ онъ отворилъ опять дверь и выбросилъ мнѣ назадъ письмо нераспечатанное. Я пришла домой и все разсказала. Тутъ матушка слегла опять . . . Три недѣли я не видѣла съ того времени дѣдушку до самой зимы. Тутъ зима стала и снѣгъ выпалъ. Когда же я встрѣтила дѣдушку опять, на прежнемъ мѣстѣ,

то очень обрадовалась, потому что мамаша тосковала, что онъ не ходитъ. Я какъ увидѣла его, нарочно побѣжала на другую сторону улицы, чтобъ онъ видѣлъ, что я бѣгу отъ него. Только я оглянулась и вижу, что дѣдушка сначала скоро пошелъ за мной, а потомъ и побѣжалъ, чтобъ меня догнать и сталъ кричать мнѣ: Нелли, Нелли! И Азорка бѣжалъ за нимъ. Мнѣ жаль стало, я и остановилась. Дѣдушка подошелъ и взялъ меня за руку и повелъ, а когда увидѣлъ, что я плачу, остановился, посмотрѣлъ на меня, нагнулся и поцѣловалъ. Тутъ онъ увидалъ, что у меня башмаки худые и спросилъ: развѣ у меня нѣтъ другихъ. Я тотчасъ же сказала ему поскорѣй, что у мамаши совсѣмъ нѣтъ денегъ и что намъ хозяева изъ одной жалости ѣсть даютъ. Дѣдушка ничего не сказалъ, но повелъ меня на рынокъ и купилъ мнѣ башмаки и велѣлъ тутъ же ихъ надѣть, а потомъ повелъ меня къ себѣ, въ Гороховую, а прежде зашелъ въ лавочку и купилъ пирогъ и двѣ конфетки и когда мы пришли, сказалъ, чтобъ я ѣла пирогъ и смотрѣлъ на меня, когда я ѣла, а потомъ далъ мнѣ конфетки. А Азорка положилъ лапы на столъ и тоже просилъ пирога, я ему и дала и дѣдушка засмѣялся. Потомъ взялъ меня, поставилъ подлѣ себя, началъ по головкѣ гладить и спрашивать: училась ли я чему нибудь и что я знаю? Я ему сказала, а онъ велѣлъ мнѣ какъ только мнѣ можно будетъ, каждый день въ три часа ходить къ нему и что онъ самъ будетъ учить меня. Потомъ сказалъ мнѣ, чтобъ я отвернулась и смотрѣла въ окно, покамѣстъ онъ скажетъ, чтобъ я опять повернулась къ нему. Я такъ и стояла, но тихонько обернулась назадъ и увидѣла, что онъ распоролъ свою подушку, съ нижняго уголка, и вынулъ четыре цѣлковыхъ. Когда вынулъ, принесъ ихъ мнѣ и ска-

залъ: «Это тебѣ одной». Я было взяла, но потомъ подумала и сказала: «Когда мнѣ одной, такъ не возьму». Дѣдушка вдругъ разсердился и сказалъ мнѣ: «ну, бери какъ знаешь, ступай». Я вышла, а онъ и не поцѣловалъ меня. Какъ я пришла домой, все мамашѣ и разсказала. А мамашѣ все становилось хуже и хуже. Къ гробовщику ходилъ одинъ студентъ, онъ лечилъ мамашу и велѣлъ ей лекарства принимать.

А я ходила къ дѣдушкѣ часто; мамаша такъ приказывала. Дѣдушка купилъ Новый Завѣтъ и географію и сталъ меня учить; а иногда разсказывалъ, какія на свѣтѣ есть земли и какіе люди живутъ, и какія моря и что было прежде и какъ Христосъ насъ всѣхъ простилъ. Когда я его сама спрашивала, то онъ былъ очень радъ; потому я и стала часто его спрашивать, и онъ все разсказывалъ и про Бога много говорилъ. А иногда мы не учились и съ Азоркой играли: Азорка меня очень сталъ любить, и я его выучила черезъ палку скакать и дѣдушка смѣялся, и все меня по головкѣ гладилъ. Только дѣдушка рѣдко смѣялся. Одинъ разъ много говоритъ, а то вдругъ замолчитъ и сидитъ, какъ будто заснулъ, а глаза открыты. Такъ и досидитъ до сумерекъ, а въ сумерки онъ такой становится страшный, старый такой . . . А то бывало приду къ нему, а онъ сидитъ на своемъ стулѣ, думаетъ и ничего не слышитъ, и Азорка подлѣ него лежитъ. Я жду, жду и кашляю, дѣдушка все не оглядывается. Я такъ и уйду. А дома мамаша такъ уже и ждетъ меня; она лежитъ, а я ей разсказываю все, все, такъ и ночь придетъ, а я все говорю и она все слушаетъ про дѣдушку: что онъ дѣлалъ сегодня, и что мнѣ разсказывалъ, какія исторіи, и что на урокъ мнѣ задалъ. А какъ начну про Азорку, что я его черезъ палку заставляла скакать и что дѣдушка смѣялся, то

и она вдругъ начнетъ смѣяться и долго бывало смѣется и радуется и опять заставляетъ повторить, а потомъ молиться начнетъ. А я все думала: что-жъ мамаша такъ любитъ дѣдушку, а онъ ее не любитъ, и когда пришла къ дѣдушкѣ, то нарочно стала ему разсказывать, какъ мамаша его любитъ. Онъ все слушалъ, такой сердитый, а все слушалъ и ни слова не говорилъ; тогда я и спросила, отчего мамаша его такъ любитъ, что все объ немъ спрашиваетъ? Дѣдушка разсердился и выгналъ меня за дверь; я немного постояла за дверью, а онъ вдругъ опять отворилъ и позвалъ меня назадъ и все сердился и молчалъ. А когда потомъ мы начали Законъ Божій читать, я опять спросила: отчего же Іисусъ Христосъ сказалъ: любите другъ друга и прощайте обиды, а онъ не хочетъ простить мамашу? Тогда онъ вскочилъ и закричалъ, что это мамаша меня научила, вытолкнулъ меня въ другой разъ вонъ и сказалъ, чтобъ я никогда не смѣла теперь къ нему приходить. А я сказала, что я и сама теперь къ нему не приду и ушла отъ него . . . А дѣдушка на другой день изъ квартиры переѣхалъ. — Я три дня не ходила къ дѣдушкѣ, а въ это время мамашѣ стало очень худо. Деньги у насъ всѣ вышли, а лекарства не на что было купить, да и не ѣли мы ничего, потому что у хозяевъ тоже ничего не было, а и они стали насъ попрекать, что мы на ихъ счетъ живемъ. Тогда я на третій день утромъ встала и начала одѣваться. Мамаша спросила: куда я иду? Я и сказала: къ дѣдушкѣ, просить денегъ, и она обрадовалась, потому что я уже разсказала мамашѣ все, какъ онъ прогналъ меня отъ себя, и сказала ей, что не хочу больше ходить къ дѣдушкѣ, хоть она и плакала и уговаривала меня идти. Я пришла и узнала, что дѣдушка переѣхалъ и пошла искать его въ новый домъ.

Какъ только я пришла къ нему въ новую квартиру, онъ вскочилъ, бросился на меня и затопалъ ногами, и я ему тотчасъ сказала, что мамаша очень больна, что на лекарство надо денегъ, пятьдесятъ копѣекъ, а намъ ѣсть нечего. Дѣдушка закричалъ и вытолкалъ меня на лѣстницу и заперъ за мной дверь на крючокъ. Но когда онъ толкалъ меня, я ему сказала, что я на лѣстницѣ буду сидѣть и до тѣхъ поръ не уйду, покамѣстъ онъ денегъ не дастъ. Я и сидѣла на лѣстницѣ. Немного спустя онъ отворилъ дверь и увидѣлъ, что я сижу, и опять затворилъ. Потомъ долго прошло, онъ опять отворилъ, опять увидалъ меня и опять затворилъ. И потомъ много разъ отворялъ и смотрѣлъ. Наконецъ вышелъ съ Азоркой, заперъ дверь, прошелъ мимо меня со двора и ни слова мнѣ не сказалъ. И я ни слова не сказала и такъ и осталась сидѣть, и сидѣла до сумерекъ.

Онъ воротился уже ночью, входя наткнулся на меня и закричалъ: кто тутъ? Я сказала, что это я. А онъ вѣрно думалъ, что я давно ушла и какъ увидѣлъ, что я еще все тутъ, то очень удивился и долго стоялъ передо мной. Вдругъ ударилъ по ступенькамъ палкой, побѣжалъ, отперъ свою дверь и черезъ минуту вынесъ мнѣ мѣдныхъ денегъ, все пятаками, и бросилъ ихъ въ меня на лѣстницу.

— Вотъ тебѣ, закричалъ, возьми, это у меня все, что было и скажи твоей матери, что я ее проклинаю, — а самъ захлопнулъ дверь. А пятаки покатились по лѣстницѣ. Я начала подбирать ихъ въ темнотѣ и дѣдушка видно догадался, что разбросалъ пятаки, и что въ темнотѣ мнѣ ихъ трудно собрать, отворилъ дверь и вынесъ свѣчку и при свѣчкѣ я скоро собрала. И дѣдушка самъ собиралъ вмѣстѣ со мной и сказалъ мнѣ, что тутъ всего должно быть семь гри-

венъ, и самъ ушелъ. Когда я пришла домой, я отдала деньги и все разсказала мамашѣ и мамашѣ сдѣлалось хуже, а сама я всю ночь была больна и на другой день тоже вся въ жару была, но я только объ одномъ думала, потому что сердилась на дѣдушку, и когда мамаша заснула, пошла на улицу, къ дѣдушкиной квартирѣ и, не доходя, стала на мосту. Тутъ и прошелъ одинъ господинъ. Я остановила его и попросила денегъ рубль серебромъ, а онъ нагнулся ко мнѣ и спросилъ: для чего я непремѣнно столько хочу? Я сказала ему, что мамаша больна и что нужно столько на лекарство. Онъ спросилъ: гдѣ мы живемъ, и записалъ и далъ мнѣ бумажку рубль серебромъ. Я пошла въ лавочку и размѣняла рубль на мѣдныя; тридцать копѣекъ завернула въ бумажку и отложила мамашѣ, а семь гривенъ не завернула въ бумажку, а нарочно зажала въ рукахъ и пошла къ дѣдушкѣ. Какъ пришла къ нему, то отворила дверь, стала на порогѣ, размахнулась и бросила ему съ размаха всѣ деньги, такъ они и покатились по полу.

— Вотъ, возьмите ваши деньги! сказала я ему. — Не надо ихъ отъ васъ мамашѣ, потому что вы ее проклинаете, хлопнула дверью и тотчасъ же убѣжала прочь. Мамаша уже рѣдко и вставала съ постели. Денегъ у насъ ужъ ничего больше не было, я и стала ходить съ капитаншей. А капитанша по домамъ ходила, тоже и на улицѣ людей хорошихъ останавливала и просила, тѣмъ и жила. Она говорила мнѣ, что она не нищая, а что у ней бумаги есть, гдѣ ея чинъ написанъ и написано тоже, что она бѣдная. Эти бумаги она и показывала, и ей за это деньги давали. Она говорила мнѣ: милостыню не стыдно просить; я не у одного человѣка прошу, я у всѣхъ прошу, а всѣ не одинъ человѣкъ; у од-

ного стыдно, а у всѣхъ не стыдно. Я и ходила съ ней и намъ подавали, тѣмъ мы и жили. Мамаша, какъ узнала про все, то стала плакать, потомъ встала съ постели, одѣлась, схватила меня за руку и повела за собой. Иванъ Александровичъ сталъ ее останавливать, но она не слушала, и мы вышли. Мамаша едва могла ходить и каждую минуту садилась на улицѣ, а я ее придерживала. Мамаша все говорила, что идетъ къ дѣдушкѣ и чтобъ я вела ее, а ужъ давно стала ночь. Вдругъ мы пришли въ большую улицу; тутъ передъ однимъ домомъ останавливались кареты, и много выходило народу, а въ окнахъ вездѣ былъ свѣтъ и слышна была музыка. Мамаша остановилась, схватила меня и сказала мнѣ тогда: Нелли, будь бѣдная, будь всю жизнь бѣдная, не ходи къ этимъ гордымъ и жестокимъ людямъ, кто-бы тебя ни позвалъ, кто-бы ни пришелъ. Они и злые, и жестокіе, они не прощаютъ обидъ, и вотъ тебѣ мое приказаніе: оставайся бѣдная, работай и милостыню проси. Это мнѣ говорила мамаша, когда была больна, и я всю жизнь хочу ее слушаться.

— Мамаша такъ ослабла, что упала вдругъ безъ чувствъ. Я закричала. Насъ хотѣли взять въ полицію, но одинъ господинъ вступился, разспросилъ у меня квартиру, далъ мнѣ десять рублей и велѣлъ отвезти мамашу къ намъ домой на своихъ лошадяхъ. Послѣ этого мамаша ужъ и не вставала, — а черезъ три недѣли умерла ...

За недѣлю до смерти, мамаша позвала меня и сказала: «Нелли, сходи еще разъ къ дѣдушкѣ, въ послѣдній разъ, и попроси, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ и простилъ меня; скажи ему, что я черезъ нѣсколько дней умру, и тебя одну на свѣтѣ оставлю. И скажи ему еще, что мнѣ тя-

жело умирать . . .» Я и пошла, постучалась къ дѣдушкѣ, онъ отворилъ, и какъ увидѣлъ меня, тотчасъ хотѣлъ было передо мной дверь затворить, но я ухватилась за дверь обѣими руками и закричала ему: «Мамаша умираетъ, васъ зоветъ, идите! . . .» Но онъ оттолкнулъ меня и захлопнулъ дверь. Я воротилась къ мамашѣ, легла подлѣ нея, обняла ее и ничего не сказала . . . Мамаша тоже обняла меня и ничего не разспрашивала.

Вотъ въ послѣдній день, передъ тѣмъ какъ ей умереть, передъ вечеромъ, мамаша подозвала меня къ себѣ, взяла меня за руку и сказала: «Я сегодня умру, Нелли»; хотѣла было еще говорить, но ужъ не могла. Я смотрю на нее, а она ужъ какъ будто меня и не видитъ, только въ рукахъ мою руку крѣпко держитъ. Я тихонько вынула руку и побѣжала изъ дому, и всю дорогу бѣжала бѣгомъ и прибѣжала къ дѣдушкѣ. Какъ онъ увидѣлъ меня, то вскочилъ со стула и смотритъ, и такъ испугался, что совсѣмъ сталъ такой блѣдный и весь задрожалъ. Я схватила его за руку и только одно выговорила: «сейчасъ умретъ». Тутъ онъ такъ и заметался; схватилъ свою палку и побѣжалъ за мной; даже шляпу забылъ, а было холодно. Я схватила шляпу и надѣла ее ему, и мы вмѣстѣ выбѣжали, я торопила его и говорила, чтобъ онъ нанялъ извощика, потому что мамаша сейчасъ умретъ; но у дѣдушки было только семь копѣекъ всѣхъ денегъ. Онъ останавливалъ извощиковъ, торговался, но они только смѣялись, и надъ Азоркой смѣялись, а Азорка съ нами бѣжалъ, и мы все дальше и дальше бѣжали. Дѣдушка усталъ и дышалъ трудно, но все торопился и бѣжалъ. Вдругъ онъ упалъ и шляпа съ него соскочила. Я подняла его, надѣла ему опять шляпу и стала его рукой вести и только передъ самой ночью мы пришли до-

мой . . . Но матушка уже лежала мертвая. Какъ увидѣлъ ее дѣдушка, всплеснулъ руками, задрожалъ и сталъ надъ ней, а самъ ничего не говоритъ. Тогда я подошла къ мертвой мамашѣ, схватила дѣдушку за руку и закричала ему: «вотъ, жестокій и злой человѣкъ, вотъ смотри! ...» Тутъ дѣдушка закричалъ и упалъ на полъ, какъ мертвый . . .

Лѣтняя пора въ тюрьмѣ.

Изъ записокъ арестанта.

Вотъ уже и начало апрѣля, вотъ уже приближается и Святая недѣля. Мало по малу начинаются и лѣтнія работы. Солнце съ каждымъ днемъ все теплѣе и ярче; воздухъ пахнетъ весною и раздражительно дѣйствуетъ на организмъ. Наступающіе красные дни волнуютъ и закованнаго человѣка, рождаютъ и въ немъ какія-то желанія, стремленія, тоску. Кажется, еще сильнѣе грустишь о свободѣ подъ яркимъ солнечнымъ лучемъ, чѣмъ въ ненастный зимній или осенній день, и это замѣтно на всѣхъ арестантахъ. Они какъ-будто и рады свѣтлымъ днямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ усиливается какая-то нетерпѣливость, порывчатость. Право, я замѣтилъ, что весной какъ-будто чаще случались у насъ острожныя ссоры. Чаще слышался шумъ, крикъ, гамъ, затѣвались исторіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ, случалось, подмѣтишь вдругъ гдѣ-нибудь на работѣ чей-нибудь задумчивый и упорный взглядъ въ синѣющую даль, куда-нибудь туда, на другой берегъ Иртыша, гдѣ начинается необъятною скатертью, тысячи на полторы верстъ, вольная киргизская степь: подмѣтишь чей-нибудь глубокій вздохъ, всей грудью, какъ-будто такъ и тянетъ человѣка дохнуть этимъ далекимъ, свободнымъ воздухомъ и облегчить имъ придав-

ленную, закованную душу. — «Эхма!» говоритъ наконецъ арестантъ, и вдругъ, точно стряхнувъ съ себя мечты и раздумье, нетерпѣливо и угрюмо схватится за заступъ или за кирпичи, которые надо перетащить съ одного мѣста на другое. Черезъ минуту онъ уже и забываетъ свое внезапное ощущеніе и начинаетъ смѣяться или ругаться, судя по характеру; а то вдругъ съ необыкновеннымъ, вовсе несоразмѣрнымъ съ потребностью жаромъ схватится за рабочій урокъ, если онъ заданъ ему, и начинаетъ работать, — работать изо всѣхъ силъ, точно желая задавить въ себѣ тяжестью работы что-то такое, что само его тѣснитъ и давитъ изнутри. Все это народъ сильный, большею частью въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ . . . Тяжелы кандалы въ эту пору! Я не поэтизирую въ эту минуту и увѣренъ въ правдѣ моей замѣтки. Кромѣ того, что въ теплѣ, среди яркаго солнца, когда слышишь и ощущаешь всей душой, всѣмъ существомъ своимъ воскресающую вокругъ себя съ необъятной силой природу, еще тяжеле становится запертая тюрьма, конвой и чужая воля; — кромѣ того, въ это весеннее время, по Сибири и по всей Россіи съ первымъ жаворонкомъ начинается бродяжество: бѣгутъ Божьи люди изъ остроговъ и спасаются въ лѣсахъ, бродятъ они по всей своей волѣ, гдѣ захотятъ, гдѣ попригляднѣе и повольготнѣе; пьютъ и ѣдятъ, гдѣ что удастся, что Богъ пошлетъ, а по ночамъ мирно засыпаютъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, или въ полѣ, безъ большой заботы, безъ тюремной тоски, какъ лѣсныя птицы, прощаясь на ночь съ одними звѣздами небесными, подъ Божьимъ окомъ.

Весна дѣйствовала и на меня своимъ вліяніемъ. Помню, какъ я съ жадностью смотрѣлъ иногда сквозь щели паль и по долгу стоялъ бывало прислонившись головой къ нашему забору,

упорно и ненасытимо всматриваясь, какъ зеленѣетъ трава на нашемъ крѣпостномъ валѣ, какъ все гуще и гуще синѣетъ далекое небо. Безпокойство и тоска моя росли съ каждымъ днемъ и острогъ становился мнѣ все болѣе и болѣе ненавистнымъ. Ненависть, которую я, въ качествѣ дворянина, испытывалъ постоянно въ продолженіи первыхъ лѣтъ отъ арестантовъ, становилась для меня невыносимой, отравляла всю жизнь мою ядомъ. «Вы — желѣзные носы, вы насъ заклевали!» говорили намъ арестанты, и какъ я завидовалъ бывало простонародью, приходившему въ острогъ! Въ концѣ поста, кажется на шестой недѣлѣ, мнѣ пришлось говѣть. Весь острогъ, еще съ первой недѣли, раздѣленъ былъ старшимъ унтеръ-офицеромъ на семь смѣнъ, по числу недѣль поста, для говѣнія. Въ каждой смѣнѣ оказалось такимъ образомъ человѣкъ по тридцати. Недѣля говѣнья мнѣ очень понравилась. Говѣвшіе освобождались отъ работъ. Мы ходили въ церковь, которая была неподалеку отъ острога, раза по два и по три въ день. Я давно не былъ въ церкви. Великопостная служба, такъ знакомая еще съ далекаго дѣтства, въ родительскомъ домѣ, торжественныя молитвы, земные поклоны, — все это расшевелило въ душѣ моей далекое-далекое минувшее, напоминало впечатлѣнія еще дѣтскихъ лѣтъ, и, помню, мнѣ очень пріятно было, когда бывало утромъ, по подмерзшей за ночь землѣ, насъ водили подъ конвоемъ съ заряженными ружьями въ Божій домъ. Конвой впрочемъ не входилъ въ церковь. Въ церкви мы становились тѣсной кучей у самыхъ дверей, на самомъ послѣднемъ мѣстѣ, такъ что слышно было только развѣ голосистаго дьякона, да изрѣдка изъ-за толпы примѣтишь черную ризу да лысину священника. Я припоминалъ, какъ бывало еще въ дѣтствѣ, стоя въ

церкви, смотрѣлъ я иногда на простой народъ, густо тѣснившійся у входа и подобострастно разступавшійся передъ густымъ эполетомъ, передъ толстымъ бариномъ, или передъ разфуфыренной, но чрезвычайно богомольной барыней, которые непремѣнно проходили на первыя мѣста и готовы были поминутно ссориться изъ за перваго мѣста. Тамъ у входа, казалось мнѣ тогда, и молились-то не такъ какъ у насъ, молились смиренно, ревностно, земно, и съ какимъ-то полнымъ сознаніемъ своей приниженности.

Теперь и мнѣ пришлось стоять на этихъ же мѣстахъ, даже и не на этихъ: мы были закованные и ошельмованные; отъ насъ всѣ сторонились, насъ всѣ даже какъ будто боялись, насъ каждый разъ одѣляли милостыней, и, помню, мнѣ это было даже какъ-то пріятно, какое-то утонченное, особенное ощущеніе сказывалось въ этомъ странномъ удовольствіи. «Пусть же коли такъ!» думалъ я. Но вотъ какъ-то разъ прошли въ церковь мать и дочь, дѣвочка лѣтъ 10-ти, хорошенькая какъ ангельчикъ. Увидя меня, дѣвочка закраснѣлась, пошептала что-то матери; та тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ ¼ копѣйки и дала ее дѣвочкѣ. «На, несчастный, возьми Христа ради копѣечку», сказала она, суя мнѣ въ руки монету. Я взялъ ея копѣечку. Дѣвочка возвратилась къ матери совершенно довольная. Эту копѣечку я долго берегъ у себя. Арестанты молились очень усердно и каждый изъ нихъ каждый разъ приносилъ въ церковь свою нищенскую копѣйку на свѣчку или клалъ на церковный сборъ: «Тоже вѣдь и я человѣкъ», можетъ-быть, думалъ онъ или чувствовалъ, подавая: — «передъ Богомъ-то всѣ равны» . . . . Причащались мы за ранней обѣдней. Когда священникъ съ чашей въ рукахъ читалъ слова: «. . . но яко разбойника мя пріими», — почти

всѣ повалились въ землю, звуча кандалами, кажется, принявъ эти слова буквально на свой счетъ.

Но вотъ пришла и Святая. Отъ начальства вышло намъ по одному яйцу и по ломтю пшеничнаго сдобнаго хлѣба. Изъ города опять завалили острогъ подаяніемъ. Опять посѣщеніе съ крестомъ священника, опять посѣщеніе начальства, опять жирныя щи, опять пьянство и шатанье, — все точь въ точь какъ и на Рождествѣ, съ тою разницею, что теперь можно было гулять на дворѣ острога и грѣться на солнышкѣ. Было какъ-то свѣтлѣе, просторнѣе, чѣмъ зимой, но какъ-то тоскливѣе. Длинный, безконечный лѣтній день становился какъ-то особенно невыносимъ на праздникахъ. Въ будни по крайней мѣрѣ сокращался день работою.

Лѣтнія работы дѣйствительно оказались гораздо труднѣе зимнихъ. Работы шли все больше по инженернымъ постройкамъ. Арестанты строили, копали землю, клали кирпичи; другіе изъ нихъ занимались слесарною, столярною или малярною частію при ремонтныхъ исправленіяхъ казенныхъ домовъ. Третьи ходили въ заводъ дѣлать кирпичи. Эта послѣдняя работа считалась у насъ самою тяжелою. Кирпичный заводъ находился отъ крѣпости верстахъ въ трехъ или въ четырехъ. Каждый день въ продолженіи лѣта, утромъ часовъ въ шесть, отправлялась цѣлая партія арестантовъ, человѣкъ въ пятьдесятъ, для дѣланія кирпичей. На эту работу выбирали чернорабочихъ, то есть не мастеровыхъ и не принадлежащихъ къ какому нибудь мастерству. Они брали съ собою хлѣба, потому что за дальностію мѣста невыгодно было приходить домой обѣдать и такимъ образомъ дѣлать верстъ восемь лишнихъ, и обѣдали уже вечеромъ, возвратясь въ острогъ. Урокъ-же задавался на весь день и

такой, что развѣ въ цѣлый рабочій день арестантъ могъ съ нимъ справиться. Во-первыхъ, надо было накопать и вывезти глину, наносить самому воду, самому вытоптать глину въ глиномятной ямѣ и наконецъ-то сдѣлать изъ нея что-то очень много кирпичей, кажется, сотни двѣ, чуть ли даже не двѣ съ половиной. Я всего только два раза ходилъ въ заводъ. Возвращались заводскіе, уже вечеромъ, усталые, измученные, и постоянно цѣлое лѣто попрекали другихъ тѣмъ, что они дѣлаютъ самую трудную работу. Это было кажется ихъ утѣшеніемъ. Несмотря на то, иные ходили туда даже съ нѣкоторою охотою: во-первыхъ, дѣло было за городомъ; мѣсто было открытое, привольное, на берегу Иртыша. Все-таки поглядѣть кругомъ отраднѣе; не крѣпостная казенщина! Можно было и покурить свободно, и даже полежать съ полчаса съ большимъ удовольствіемъ. Я-же или по прежнему ходилъ въ мастерскую, или на алебастръ, или, наконецъ, употреблялся въ качествѣ подносчика кирпичей при постройкахъ. Въ послѣднемъ случаѣ пришлось однажды перетаскивать кирпичи съ берега Иртыша къ строившейся казармѣ сажень на семьдесятъ разстоянія, черезъ крѣпостной валъ, и работа эта продолжалась мѣсяца два сряду. Мнѣ она даже понравилась, хотя веревка, на которой приходилось носить кирпичи, постоянно натирала мнѣ плечи. Но мнѣ нравилось то, что отъ работы во мнѣ видимо развивалась сила. Сначала я могъ таскать только по восьми кирпичей, а въ каждомъ кирпичѣ было по двѣнадцати фунтовъ. Но потомъ я дошелъ до двѣнадцати и до пятнадцати кирпичей, и это меня очень радовало. Физическая сила въ каторгѣ нужна не менѣе нравственной для перенесенія всѣхъ матеріальныхъ неудобствъ этой проклятой жизни.

А я еще хотѣлъ жить и послѣ острога . . .

Я впрочемъ любилъ таскать кирпичи не за то только, что отъ этой работы укрѣпляется тѣло, а за то еще, что работа производилась на берегу Иртыша. Я потому такъ часто говорю объ этомъ берегѣ, что единственно только съ него и былъ видѣнъ міръ Божій, чистая, ясная даль, незаселенныя вольныя степи, производившія на меня странное впечатлѣніе своею пустынностью. На берегу только и можно было стать къ крѣпости задомъ и не видать ее. Всѣ прочія мѣста нашихъ работъ были въ крѣпости или подлѣ нея. Съ самыхъ первыхъ дней я возненавидѣлъ эту крѣпость и особенно иныя зданія. На берегу же можно было забыться: смотришь, бывало, въ этотъ необъятный, пустынный просторъ, точно заключенный изъ окна своей тюрьмы на свободу. Все для меня было тутъ дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонномъ синемъ небѣ, и далекая пѣсня киргиза, приносившаяся съ киргизскаго берега. Всматриваешься долго и разглядишь, наконецъ, какую-нибудь бѣдную, обкуренную юрту какого-нибудь байгуша; разглядишь дымокъ у юрты, киргизку, которая о чемъ-то тамъ хлопочетъ съ своими двумя баранами. Все это бѣдно и дико, но свободно. Разглядишь какую-нибудь птицу въ синемъ, прозрачномъ воздухѣ и долго, упорно слѣдишь за ея полетомъ: вонъ она всполоснулась надъ водой, вонъ исчезла въ синевѣ, вонъ опять показалась чуть мелькающей точкой . . . Даже бѣдный, чахлый цвѣтокъ, который я нашелъ рано весною въ разсѣлинѣ каменистаго берега, и тотъ какъ-то болѣзненно остановилъ мое вниманіе. Тоска всего этого перваго года каторги была нестерпимая и дѣйствовала на меня раздражительно, горько. Въ этотъ первый годъ, отъ этой тоски я многаго не замѣчалъ кругомъ себя. Я закрывалъ глаза

и не хотѣлъ всматриваться. Среди моихъ товарищей-каторжниковъ я тогда не замѣчалъ людей, способныхъ и мыслить и чувствовать, не смотря на всю отвратительную кору, покрывавшую ихъ снаружи. Между язвительными словами я иногда не замѣчалъ привѣтливаго и ласковаго слова, которое тѣмъ дороже было, что выговаривалось безо всякихъ видовъ, а нерѣдко прямо изъ души, можетъ-быть, болѣе меня пострадавшей и вынесшей. Но къ чему распространяться объ этомъ? Я чрезвычайно былъ радъ, если приходилось сильно устать, воротившись домой: авось засну! Потому что спать было у насъ лѣтомъ мученье, чуть ли еще не хуже чѣмъ зимой. Вечера правда были иногда очень хороши. Солнце, цѣлый день не сходившее съ острожнаго двора, наконецъ, закатывалось. Наступала прохлада, а за ней почти холодная (говоря сравнительно) степная ночь. Арестанты, въ ожиданіи какъ запрутъ ихъ, толпами ходятъ, бывало, по двору.

Часу въ десятомъ у насъ всѣхъ сосчитывали, загоняли по казармамъ и запирали на ночь. Ночи были короткія; будили въ пятомъ часу утра, засыпали же всѣ никакъ не раньше одиннадцати. До тѣхъ поръ всегда бывало идетъ еще суетня, разговоры. Ночью наступаетъ нестерпимый жаръ и духота. Хоть и обдаетъ ночнымъ холодкомъ изъ окна съ поднятой рамой, но арестанты мечутся на своихъ нарахъ всю ночь, словно въ бреду. Блохи кишатъ міріадами. Онѣ водятся у насъ и зимою, и въ весьма достаточномъ количествѣ, но начиная съ весны разводятся въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ я хоть слыхивалъ прежде, но, не испытавъ на дѣлѣ, не хотѣлъ вѣрить. И чѣмъ дальше къ лѣту, тѣмъ злѣе и злѣе онѣ становятся. Правда, къ блохамъ можно привыкнуть, я самъ испыталъ это; но все-

таки это тяжело достается. До того бывало измучаютъ, что лежишь наконецъ словно въ лихорадочномъ жару и самъ чувствуешь, что не спишь, а только бредишь. Наконецъ, когда передъ самымъ утромъ угомонятся наконецъ и блохи, словно замрутъ, и когда подъ утреннимъ холодкомъ какъ будто дѣйствительно сладко заснешь, — раздается вдругъ безжалостный трескъ барабана у острожныхъ воротъ и начинается зоря. Съ проклятіемъ слушаешь, закутываясь въ полушубокъ, громкіе, отчетливые звуки, словно считаешь ихъ, а между тѣмъ сквозь сонъ лѣзетъ въ голову нестерпимая мысль, что такъ будетъ и завтра, и послѣ-завтра, и нѣсколько лѣтъ сряду, вплоть до самой свободы. Да когда-жъ это, думаешь, эта свобода и гдѣ она? А между тѣмъ надо просыпаться; начинается обыденная ходьба, толкотня . . . Люди одѣваются, спѣшатъ на работу. Правда, можно было заснуть съ часъ еще въ полдень.

Покупка Гнѣдка, случившаяся лѣтомъ въ острогѣ, заняла и развлекла арестантовъ. У насъ полагалась лошадь для привоза нечистотъ и проч. Для ухода опредѣлялся къ ней арестантъ. Онъ же съ ней и ѣздилъ, разумѣется, подъ конвоемъ. Работы нашему коню было очень достаточно и утромъ и вечеромъ. Гнѣдко служилъ у насъ уже очень давно. Лошадка была добрая, но поизносившаяся. Въ одно прекрасное утро, передъ самымъ Петровымъ днемъ, Гнѣдко, привезя вечернюю бочку, упалъ и издохъ въ нѣсколько минутъ. О немъ пожалѣли, всѣ собрались кругомъ, толковали, спорили. Бывшіе у насъ отставные кавалеристы, цыгане, ветеринары и проч. выказали при этомъ даже много особенныхъ познаній по лошадиной части, даже поругались между собою, но Гнѣдка не воскресили. Въ самый Петровъ день, поутру,

послѣ обѣдни, когда всѣ у насъ были въ полномъ сборѣ, стали приводить продажныхъ лошадей. Само собою разумѣется, что препоручить покупку слѣдовало самимъ арестантамъ. У насъ были настоящіе знатоки, и надуть двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, только этимъ прежде и занимавшихся, было трудно. Являлись киргизы, барышники, цыгане, мѣщане. Арестанты съ нетерпѣніемъ ждали появленія каждаго новаго коня. Они были веселы, какъ дѣти. Всего болѣе имъ льстило, что вотъ и они, точно вольные, точно дѣйствительно изъ своего кармана, покупаютъ себѣ лошадь и имѣютъ полное право купить. Три коня было приведено и уведено пока покончили дѣло на четвертомъ. Входившіе барышники съ нѣкоторымъ изумленіемъ и какъ бы робостью осматривались кругомъ и даже изрѣдка оглядывались на конвойныхъ, вводившихъ ихъ. Двухсотенная ватага такого народу, въ своемъ каторжномъ гнѣздѣ, за порогъ котораго никто не переступаетъ, внушала къ себѣ своего рода уваженіе. Наши же истощались въ разныхъ хитростяхъ при испытаніи каждаго приводимаго коня. И въ добавокъ съ такимъ дѣловымъ, съ такимъ серьезнымъ и хлопотливымъ видомъ, какъ будто отъ этого зависѣло главное благосостояніе острога. Черкесы такъ даже вскакивали на лошадь верхомъ; у нихъ глаза разгорались и бѣгло болтали они на своемъ непонятномъ нарѣчіи, скаля свои бѣлые зубы и кивая своими смуглыми горбоносыми лицами. Иной изъ русскихъ такъ и прикуется всѣмъ вниманіемъ къ ихъ спору, точно въ глаза къ нимъ вскочить хочетъ. Словъ-то не понимаетъ, такъ хочетъ хоть по выраженію глазъ догадаться, какъ рѣшили: годится ли конь или нѣтъ? И даже страннымъ показалось бы такое судорожное вниманіе иному постороннему наблюдателю. О чемъ бы, кажется, тутъ такъ

особенно хлопотать иному арестанту, и арестанту-то какому-нибудь такъ себѣ, смиренному, забитому, который даже передъ инымъ изъ своихъ же арестантовъ пикнуть не смѣетъ! Точно онъ самъ для себя покупалъ лошадь, точно и въ самомъ дѣлѣ для него не все равно было, какая ни купится. Кромѣ черкесовъ, наиболѣе отличались бывшіе цыгане и барышники: имъ уступали и первое мѣсто и первое слово.

Новаго Гнѣдка, наконецъ, выбрали и купили. Это была славная лошадка; молоденькая, красивая, крѣпкая и съ чрезвычайно милымъ, веселымъ видомъ. Ужъ, разумѣется, по всѣмъ другимъ статьямъ она оказалась безукоризненною; стали торговаться: просили тридцать рублей, наши давали двадцать пять. Торговались горячо и долго, сбавляли и уступали. Наконецъ самимъ смѣшно стало.

— Что ты изъ своего кошеля что-ли деньги брать будешь? говорили одни: — чего торговаться-то?

— Казну что-ли жалѣть? кричали другіе.

Наконецъ за двадцать восемь рублей торгъ состоялся. Доложили маіору и покупка была рѣшена. Разумѣется, тотчасъ-же вынесли хлѣбъ съ солью и съ честію ввели новаго Гнѣдка въ острогъ. Кажется, не было арестанта, который при этомъ случаѣ не потрепалъ его по шеѣ или не погладилъ по мордѣ. Въ этотъ же день запрягли Гнѣдка возить воду, и всѣ съ любопытствомъ посмотрѣли, какъ новый Гнѣдко повезетъ свою бочку. Нашъ водовозъ Романъ поглядывалъ на новаго конька съ необыкновеннымъ самодовольствіемъ. Это былъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, молчаливаго и солиднаго характера. Да и всѣ русскіе кучера бываютъ чрезвычайно солиднаго и даже молчаливаго характера, какъ будто дѣйствительно вѣрно, что постоянное обра-

щеніе съ лошадьми придаетъ человѣку какую-то особенную солидность и даже важность. Романъ былъ тихъ, со всѣми ласковъ, несловоохотливъ, нюхалъ изъ рожка табакъ и постоянно съ незапамятныхъ временъ возился съ острожными гнѣдками. Новокупленный былъ уже третій. У насъ были всѣ увѣрены, что къ острогу идетъ гнѣдая масть, что намъ это будто бы къ дому. Такъ подтверждалъ и Романъ. Пѣгаго, напримѣръ, ни за что не купили-бы. Мѣсто водовоза постоянно, по какому-то праву, оставалось навсегда за Романомъ, и у насъ никто никогда и не вздумалъ бы оспаривать у него это право. Когда палъ прежній Гнѣдко, никому и въ голову не пришло, даже и маіору, обвинить въ чемъ-нибудь Романа: воля Божія да и только, а Романъ хорошій кучеръ. Скоро Гнѣдко сдѣлался любимцемъ острога. Арестанты хоть и суровый народъ, но подходили часто ласкать его. Бывало, Романъ, воротясь съ рѣки, запираетъ ворота, отворенныя ему унтеръ-офицеромъ, а Гнѣдко, войдя въ острогъ, стоитъ съ бочкой и ждетъ его, косится на него глазами. «Пошолъ одинъ!» крикнетъ ему Романъ — и Гнѣдко тотчасъ же повезетъ одинъ, довезетъ до кухни и остановится. «Умникъ Гнѣдко!» кричатъ ему: — «одинъ привезъ! . . . Слушается!»

— Ишь въ самомъ дѣлѣ: скотина, а понимаетъ!

— Молодецъ Гнѣдко!

Гнѣдко мотаетъ головою и фыркаетъ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ понимаетъ и доволенъ похвалами. И кто-нибудь непремѣнно тутъ-же вынесетъ ему хлѣба съ солью. Гнѣдко ѣстъ и опять закиваетъ головою, точно приговариваетъ: «Знаю я тебя, знаю! И я милая лошадка, и ты хорошій человѣкъ!»

Я тоже любилъ подносить Гнѣдку хлѣба. Какъ-то пріятно было смотрѣть въ его красивую морду и чувствовать на ладони его мягкія, теплыя губы, проворно подбиравшія подачку.

Вообще наши арестантики могли-бы любить животныхъ и еслибъ имъ это позволили, они съ охотою развели-бы въ острогѣ множество домашней скотины и птицы. И, кажется, что бы больше могло смягчить, облагородить суровый и звѣрскій характеръ арестантовъ, какъ не такое, напримѣръ, занятіе? Но этого не позволяли. Ни порядки наши, ни мѣсто этого не допускали.

Въ острогѣ во все мое время перебывало однакоже случайно нѣсколько животныхъ. Кромѣ Гнѣдка были у насъ собаки, гуси, козелъ Васька, да жилъ еще нѣкоторое время орелъ.

Въ качествѣ постоянной острожной собаки жилъ у насъ Шарикъ, умная и добрая собака, съ которой я былъ въ постоянной дружбѣ. Но такъ какъ ужъ собака вообще у всего простонародья считается животнымъ нечистымъ, на которое и вниманія не слѣдуетъ обращать, то и на Шарика у насъ почти никто не обращалъ вниманія. Жила себѣ собака, спала на дворѣ, ѣла кухонныя выброски и никакого особеннаго интереса ни въ комъ не возбуждала, однако всѣхъ знала и всѣхъ въ острогѣ считала своими хозяевами. Когда арестанты возвращались съ работы, она бѣжитъ къ воротамъ, ласково встрѣчаетъ каждую партію, вертитъ хвостомъ и привѣтливо засматриваетъ въ глаза каждому вошедшему, ожидая хоть какой-нибудь ласки. Но въ продолженіи многихъ лѣтъ она не добилась никакой ласки, ни отъ кого, кромѣ развѣ меня. За это-то она и любила меня болѣе всѣхъ. Не помню какимъ образомъ появилась у насъ въ острогѣ и другая собака, Бѣлка. Третью-же, Культяпку, я самъ завелъ, принеся ее какъ-то съ

работы еще щенкомъ. Бѣлка была странное созданіе. Ее кто-то переѣхалъ телѣгой и спина ея была вогнута внутрь, такъ что когда она, бывало, бѣжитъ, то казалось издали, что бѣгутъ двое какихъ-то бѣлыхъ животныхъ, сращенныхъ между собою. Кромѣ того вся она была какая-то паршивая, съ гноящимися глазами; хвостъ былъ облѣзшій, почти весь безъ шерсти и постоянно поджатый. Оскорбленная судьбою, она видимо рѣшилась смириться. Никогда-то она ни на кого не лаяла и не ворчала, точно не смѣла. Жила она больше изъ хлѣба, за казармами; если же увидитъ, бывало, кого-нибудь изъ нашихъ, то тотчасъ-же, еще за нѣсколько шаговъ, въ знакъ смиренія перекувырнется на спину: «дѣлай, дескать, со мной что тебѣ угодно, а я, видишь, и не думаю сопротивляться». И каждый арестантъ, передъ которымъ она перекувырнется, пырнетъ ее, бывало, сапогомъ, точно считая это непремѣнною своею обязанностью: «Вишь, подлая!» говорятъ, бывало, арестанты. Но Бѣлка даже и визжать не смѣла, и если ужъ слишкомъ пронима́ло ее отъ боли, то какъ-то заглушенно жалобно выла. Точно также она перекувыркивалась и передъ Шарикомъ и передъ всякой другой собакой, когда выбѣгала по своимъ дѣламъ, за острогъ. Бывало перекувырнется и лежитъ смиренно, когда какой-нибудь большой вислоухій песъ бросится на нее съ рыкомъ и лаемъ. Но собаки любятъ смиреніе и покорность въ себѣ подобныхъ. Свирѣпый песъ немедленно укрощался, съ нѣкоторою задумчивостью останавливался надъ лежащей передъ нимъ вверхъ ногами покорной собакой и медленно, съ большимъ любопытствомъ начиналъ ее обнюхивать во всѣхъ частяхъ тѣла. Что-то въ это время могла думать вся трепетавшая Бѣлка? «А ну какъ разбойникъ рванетъ?» вѣроятно приходило ей въ

голову. Но, обнюхавъ внимательно, песъ наконецъ бросалъ ее, не находя въ ней ничего особенно любопытнаго. Бѣлка тотчасъ-же вскакивала и опять, бывало, пускалась, ковыляя, за длинной вереницей собакъ, провожавшихъ какую-нибудь Жучку. И хоть она навѣрно знала, что съ Жучкой ей никогда коротко не познакомиться, а все-таки хоть издали поковылять, — и то было для ней утѣшеніемъ въ ея несчастіяхъ. Объ чести она уже видимо перестала думать. Потерявъ всякую карьеру въ будущемъ, она жила только для одного хлѣба и вполнѣ сознавала это. Я попробовалъ разъ ее приласкать; это было для нея такъ ново и неожиданно, что она вдругъ вся осѣла къ землѣ, на всѣ четыре лапы, вся затрепетала и начала громко визжать отъ умиленія. Изъ жалости я ласкалъ ее часто. Зато она и встрѣчать меня не могла безъ визгу. Завидитъ издали и визжитъ, визжитъ болѣзненно и слезливо. Кончилось тѣмъ, что ее за острогомъ на валу разорвали собаки.

Совсѣмъ другаго характера былъ Культяпка. Зачѣмъ я его принесъ изъ мастерской въ острогъ еще слѣпымъ щенкомъ, не знаю. Мнѣ пріятно было кормить и ростить его. Шарикъ тотчасъ-же принялъ Культяпку подъ свое покровительство и спалъ съ нимъ вмѣстѣ. Когда Культяпка сталъ подростать, то онъ позволялъ ему кусать свои уши, рвать себя за шерсть и играть съ нимъ, какъ обыкновенно играютъ взрослыя собаки со щенками. Странно, что Культяпка почти не росъ въ вышину, а все въ длину и ширину. Шерсть была на немъ лохматая, какого-то свѣтло-мышинаго цвѣту; одно ухо росло внизъ, а другое вверхъ. Характера онъ былъ пылкаго и восторженнаго, какъ и всякій щенокъ, который отъ радости, что видитъ хозяина, обыкновенно навизжитъ, накричитъ, полѣзетъ лизать въ са-

мое лицо и тутъ-же передъ вами готовъ не удержать и всѣхъ остальныхъ чувствъ своихъ: «былъ бы только видѣнъ восторгъ, а приличія ничего не значатъ!» Бывало, гдѣ бы я ни былъ, но по крику: «Культяпка!» онъ вдругъ являлся изъ-за какого-нибудь угла, какъ изъ подъ земли, и съ визгливымъ восторгомъ летѣлъ ко мнѣ, катясь какъ шарикъ и перекувыркиваясь дорогою. Я ужасно полюбилъ этого маленькаго уродца. Казалось, судьба готовила ему въ жизни довольство и однѣ только радости. Но въ одинъ прекрасный день арестантъ Неустроевъ, занимавшійся шитьемъ женскихъ башмаковъ и выдѣлкой кожъ, обратилъ на него особенное вниманіе. Его вдругъ что-то поразило. Онъ подозвалъ Культяпку къ себѣ, пощупалъ его шерсть и ласково повалялъ его спиной по землѣ. Культяпка, ничего не подозрѣвавшій, визжалъ отъ удовольствія. Но на другое же утро онъ исчезъ. Я долго искалъ его точно въ воду канулъ; и только черезъ двѣ недѣли все объяснилось: культяпкинъ мѣхъ чрезвычайно понравился Неустроеву. Онъ содралъ его, выдѣлалъ и подложилъ имъ бархатные зимніе полусапожки, которые заказала аудиторша. Онъ показывалъ мнѣ и полусапожки, когда они были готовы. Шерсть вышла удивительная. Бѣдный Культяпка!

Гуси у насъ завелись какъ-то тоже случайно. Кто ихъ развелъ и кому они собственно принадлежали, не знаю, но нѣкоторое время они очень тѣшили арестантовъ, повадившись цѣлымъ кагаломъ ходить вмѣстѣ съ ними на работу. Только, бывало, загремитъ барабанъ и двинется каторга къ выходу, наши гуси съ крикомъ бѣгутъ за нами, распустивъ свои крылья, одинъ за другимъ выскакиваютъ черезъ высокій порогъ изъ калитки. Примыкали они всегда къ самой большой партіи и на работахъ паслись гдѣ-ни-

будь неподалеку. Только что двигалась партія съ работы обратно въ острогъ, подымались и они. Въ крѣпости разнеслись слухи, что гуси ходятъ съ арестантами на работу. «Ишь, арестанты съ своими гусями идутъ!» говорятъ, бывало, встрѣчающіеся: — «да какъ это вы ихъ обучили!» — «Вотъ вамъ на гусей!» прибавлялъ другой и подавалъ подаяніе. Но, не смотря на всю ихъ преданность, къ какому-то разговѣнію ихъ всѣхъ перерѣзали.

Зато нашего козла Ваську ни за что бы не зарѣзали, еслибъ не случилось особеннаго обстоятельства. Тоже не знаю, откуда онъ у насъ взялся, и кто принесъ его, но вдругъ очутился въ острогѣ маленькій, бѣленькій прехорошенькій козленокъ. Въ нѣсколько дней всѣ его у насъ полюбили и онъ сдѣлался общимъ развлеченіемъ и даже отрадою. Нашли и причину держать его: надо же было въ острогѣ, при конюшнѣ, держать козла. Однакожъ онъ жилъ не въ конюшнѣ, а сначала въ кухнѣ, а потомъ по всему острогу. Это было прегранціозное и прешаловливое созданіе. Онъ бѣжалъ на кличку; вскакивалъ на скамейки, на столы, бодался съ арестантами, былъ всегда веселъ и забавенъ. Разъ, когда уже у него прорѣзывались порядочные рожки, однажды вечеромъ лезгинъ Бабай, сидя на казарменномъ крылечкѣ, въ толпѣ другихъ арестантовъ, вздумалъ съ нимъ бодаться. Они уже долго стукались лбами, — это была любимая забава арестанта съ козломъ, — какъ вдругъ Васька вспрыгнулъ на самую верхнюю ступеньку крыльца и только что Бабай отворотился въ сторону, мигомъ поднялся на дыбки, прижалъ къ себѣ переднія копытцы и со всего размаха ударилъ Бабая въ затылокъ, такъ что тотъ слетѣлъ кувыркомъ съ крыльца, къ восторгу всѣхъ присутствующихъ и перваго Бабая. Однимъ сло-

вомъ, Ваську всѣ ужасно любили. Да и кормили его точно на убой. Наконецъ выросъ прекрасный большой козелъ, съ длиннѣйшими рогами и необыкновенной толщины. Бывало, идетъ и переваливается. Онъ тоже повадился ходить съ нами на работу, для увеселенія арестантовъ и встрѣчающейся публики. Всѣ знали острожнаго козла Ваську. Иногда, если работали напримѣръ на берегу, арестанты нарвутъ бывало гибкихъ талиновыхъ вѣтокъ, достанутъ еще какихъ-нибудь листьевъ, наберутъ на валу цвѣтовъ и уберутъ всѣмъ этимъ Ваську: рога оплетутъ вѣтвями и цвѣтами, по всему туловищу пустятъ гирлянды. Возвращается, бывало, Васька въ острогъ, всегда впереди арестантовъ, разубранный и разукрашенный, а они идутъ за нимъ и точно гордятся передъ прохожими. До того зашло это любованье козломъ, что инымъ изъ нихъ приходила даже въ голову, словно дѣтямъ, мысль: «не вызолотить ли рога Васькѣ?» Но только такъ поговорили, а не исполнили. Я, впрочемъ, помню, спросилъ Акима Акимыча, лучшаго нашего золотильщика: можно ли дѣйствительно вызолотить козлу рога? Онъ сначала внимательно посмотрѣлъ на козла, серьезно сообразилъ и отвѣчалъ, что пожалуй можно, «но будетъ непрочно-съ, и къ-тому-же совершенно безполезно». Тѣмъ дѣло и кончилось.

Проживалъ у насъ тоже нѣкоторое время въ острогѣ орелъ (карагушъ), изъ породы степныхъ, небольшихъ орловъ. Кто-то принесъ его въ острогъ раненаго и измученнаго. Вся каторга обступила его; онъ не могъ летать: правое крыло его висѣло по землѣ, одна нога была вывихнута. Помню, какъ онъ яростно оглядывался кругомъ, осматривая любопытную толпу, и разѣвалъ свой горбатый клювъ, готовясь дорого продать свою жизнь. Когда на него насмотрѣлись и стали

расходиться, онъ отковылялъ, хромая, прискакивая на одной ногѣ и помахивая здоровымъ крыломъ, въ самый дальній конецъ острога, гдѣ забился въ углу, плотно прижавшись къ палямъ. Тутъ онъ прожилъ у насъ мѣсяца три и во все время ни разу не вышелъ изъ своего угла. Сначала приходили часто глядѣть на него, натравливали на него собаку. Шарикъ кидался на него съ яростію, но видимо боялся подступить ближе, что очень потѣшало арестантовъ. — «Звѣрь! говорили они: — не дается!» Потомъ и Шарикъ сталъ больно обижать его; страхъ прошелъ, и онъ, когда натравляли, изловчился хватать его за больное крыло. Орелъ защищался изо всѣхъ силъ когтями и клювомъ, и гордо и дико, какъ раненый король, забившись въ свой уголъ, оглядывалъ любопытныхъ, приходившихъ его разсматривать. Наконецъ, всѣмъ онъ наскучилъ, всѣ его бросили и забыли, и однакожъ каждый день можно было видѣть возлѣ него клочки свѣжаго мяса и черепокъ съ водой. Кто-нибудь да наблюдалъ же его. Онъ сначала и ѣсть не хотѣлъ, не ѣлъ нѣсколько дней; наконецъ, сталъ принимать пищу, но никогда изъ рукъ или при людяхъ. Мнѣ случалось не разъ издали наблюдать его. Не видя никого и думая, что онъ одинъ, онъ иногда рѣшался не далеко выходить изъ угла и ковылялъ вдоль паль, шаговъ на двѣнадцать отъ своего мѣста, потомъ возвращался назадъ, потомъ опять выходилъ, точно дѣлалъ моціонъ. Завидя меня, онъ тотчасъ же изо всѣхъ силъ, хромая и прискакивая, спѣшилъ на свое мѣсто и, откинувъ назадъ голову, разинувъ клювъ, ощетинившись, тотчасъ же приготовлялся къ бою. Никакими ласками я не могъ смягчить его: онъ кусался и бился, говядины отъ меня не бралъ и все время, бывало, какъ я надъ нимъ стою, пристально-

пристально смотритъ мнѣ въ глаза своимъ злымъ, пронзительнымъ взглядомъ. Одиноко и злобно онъ ожидалъ смерти, не довѣряя никому и не примиряясь ни съ кѣмъ. Наконецъ, арестанты точно вспомнили о немъ и хоть никто не заботился, никто и не поминалъ о немъ мѣсяца два, но вдругъ во всѣхъ точно явилось къ нему сочувствіе. Заговорили, что надо вынести орла: — «Пусть хоть околѣетъ, да не въ острогѣ», говорили одни.

— Вѣстимо, птица вольная, суровая, не пріучишь къ острогу-то, поддакивали другіе.

— Знать онъ не такъ, какъ мы, прибавилъ кто-то.

— Вишь сморозилъ: то птица, а мы значитъ человѣки.

— Орелъ, братцы, есть царь лѣсовъ . . . Разъ послѣ обѣда, когда пробилъ барабанъ на работу, взяли орла, зажавъ ему клювъ рукой, потому что онъ началъ жестоко драться, и понесли изъ острога. Дошли до вала. Человѣкъ двѣнадцать, бывшихъ въ этой партіи, съ любопытствомъ желали видѣть, куда пойдетъ орелъ. Странное дѣло: всѣ были чѣмъ-то довольны, точно отчасти сами они получали свободу.

— Ишь, собачье мясо: добро ему творишь, а онъ все кусается! говорилъ державшій его, почти съ любовью смотря на злую птицу.

— Отпущай его, Микитка!

— Ему волю подавай, заправскую волю-волюшку.

Орла сбросили съ валу въ степь. Это было глубокою осенью, въ холодный и сумрачный день. Вѣтеръ свисталъ въ голой степи и шумѣлъ въ пожелтѣлой, изсохшей, клочковатой степной травѣ. Орелъ пустился прямо, махая больнымъ крыломъ и какъ-бы торопясь уходить отъ насъ куда глаза глядятъ. Арестанты съ любопытствомъ слѣдили, какъ мелькала въ травѣ его голова.

— Вишь его! задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянется! прибавилъ другой. — Ни разу-то, братцы, не оглянулся, бѣжитъ себѣ!

— А ты думалъ благодарить воротится? замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло — воля. Волю почуялъ.

— Слобода значитъ.

— И не видать ужъ, братцы . .

— Чего стоять-то? Маршъ! закричали конвойные, и всѣ молча поплелись на работу.

Смерть Мармеладова.

Посреди улицы стояла коляска, щегольская и барская, запряженная парой горячихъ сѣрыхъ лошадей; сѣдоковъ не было, и самъ кучеръ, слѣзши съ козелъ, стоялъ подлѣ; лошадей держали подъ уздцы. Кругомъ тѣснилось множество народу, впереди всѣхъ полицейскіе. У одного изъ нихъ былъ въ рукахъ зажженный фонарикъ, которымъ онъ, нагибаясь, освѣщалъ что-то на мостовой, у самыхъ колесъ. Всѣ говорили, кричали, ахали; кучеръ казался въ недоумѣніи и изрѣдка повторялъ:

— Экой грѣхъ! Господи, грѣхъ-то какой!

Проходившій мимо студентъ Раскольниковъ протѣснился, по возможности, и увидалъ, наконецъ, предметъ всей этой суеты и любопытства. На землѣ лежалъ только что раздавленный лошадьми человѣкъ, безъ чувствъ, повидимому очень худо одѣтый, но въ «благородномъ» платьѣ, весь въ крови. Съ лица, съ головы текла кровь; лицо было все избито, ободрано, исковеркано. Видно было, что раздавили не на шутку.

— Батюшки! причиталъ кучеръ: — какъ тутъ усмотрѣть! Коли-бъ я гналъ, али-бъ не кричалъ ему, а то ѣхалъ не поспѣшно, равномѣрно. Всѣ видѣли: люди ложь и я тожъ. Пьяный свѣчки не поставитъ — извѣстно! . . . Вижу его, улицу переходитъ, шатается, чуть не валится,

— крикнулъ одноважды, да въ другой, да въ третій, да и придержалъ лошадей; а онъ прямехонько имъ подъ ноги такъ и палъ! Ужъ нарочно что-ль онъ, аль ужъ очень былъ нетверезъ . . . Лошади-то молодыя, пужливыя, — дернули, а онъ вскричалъ — они пуще . . . вотъ и бѣда.

— Это такъ какъ есть! раздался чей-то свидѣтельскій отзывъ въ толпѣ.

— Кричалъ-то онъ, это правда, три раза ему прокричалъ, отозвался другой голосъ.

— Въ акуратъ три раза, всѣ слышали! крикнулъ третій.

Впрочемъ, кучеръ былъ не очень унылъ и испуганъ. Видно было, что экипажъ принадлежалъ богатому и значительному владѣльцу, ожидавшему гдѣ-нибудь его прибытія; полицейскіе ужъ конечно не мало заботились, какъ уладить это послѣднее обстоятельство. Раздавленнаго предстояло прибрать въ часть и въ больницу. Никто не зналъ его имени.

Между тѣмъ Раскольниковъ протѣснился и нагнулся еще ближе. Вдругъ фонарикъ ярко освѣтилъ лицо несчастнаго: онъ узналъ его.

— Я его знаю, знаю! закричалъ онъ, протискиваясь совсѣмъ впередъ: — это чиновникъ, отставной титулярный совѣтникъ, Мармеладовъ! Онъ здѣсь живетъ, подлѣ, въ домѣ Козеля . . . Доктора поскорѣе! Я заплачу, вотъ! — Онъ вытащилъ изъ кармана деньги и показывалъ полицейскому. Онъ былъ въ удивительномъ волненіи.

Полицейскіе были довольны, что узнали, кто раздавленный. Раскольниковъ назвалъ и себя, далъ свой адресъ, и всѣми силами, какъ будто дѣло шло о родномъ отцѣ, уговаривалъ перенести поскорѣй безчувственнаго Мармеладова въ его квартиру.

— Вотъ тутъ, черезъ три дома, хлопоталъ онъ, — домъ Козеля, нѣмца, богатаго . . . Онъ теперь, вѣрно, пьяный, домой пробирался. Я его знаю . . . Онъ пьяница . . . Тамъ у него семейство, жена, дѣти, дочь одна есть. Пока еще въ больницу тащить, а тутъ вѣрно въ домѣ же докторъ есть! Я заплачу, заплачу! . . . Все таки уходъ будетъ свой, помогутъ сейчасъ, а то онъ умретъ до больницы-то . . .

Онъ даже успѣлъ сунуть непримѣтно въ руку; дѣло, впрочемъ, было ясное и законное, и во всякомъ случаѣ тутъ помощь ближе была. Раздавленнаго подняли и понесли; нашлись помощники. Домъ Козеля былъ въ шагахъ тридцати. Раскольниковъ шелъ сзади, осторожно поддерживалъ голову и показывалъ дорогу.

— Сюда, сюда! На лѣстницу надо вверхъ головой вносить; оборачивайтесь . . . вотъ такъ! Я заплачу, я поблагодарю, бормоталъ онъ.

Жена Мармеладова, Катерина Ивановна, чуть только выпадала свободная минута, всегда принималась ходить взадъ и впередъ по своей маленькой комнатѣ, отъ окна до печки и обратно, плотно скрестивъ руки на груди, говоря сама съ собой и кашляя. Въ послѣднее время она стала все чаще и больше разговаривать съ своею старшею дѣвочкой, десятилѣтнею Поленькой, которая хотя и многаго еще не понимала, но зато очень хорошо поняла, что нужна матери, и потому всегда слѣдила за нею своими большими умными глазками и всѣми силами хитрила, чтобы представиться все понимающею. Въ этотъ разъ Поленька раздѣвала маленькаго брата, которому весь день нездоровилось, чтобъ уложить его спать. Въ ожиданіи, пока ему перемѣнятъ рубашку, которую предстояло ночью же вымыть, мальчикъ сидѣлъ на стулѣ молча, съ серьезною миной, прямо и недвижимо, съ протянутыми впе-

редъ ножками, плотно вмѣстѣ сжатыми, пяточками къ публикѣ, а носками врозь. Онъ слушалъ, что говорила мамаша съ сестрицей, надувъ губки, выпучивъ глазки и не шевелясь, точь въ точь какъ обыкновенно должны сидѣть всѣ умные мальчики, когда ихъ раздѣваютъ, чтобъ идти спать. Еще меньше его дѣвочка, въ совершенныхъ лохмотьяхъ, стояла у ширмъ и ждала своей очереди. Дверь на лѣстницу была отворена, чтобы хоть сколько-нибудь защититься отъ волнъ табачнаго дыма, врывавшихся изъ другихъ комнатъ и поминутно заставлявшихъ долго и мучительно кашлять бѣдную чахоточную Катерину Ивановну. Она какъ будто еще больше похудѣла въ эту недѣлю, и красныя пятна на щекахъ ея горѣли еще ярче, чѣмъ прежде.

— Ты не повѣришь, ты и вообразить себѣ не можешь, Поленька, говорила она, ходя по комнатѣ, — до какой степени мы весело и пышно жили въ домѣ у папеньки. Папаша былъ статскій полковникъ и уже почти губернаторъ; ему только оставался всего одинъ какой-нибудь шагъ, такъ что всѣ къ нему ѣздили и говорили: «Мы васъ ужъ такъ и считаемъ, Иванъ Михаилычъ, за нашего губернатора». Когда я . . . кхе! когда я . . . кхе-кхе-кхе . . . о, треклятая жизнь! вскрикнула она, отхаркивая мокроту и схватившись за грудь: — когда я . . . ахъ, когда на послѣднемъ балѣ . . . у предводителя . . . меня увидала княгиня Безземельная, — которая меня потомъ благословляла, когда я выходила за твоего папашу, Поля, — то тотчасъ спросила: «Не та ли это милая дѣвица, которая съ шалью танцовала при выпускѣ?» . . . (Прорѣху-то эту зашить надо; вотъ взяла бы иглу да сейчасъ бы и заштопала, какъ я тебя учила, а то завтра . . . кхе! завтра . . . кхе-кхе-кхе! пуще разо-рветъ! крикнула она, надрываясь) . . . — Тогда еще

изъ Петербурга только что пріѣхалъ камеръ-юнкеръ князь Щегольской . . . протанцовалъ со мной мазурку и на другой же день хотѣлъ пріѣхать съ предложеніемъ; но я сама отблагодарила въ лестныхъ выраженіяхъ и сказала, что сердце мое принадлежитъ давно другому. Этотъ другой былъ твой отецъ, Поля; папенька ужасно сердился . . . А вода готова? Ну, давай рубашечку; а чулочки? . . . Лида, обратилась она къ маленькой дочери, ты ужъ такъ безъ рубашки эту ночь поспи; какъ нибудь . . . да чулочки выложи подлѣ . . . Заодно вымыть . . . Что этотъ лохмотникъ нейдетъ, пьяница! Рубашку заносилъ какъ обтирку какую-нибудь, изорвалъ всю . . . Все бы ужъ за одно, чтобы сряду двухъ ночей не мучиться! Господи! Кхе-кхе-кхе-кхе! Опять! Что это? вскрикнула она, взглянувъ на толпу въ сѣняхъ и на людей, протѣснявшихся съ какою-то ношей въ ея комнату. — Что это? Что это несутъ? Господи!

— Куда-жъ тутъ положить? спрашивалъ полицейскій, осматриваясь кругомъ, когда уже втащили въ комнату окровавленнаго и безчувственнаго Мармеладова.

— На диванъ! кладите прямо на диванъ, вотъ сюда головой, показывалъ Раскольниковъ.

— Раздавили на улицѣ! Пьянаго! крикнулъ кто-то изъ сѣней.

Катерина Ивановна стояла вся блѣдная и трудно дышала. Дѣти перепугались. Маленькая Лидочка вскрикнула, бросилась къ Поленькѣ, обхватила ее и вся затряслась.

Уложивъ Мармеладова, Раскольниковъ бросился къ Катеринѣ Ивановнѣ:

— Ради Бога, успокойтесь, не пугайтесь! говорилъ онъ скороговоркой; — онъ переходилъ улицу, его раздавила коляска, не безпокойтесь, онъ очнется, я велѣлъ сюда нести . . . я у васъ былъ, помните? . . . Онъ очнется, я заплачу!

— Добился! отчаянно вскрикнула Катерина Ивановна и бросилась къ мужу.

Раскольниковъ скоро замѣтилъ, что эта женщина не изъ тѣхъ, которыя тотчасъ же падаютъ въ обмороки. Мигомъ подъ головою несчастнаго очутилась подушка, о которой никто еще не подумалъ; Катерина Ивановна стала раздѣвать его, осматривать, суетилась и не терялась, забывъ о себѣ самой, закусивъ свои дрожавшія губы и подавляя крики, готовые вырваться изъ груди.

Раскольниковъ уговорилъ межъ тѣмъ кого-то сбѣгать за докторомъ. Докторъ, какъ оказалось, жилъ черезъ домъ.

— Я послалъ за докторомъ, твердилъ онъ Катеринѣ Ивановнѣ: — не безпокойтесь, я заплачу. Нѣтъ-ли воды? . . . и дайте салфетку, полотенце, что-нибудь поскорѣе; неизвѣстно еще какъ онъ раненъ . . . Онъ раненъ, а не убитъ, будьте увѣрены . . . Что скажетъ докторъ!

Катерина Ивановна бросилась къ окну; тамъ, на продавленномъ стулѣ, въ углу, установленъ былъ большой глиняный тазъ съ водой, приготовленный для ночного мытья дѣтскаго и мужнинаго бѣлья. Это ночное мытье производилось самою Катериной Ивановной, собственноручно, по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, а иногда и чаще, ибо дошли до того, что перемѣннаго бѣлья уже совсѣмъ почти не было, а было у каждаго члена семейства по одному только экземпляру, а Катерина Ивановна не могла выносить нечистоты и лучше соглашалась мучить себя по ночамъ и не по силамъ, когда всѣ спятъ, чтобъ успѣть къ утру просушить мокрое бѣлье на протянутой веревкѣ и подать чистое, чѣмъ видѣть грязь въ домѣ. Она схватилась было за тазъ, чтобы нести его по требованію Раскольникова, но чуть не упала съ ношей. Но тотъ уже успѣлъ найти полотенце, намочилъ его водою и

сталъ обмывать залитое кровью лицо Мармеладова. Катерина Ивановна стояла тутъ же, съ болью переводя духъ и держась руками за грудь. Ей самой нужна была помощь. Раскольниковъ началъ понимать, что онъ, можетъ-быть, плохо сдѣлалъ, уговоривъ перенести сюда раздавленнаго. Городовой тоже стоялъ въ недоумѣніи.

— Поля! крикнула Катерина Ивановна, — бѣги къ Сонѣ, скорѣе. Если не застанешь дома, все равно, скажи, что отца лошади раздавили и чтобъ она тотчасъ же шла сюда . . . какъ воротится. Скорѣй, Поля! На, закройся платкомъ.

— Сто есть духу бѣги! крикнулъ вдругъ мальчикъ со стула и, сказавъ это, погрузился опять въ прежнее безмолвное прямое сидѣнье на стулѣ, выпуча глазки, пятками впередъ и носками врозь.

Межъ тѣмъ комната наполнилась такъ, что яблоку упасть было негдѣ. Полицейскіе ушли, кромѣ одного, который оставался на время и старался выгнать публику, набравшуюся съ лѣстницы, опять обратно на лѣстницу. Зато изъ внутреннихъ комнатъ высыпали чуть не всѣ квартирные жильцы и сначала было тѣснились только въ дверяхъ, но потомъ гурьбой хлынули въ самую комнату. Катерина Ивановна пришла въ изступленіе:

— Хоть бы умереть-то дали спокойно! закричала она на всю толпу: — что за спектакль нашли! Съ папиросами! Кхе-кхе-кхе! Въ шляпахъ войдите еще! . . . И то въ шляпѣ одинъ . . . Вонъ! Къ мертвому тѣлу хоть уваженіе имѣйте!

Кашель задушилъ ее, но острастка пригодилась. Катерины Ивановны очевидно даже побаивались; жильцы, одинъ за другимъ, протѣснились обратно къ двери.

За дверью послышались впрочемъ голоса про больницу и что здѣсь не слѣдъ безпокоить напрасно.

— Умирать-то не слѣдъ! крикнула Катерина Ивановна, и уже бросилась было растворить дверь, чтобы разразиться на нихъ цѣлымъ громомъ, но столкнулась въ дверяхъ съ самою хозяйкою, которая только что успѣла прослышать о несчастіи и прибѣжала производить распорядокъ. Это была чрезвычайно вздорная и безпорядочная Нѣмка.

— Ахъ Богъ мой! всплеснула она руками: — вашъ мужъ пьянъ лошадь изтопталь. Въ больницъ его! Я хозяйка!

— Амалія Людвиговна! Прошу васъ вспомнить о томъ, что вы говорите, высокомѣрно начала было Катерина Ивановна (съ хозяйкой она всегда говорила высокомѣрнымъ тономъ, чтобы та «помнила свое мѣсто», и даже теперь не могла отказать себѣ въ этомъ удовольствіи), Амалія Людвиговна . . .

— Я вамъ сказаль разъ-на-прежде, что вы никогда не смѣль говориль мнѣ Амаль Людвиговна; я Амаль Иванъ!

— Вы не Амаль-Иванъ, а Амалія Людвиговна, и я не могу понять, почему вамъ это названіе не нравится. Вы видите сами, что случилось съ Семеномъ Захаровичемъ; онъ умираетъ. Прошу васъ сейчасъ запереть эту дверь и не впускать сюда никого. Дайте хоть умереть спокойно! Иначе, увѣряю васъ, завтра же поступокъ вашъ будетъ извѣстенъ самому генералъ-губернатору. Князь зналъ меня еще въ дѣвицахъ и очень хорошо помнитъ Семена Захаровича, которому много разъ благодѣтельствовалъ. Всѣмъ извѣстно, что у Семена Захаровича было много друзей и покровителей, которыхъ онъ самъ оставилъ изъ благородной гордости, чувствуя несчастную свою слабость, но теперь (она указала на Раскольникова) — намъ помогаетъ одинъ великодушный молодой человѣкъ, имѣющій средства и связи,

и котораго Семенъ Захаровичъ зналъ еще въ дѣтствѣ, продолжала она въ порывѣ болѣзненно разыгравшагося воображенія, упорно вѣря, какъ и всегда, тому, что себѣ вообразила, — и будьте увѣрены, Амалія Людвиговна . . .

Все это произнесено было чрезвычайно скороговоркой, чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣй, но кашель разомъ перервалъ краснорѣчіе Катерины Ивановны. Въ эту минуту умирающій очнулся и простоналъ, и она побѣжала къ нему. Больной открылъ глаза, и, еще не узнавая и не понимая, сталъ вглядываться въ стоявшаго надъ нимъ Раскольникова. Онъ дышалъ тяжело, глубоко и рѣдко; на окраинахъ губъ выдавилась кровь; потъ выступилъ на лбу. Не узнавъ Раскольникова, онъ безпокойно началъ обводить глазами. Катерина Ивановна смотрѣла на него грустнымъ, но строгимъ взглядомъ, а изъ глазъ ея текли слезы.

— Боже мой! У него вся грудь раздавлена! Крови-то, крови! проговорила она въ отчаяніи. — Надо снять съ него все верхнее платье! Повернись немного, Семенъ Захаровичъ, если можешь, крикнула она ему.

Мармеладовъ узналъ ее.

— Священника! проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ.

Катерина Ивановна отошла къ окну, прислонилась лбомъ къ оконной рамѣ и съ отчаяніемъ воскликнула:

— О треклятая жизнь!

— Священника! проговорилъ опять умирающій, послѣ минутнаго молчанія.

— Пошли-и-и! крикнула на него Катерина Ивановна; онъ послушался окрика и замолчалъ. Робкимъ, тоскливымъ взглядомъ отыскивалъ онъ ее глазами; она опять воротилась къ нему и стала у изголовья. Онъ нѣсколько успокоился,

но не надолго. Скоро глаза его остановились на маленькой Лидочкѣ (его любимицѣ), дрожавшей въ углу, какъ въ припадкѣ, и смотрѣвшей на него своими удивленными, дѣтски пристальными глазами.

— А . . . а . . . указывалъ онъ на нее съ безпокойствомъ. Ему что-то хотѣлось сказать.

— Чего еще? крикнула Катерина Ивановна.

— Босенькая! Босенькая! бормоталъ онъ, полоумнымъ взглядомъ указывая на босыя ножки дѣвочки.

— Молчи-и-и! раздражительно крикнула Катерина Ивановна: — самъ знаешь, почему босенькая!

— Слава Богу, докторъ! крикнулъ обрадованный Раскольниковъ.

Вошелъ докторъ, аккуратный старичокъ, Нѣмецъ, озираясь съ недовѣрчивымъ видомъ; подошелъ къ больному, взялъ пульсъ, внимательно ощупалъ голову и съ помощію Катерины Ивановны отстегнулъ всю смоченную кровью рубашку и обнажилъ грудь больного. Вся грудь была исковеркана, измята и истерзана; нѣсколько реберъ съ правой стороны изломоно. Съ лѣвой стороны, на самомъ сердцѣ, было зловѣщее, большое, желтовато-черное пятно, жестокій ударъ копытомъ. Докторъ нахмурился. Полицейскій разсказывалъ ему, что раздавленнаго захватило въ колесо и тащило, вертя, шаговъ тридцать по мостовой.

— Удивительно, какъ онъ еще очнулся, шепнулъ потихоньку докторъ Раскольникову.

— Что вы скажете? спросилъ тотъ.

— Сейчасъ умретъ.

— Неужели никакой надежды?

— Ни малѣйшей! При послѣднемъ издыханіи . . . Къ тому же, голова очень опасно ранена . . . Гм! Пожалуй, можно кровь

отворить . . . но . . . это будетъ безполезно. Черезъ пять или десять минутъ умретъ непремѣнно.

— Такъ ужъ отворите лучше кровь!

— Пожалуй . . . Впрочемъ, я васъ предупреждаю, это будетъ совершенно безполезно.

Въ это время послышались еще шаги, толпа въ сѣняхъ раздвинулась, и на порогѣ появился священникъ съ запасными дарами, сѣдой старичокъ. За нимъ ходилъ полицейскій, еще съ улицы. Докторъ тотчасъ-же уступилъ ему мѣсто и обмѣнялся съ нимъ значительнымъ взглядомъ. Раскольниковъ упросилъ доктора подождать хоть немножко. Тотъ пожалъ плечами и остался.

Всѣ отступили. Исповѣдь длилась очень недолго. Умирающій врядъ ли хорошо понималъ что-нибудь, произносить же могъ только отрывистые, неясные звуки. Катерина Ивановна взяла Лидочку, сняла со стула мальчика, и, отойдя въ уголъ къ печкѣ, стала на колѣни, а дѣтей поставила на колѣни передъ собой. Дѣвочка только дрожала; мальчикъ же, стоя на голыхъ колѣночкахъ, размѣренно подымалъ ручонку, крестился полнымъ крестомъ и кланялся въ землю, стукаясь лбомъ, что, повидимому, доставляло ему особенное удовольствіе. Катерина Ивановна закусывала губы и сдерживала слезы; она тоже молилась, изрѣдка оправляя рубашечку на ребенкѣ, и успѣвъ набросить на слишкомъ обнаженныя плечи дѣвочки косынку, которую достала съ комода, не вставая съ колѣнъ и молясь. Между тѣмъ двери изъ внутреннихъ комнатъ стали опять отворяться любопытными. Въ сѣняхъ же все плотнѣе и плотнѣе стѣснялись зрители — жильцы со всей лѣстницы, не переступая впрочемъ за порогъ комнаты. Одинъ только огарокъ освѣщалъ всю сцену.

Въ эту минуту изъ сѣней, сквозь толпу, быстро протѣснилась Поленька, бѣгавшая за сестрой. Она вошла, едва переводя духъ отъ скораго бѣга, сняла съ себя платокъ, отыскала глазами мать, подошла къ ней и сказала: «идетъ! на улицѣ встрѣтила!» Мать пригнула ее на колѣни и поставила подлѣ себя. Изъ толпы, неслышно и робко, протѣснилась дѣвушка.

Исповѣдь и причащеніе кончились. Катерина Ивановна снова подошла къ постели мужа. Священникъ отступилъ, и, уходя, обратился-было сказать два слова въ напутствіе и утѣшеніе Катеринѣ Ивановнѣ.

— А куда я этихъ-то дѣну? рѣзко и раздражительно перебила она, указывая на малютокъ.

— Богъ милостивъ; надѣйтесь на помощь Всевышняго, началъ-было священникъ.

— Э-эхъ! Милостивъ, да не до насъ!

— Это грѣхъ, грѣхъ, сударыня, замѣтилъ священникъ, качая головой.

— А это не грѣхъ? крикнула Катерина Ивановна, показывая на умирающаго.

— Быть-можетъ, тѣ, которые были невольною причиной, согласятся вознаградить васъ — хоть бы въ потерѣ доходовъ . . .

— Не понимаете вы меня, раздражительно крикнула Катерина Ивановна, махнувъ рукой. — Да и за что вознаграждать-то? Вѣдь онъ самъ, пьяный, подъ лошадей полѣзъ! Какихъ доходовъ? Отъ него не доходы, а только мука была.

— Простить бы надо въ предсмертный часъ, а это грѣхъ, сударыня, таковыя чувства большой грѣхъ.

Катерина Ивановна суетилась около больнаго, она подавала ему пить, обтирала ему потъ и кровь съ головы, оправляла подушки и разговаривала съ священникомъ, изрѣдка успѣвая

оборотиться къ нему, между дѣломъ. Теперь же она вдругъ набросилась на него почти въ изступленіи.

— Эхъ, батюшка! Слова, да слова одни! Простить! Вотъ онъ пришелъ бы сегодня пьяный, какъ бы не раздавили-то, рубашка-то на немъ одна, вся заношенная, да въ лохмотьяхъ, такъ онъ бы завалился дрыхнуть, а я бы до разсвѣта въ водѣ полоскалась, обноски бы его да дѣтскіе мыла, да потомъ высушила бы за окномъ, да тутъ же, какъ разсвѣтетъ, и штопать бы сѣла, — вотъ моя и ночь! . . . Такъ чего ужъ тутъ про прощеніе говорить! И то простила!

Глубокій, страшный кашель прервалъ ея слова. Она отхаркнулась въ платокъ и сунула его на показъ священнику, съ болью придерживая другою рукой грудь. Платокъ былъ весь въ крови . . .

Священникъ поникъ головой и не сказалъ ничего.

Мармеладовъ былъ въ послѣдней агоніи; онъ не отводилъ своихъ глазъ отъ лица Катерины Ивановны, склонившейся снова надъ нимъ. Ему все хотѣлось что-то ей сказать; онъ было и началъ, съ усиліемъ шевеля языкомъ и неясно выговаривая слова, но Катерина Ивановна, понявшая, что онъ хочетъ просить у ней прощенія, тотчасъ-же повелительно крикнула на него:

— Молчи-и-и! Не надо! . . . Знаю, что хочешь сказать! . . . И больной умолкъ; но въ ту же минуту блуждающій взглядъ его упалъ на дверь, и онъ увидалъ Соню . . .

До сихъ поръ онъ не замѣчалъ ея: она стояла въ углу и въ тѣни.

— Кто это? Кто это? проговорилъ онъ вдругъ хриплымъ, задыхающимся голосомъ, весь въ тре-

вогѣ, съ ужасомъ указывая глазами на дверь, гдѣ стояла дочь, и усиливаясь приподняться.

— Лежи! Лежи-и-и! крикнула-было Катерина Ивановна.

Но онъ съ неестественнымъ усиліемъ успѣлъ опереться на рукѣ. Онъ дико и неподвижно смотрѣлъ нѣкоторое время на дочь, какъ бы не узнавая ее. Безконечное страданіе изобразилось на лицѣ его.

— Соня! Дочь! Прости! крикнулъ онъ и хотѣлъ было протянуть къ ней руку, но, потерявъ опору, сорвался и грохнулся съ дивана, прямо лицомъ на земь; бросились поднимать его, положили, но онъ уже отходилъ. Соня слабо вскрикнула, подбѣжала, обняла его и такъ и замерла въ этомъ объятіи. Онъ умеръ у нея въ рукахъ.

— Добился своего! крикнула Катерина Ивановна, увидавъ трупъ мужа: — ну что теперь дѣлать! Чѣмъ я похороню его! А чѣмъ ихъ-то, ихъ-то завтра чѣмъ накормлю?

Раскольниковъ подошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ.

— Катерина Ивановна, началъ онъ ей, — на прошлой недѣлѣ, случайно сошедшись со мной въ гостинницѣ и разговорившись, вашъ покойный мужъ разсказалъ мнѣ всю свою жизнь и всѣ обстоятельства . . . Будьте увѣрены, что онъ говорилъ объ васъ съ восторженнымъ уваженіемъ. Съ этого вечера, когда я узналъ, какъ онъ всѣмъ вамъ былъ преданъ, и какъ особенно васъ, Катерина Ивановна, уважалъ и любилъ, не смотря на свою несчастную слабость, съ этого вечера мы и стали друзьями . . . Позвольте же мнѣ теперь . . . способствовать . . . отданію долга моему покойному другу. Вотъ тутъ . . . двадцать рублей, кажется, — и если это можетъ послужить вамъ въ помощь, то . . . я . . . однимъ

словомъ, я зайду, — я непремѣнно зайду . . . я, можетъ-быть, еще завтра зайду . . . Прощайте!

Онъ сходилъ тихо, не торопясь, весь въ лихорадкѣ, и, не сознавая того, полный одного новаго, необъятнаго ощущенія вдругъ прихлынувшей полной и могучей жизни. На половинѣ лѣстницы нагналъ его возвращавшійся домой священникъ; Раскольниковъ молча пропустилъ его впередъ, размѣнявшись съ нимъ безмолвнымъ поклономъ. Но уже сходя послѣднія ступени, онъ услышалъ вдругъ поспѣшные шаги за собою. Кто-то догонялъ его. Это была Поленька: она бѣжала за нимъ и звала его: «Послушайте! Послушайте!»

Онъ обернулся къ ней. Та сбѣжала послѣднюю лѣстницу и остановилась вплоть передъ нимъ, ступенькой выше его. Тусклый свѣтъ проходилъ со двора. Раскольниковъ разглядѣлъ худенькое, но милое личико дѣвочки, улыбавшееся ему и весело, по дѣтски, на него смотрѣвшее. Она прибѣжала съ порученіемъ, которое видимо ей самой очень нравилось.

— Послушайте, какъ васъ зовутъ? . . . а еще: гдѣ вы живете? спросила она торопясь, задыхающимся голоскомъ.

Онъ положилъ ей обѣ руки на плечи и съ какимъ-то счастіемъ глядѣлъ на нее. Ему такъ пріятно было на нее смотрѣть, — онъ самъ не зналъ почему.

— А кто васъ прислалъ?

— А меня прислала сестрица Соня, отвѣчала дѣвочка, еще веселѣе улыбаясь.

— Я такъ и зналъ, что васъ прислала сестрица Соня.

— Меня и мамаша тоже прислала. Когда сестрица Соня стала посылать, мамаша тоже подошла и сказала: «Поскорѣй бѣги, Поленька!»

— Любите вы сестрицу Соню?

— Я ее больше всѣхъ люблю! съ какою-то особенною твердостію проговорила Поленька, и улыбка ея стала вдругъ серьезнѣе.

— А меня любить будете?

Вмѣсто отвѣта, онъ увидѣлъ приближающееся къ нему личико дѣвочки и пухленькія губки, наивно протянувшіяся поцѣловать его. Вдругъ тоненькія, какъ спички, руки ея обхватили его крѣпко-крѣпко, голова склонилась къ его плечу, и дѣвочка тихо заплакала, прижимаясь лицомъ къ нему все крѣпче и крѣпче.

— Папочку жалко! проговорила она черезъ минуту, поднимая свое заплаканное личико и вытирая руками слезы: — все такія теперь несчастія пошли, прибавила она неожиданно, съ тѣмъ особенно солиднымъ видомъ, который усиленно принимаютъ дѣти, когда захотятъ вдругъ говорить какъ «большіе».

— А папаша васъ любилъ?

— Онъ Лидочку больше всѣхъ насъ любилъ, продолжала она очень серьезно и не улыбаясь, уже совершенно какъ говорятъ большіе, — потому любилъ, что она маленькая и отъ того еще, что больная, и ей всегда гостинцу носилъ, а насъ онъ читать училъ, а меня грамматикѣ и Закону Божію, прибавила она съ достоинствомъ, — а мамочка ничего не говорила, а только мы знали, что она это любитъ, и папочка зналъ, а мамочка меня хочетъ по французски учить, потому что мнѣ уже пора получить образованіе.

— А молиться вы умѣете?

— А какъ же, умѣемъ! Давно уже; я, какъ ужъ большая, то молюсь сама про себя, а Коля съ Лидочкой вмѣстѣ съ мамашей вслухъ; сперва «Богородицу» прочитаютъ, а потомъ еще одну молитву: «Господи прости и благослови нашего другого папашу», потому что нашъ старшій па-

паша уже умеръ, а этотъ вѣдь намъ другой, а мы и объ томъ тоже молимся.

— Полечка, меня зовутъ Родіонъ; помолитесь когда-нибудь и обо мнѣ: «и раба Родіона» — больше ничего.

— Всю мою будущую жизнь буду объ васъ молиться, горячо проговорила дѣвочка, и вдругъ опять засмѣялась, бросилась къ нему и крѣпко опять обняла его.

Мальчикъ у Христа на елкѣ.

Еще очень маленькій мальчикъ, лѣтъ шести или даже менѣе, проснулся утромъ въ сыромъ и мокромъ подвалѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дрожалъ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря, какъ онъ вылетаетъ. Но ему очень хотѣлось кушать. Онъ нѣсколько разъ съ утра подходилъ къ нарамъ, гдѣ на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на какомъ-то узлѣ подъ головой, вмѣсто подушки, лежала больная мать его. Какъ она здѣсь очутилась? Должно быть пріѣхала съ своимъ мальчикомъ изъ чужого города и вдругъ захворала. Жильцы угловъ разбрелись, дѣло праздничное, а оставшійся одинъ халатникъ уже цѣлыя сутки лежалъ мертво-пьяный, не дождавшись и праздника. Въ другомъ углу комнаты стонала отъ ревматизма какая-то восьмидесятилѣтняя старушонка, жившая когда-то и гдѣ-то въ нянькахъ, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, такъ что онъ уже сталъ бояться подходить къ ея углу близко. Напиться-то онъ гдѣ-то досталъ въ сѣняхъ, но корочки нигдѣ не нашелъ и разъ въ десятый уже подходилъ разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконецъ, въ темнотѣ: давно уже начался ве-

черъ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо мамы, онъ подивился, что она совсѣмъ не двигается и стала такая же холодная, какъ стѣна. «Очень ужъ здѣсь холодно», подумалъ онъ, постоялъ немного, безсознательно забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъ дохнулъ на свои пальчики, чтобъ отогрѣть ихъ, и вдругъ, нашаривъ на нарахъ свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошелъ изъ подвала. Онъ еще бы и раньше пошелъ, да все боялся вверху, на лѣстницѣ, большой собаки, которая выла весь день у сосѣднихъ дверей. Но собаки уже не было, и онъ вдругъ вышелъ на улицу.

Господи, какой городъ! Никогда еще онъ не видалъ ничего такого. Тамъ, откудова онъ пріѣхалъ, по ночамъ такой черный мракъ, одинъ фонарь на всю улицу. Деревянные низенькіе домишки запираются ставнями; на улицѣ, чуть смеркнется — никого, всѣ затворяются по домамъ и только завываютъ цѣлыя стаи собакъ, сотни и тысячи ихъ, воютъ и лаютъ всю ночь. Но тамъ было за то такъ тепло и ему давали кушать, а здѣсь — Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стукъ и громъ, какой свѣтъ и люди, лошади и кареты, и морозъ, морозъ! Мерзлый паръ валитъ отъ загнанныхъ лошадей, изъ жарко-дышащихъ мордъ ихъ; сквозь рыхлый снѣгъ звенятъ объ камни подковы, и всѣ такъ толкаются, и, Господи, такъ хочется поѣсть, хоть бы кусочекъ какой-нибудь, и такъ больно стало вдругъ пальчикамъ.

Вотъ и опять улица, — охъ какая широкая! Вотъ здѣсь такъ раздавятъ навѣрно; какъ они всѣ кричатъ, бѣгутъ и ѣдутъ, а свѣту-то, свѣту-то! А это что? Ухъ, какое большое стекло, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка; это елка, а на елкѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ, а кру-

гомъ тутъ же куколки, маленькія лошадки; а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти, нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ, и ѣдятъ и пьютъ что-то. Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцовать, какая хорошенькая дѣвочка! Вотъ и музыка, сквозь стекло слышно. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужъ и смѣется, а у него болятъ уже пальчики и на ножкахъ, а на ручкахъ стали совсѣмъ красные, ужъ не сгибаются и больно пошевелить. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него такъ болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше, и вотъ опять видитъ онъ сквозь другое стекло комнату, опять тамъ деревья, но на столахъ пироги, всякіе — миндальные, красные, желтые, и сидятъ тамъ четыре богатыя барыни, а кто придетъ, онѣ тому даютъ пироги, а отворяется дверь поминутно, входитъ къ нимъ съ улицы много господъ. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. Ухъ, какъ на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорѣе и сунула ему въ руку копѣечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Какъ онъ испугался! А копѣечка тутъ же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбѣжалъ мальчикъ и пошелъ поскорѣй — поскорѣй, а куда самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, да ужъ боится, и бѣжитъ, бѣжитъ и на ручки дуетъ. И тоска беретъ его потому, что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко, и вдругъ, Господи! Да что-жъ это опять такое? Стоятъ люди толпой и дивятся: на окнѣ за стекломъ три куклы, маленькія, разодѣтыя въ красныя и зеленыя платьица и совсѣмъ — совсѣмъ какъ живыя! Какой-то старичекъ сидитъ и будто бы играетъ на большой скрипкѣ, два другихъ стоятъ тутъ же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ, и въ тактъ кача-

ютъ головками, и другъ на друга смотрятъ, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, совсѣмъ говорятъ, — только вотъ изъ-за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ, что онѣ живыя, а какъ догадался совсѣмъ, что это куколки — вдругъ разсмѣялся. Никогда онъ не видалъ такихъ куколокъ и не зналъ, что такія есть! И плакать-то ему хочется, но такъ смѣшно — смѣшно на куколокъ. Вдругъ ему почудилось, что сзади его кто-то схватилъ за халатикъ: большой, злой мальчикъ стоялъ подлѣ и вдруг треснулъ его по головѣ, сорвалъ картузъ, а самъ снизу поддалъ ему ножкой. Покатился мальчикъ на земь, тутъ закричали, обомлѣлъ онъ, вскочилъ и бѣжать — бѣжать, и вдругъ забѣжалъ самъ не знаетъ куда, въ подворотню, на чужой дворъ, — и присѣлъ за дровами: «тутъ не сыщутъ, да и темно».

Присѣлъ онъ и скорчился, а самъ отдышаться не можетъ отъ страху и вдругъ, совсѣмъ вдругъ, стало такъ ему хорошо: ручки и ножки вдругъ перестали болѣть и стало такъ тепло, такъ тепло, какъ на печкѣ; вотъ онъ весь вздрогнулъ: ахъ, да вѣдь онъ было заснулъ! Какъ хорошо тутъ заснуть: «Посижу здѣсь и пойду опять посмотрѣть на куколокъ», подумалъ мальчикъ и усмѣхнулся, вспомнивъ про нихъ: совсѣмъ какъ живыя!» . . . И вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла его мама пѣсенку. «Мама, я сплю, ахъ какъ тутъ спать хорошо!»

— Пойдемъ ко мнѣ на елку мальчикъ, — прошепталъ надъ нимъ вдругъ тихій голосъ.

Онъ подумалъ было, что это все его мама, но нѣтъ, не она; кто же это его позвалъ, онъ не видитъ, но кто-то нагнулся надъ нимъ и обнялъ его въ темнотѣ; а онъ протянулъ ему руку и . . . и вдругъ, — о, какой свѣтъ! О, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь: все блеститъ,

все сіяетъ и кругомъ все куколки, — но нѣтъ, это все мальчики и дѣвочки, только такіе свѣтлые, всѣ они кружатся около него, летаютъ, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, несутъ съ собою, да и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотритъ его мама и смѣется на него радостно.

— Мама! Мама! Ахъ, какъ хорошо тутъ, мама! кричитъ ей мальчикъ, и опять цѣлуется съ дѣтьми, и хочется ему разсказать имъ поскорѣй про тѣхъ куколокъ за стекломъ. «Кто вы, мальчики? Кто вы, дѣвочки?» спрашиваетъ онъ, смѣясь и любя ихъ.

— Это «Христова елка», отвѣчаютъ они ему. «У Христа всегда въ этомъ день елка для маленькихъ дѣточекъ, у которыхъ тамъ нѣтъ своей елки» . . . И узналъ онъ, что мальчики и дѣвочки всѣ были все такіе же, какъ онъ, дѣти, но одни замерзли еще въ своихъ корзинахъ, въ которыхъ ихъ подкинули на лѣстницы къ дверямъ петербургскихъ чиновниковъ, другіе задохлись у чухонокъ отъ воспитательнаго дома на прокормленіи, третьи умерли у изсохшей груди своихъ матерей (во время самарскаго голода), четвертые задохлись въ вагонахъ третьяго класса, отъ смраду, и всѣ-то они теперь здѣсь, всѣ они теперь какъ ангелы, всѣ у Христа и Онъ самъ посреди ихъ, и простираетъ къ нимъ руки, и благословляетъ ихъ и ихъ матерей . . . А матери этихъ дѣтей всѣ стоятъ тутъ же, въ сторонкѣ, и плачутъ; каждая узнаетъ своего мальчика или дѣвочку, а они подлетаютъ къ нимъ, цѣлуютъ ихъ, утираютъ имъ слезы своими ручками и упрашиваютъ ихъ не плакать, потому что имъ здѣсь такъ хорошо . . .

А внизу, на утро, дворники нашли маленькій трупикъ забѣжавшаго и замерзшаго за дровами мальчика; розыскали и его маму . . . Та умерла еще прежде его; оба свидѣлись у Господа Бога въ небѣ.

Мужикъ Марей.

Мнѣ припомнился августъ мѣсяцъ въ нашей деревнѣ: день сухой и ясный, но нѣсколько холодный и вѣтренный; лѣто на исходѣ и скоро надо ѣхать въ Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мнѣ такъ жалко покидать деревню. Я прошелъ за гумна и, спустившись въ оврагъ, поднялся въ Лоскъ, — такъ назывался у насъ густой кустарникъ по ту сторону оврага до самой рощи. И вотъ я забился гуще въ кусты и слышу, какъ недалеко, шагахъ въ тридцати, на полянѣ одиноко пашетъ мужикъ. Я знаю, что онъ пашетъ круто въ гору, и лошадь идетъ трудно и до меня изрѣдка долетаетъ его окрикъ: «Ну-ну». Я почти всѣхъ нашихъ мужиковъ знаю, но не знаю, который это теперь пашетъ, да мнѣ и все равно, я весь погруженъ въ мое дѣло, я тоже занятъ: я выламываю себѣ орѣховый хлыстъ, чтобъ стегать имъ лягушекъ; хлысты изъ орѣшника такъ красивы и такъ непрочны, куда противъ березовыхъ! Занимаютъ меня тоже букашки и жучки, я ихъ сбираю; есть очень нарядные; люблю я тоже маленькихъ проворныхъ, красножелтыхъ ящерицъ, съ черными пятнышками, но змѣекъ боюсь. Впрочемъ, змѣйки попадаются гораздо рѣже ящерицъ. Грибовъ тутъ мало; за грибами надо идти въ березнякъ и я собираюсь отправиться. И ничего въ

жизни я такъ не любилъ, какъ лѣсъ съ его грибами и дикими ягодами, съ его букашками и птичками, ежиками и бѣлками, съ его столь любимымъ мною сырымъ запахомъ перетлѣвшихъ листьевъ. И теперь даже, когда я пишу это, мнѣ такъ и послышался запахъ нашего деревенскаго березняка: впечатлѣнія эти остаются на всю жизнь. Вдругъ, среди глубокой тишины, я ясно и отчетливо услышалъ крикъ: «Волкъ бѣжитъ!» Я вскрикнулъ и, внѣ себя отъ испуга, крича въ голосъ, выбѣжалъ на поляну прямо на пашущаго мужика.

Это былъ мужикъ нашъ Марей. Не знаю, есть ли такое имя, но его всѣ звали Мареемъ, — мужикъ лѣтъ пятидесяти, плотный, довольно рослый, съ сильною просѣдью въ темнорусой окладистой бородѣ. Я зналъ его, но до того никогда почти не случалось говорить съ нимъ. Онъ даже остановилъ кобыленку, заслышавъ крикъ мой, и когда я, разбѣжавшись, уцѣпился одной рукой за его соху, а другою за его рукавъ, то онъ разглядѣлъ мой испугъ.

— Волкъ бѣжитъ! прокричалъ я, задыхаясь.

Онъ вскинулъ голову и невольно оглядѣлся кругомъ, на мгновенье почти мнѣ повѣривъ.

— Гдѣ волкъ?

— Закричалъ . . . Кто-то закричалъ сейчасъ «волкъ бѣжитъ» . . . пролепеталъ я.

— Что ты, что ты, какой волкъ, померещилось; вишь! Какому тутъ волку быть, бормоталъ онъ, ободряя меня. Но я весь трясся и еще крѣпче уцѣпился за его зипунъ и, должно-быть, былъ очень блѣденъ. Онъ смотрѣлъ на меня съ безпокойною улыбкою, видимо боясь и тревожась за меня.

— Ишь вѣдь, испужался, ай-ай! качалъ онъ головой. — Полно, родный. Ишь малецъ, ай!

Онъ протянулъ руку и вдругъ погладилъ меня по щекѣ.

— Ну, полно же; ну, Христосъ съ тобой, окрестись. Но я не крестился; углы губъ моихъ вздрагивали и, кажется, это особенно его поразило. Онъ протянулъ тихонько свой толстый, съ чернымъ ногтемъ, запачканный въ землѣ палецъ и тихонько дотронулся до вспрыгивающихъ моихъ губъ.

— Ишь вѣдь, ай, улыбнулся онъ мнѣ какою-то материнскою и длинною улыбкой. Господи, да что это, ишь вѣдь, ай, ай!

Я понялъ, наконецъ, что волка нѣтъ и что мнѣ крикъ: «волкъ бѣжитъ», померещился. Крикъ былъ, впрочемъ, такой ясный и отчетливый, но такіе крики (не объ однихъ волкахъ) мнѣ уже разъ или два и прежде мерещились и я зналъ про то.

— Ну, я пойду, сказалъ я, вопросительно и робко смотря на него.

— Ну и ступай, а я-те во слѣдъ и посмотрю. Ужъ я тебя волку не дамъ! прибавилъ онъ, все также материнскимъ мнѣ улыбаясь, — ну, Христосъ съ тобой, ну, ступай, и онъ перекрестилъ меня рукой и самъ перекрестился. Я пошелъ, оглядываясь назадъ почти каждые десять шаговъ. Марей, пока я шелъ, все стоялъ съ своей кобыленкой и смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, каждый разъ кивая мнѣ головой, когда я оглядывался. Мнѣ признаться было немножко передъ нимъ стыдно, что я такъ испугался, но шелъ я, все еще очень побаиваясь волка, пока не поднялся на косогоръ оврага, до первой риги; тутъ испугъ соскочилъ совсѣмъ и вдругъ, откуда ни возьмись, бросилась ко мнѣ наша дворовая собака Волчекъ. Съ Волчкомъ-то я вполнѣ ободрился и обернулся въ послѣдній разъ къ Марею; лица его я уже не могъ разглядѣть ясно, но чувствовалъ, что онъ все точно также мнѣ ласково улыбается и киваетъ головой. Я

махнулъ ему рукой, онъ махнулъ мнѣ тоже и тронулъ кобыленку.

— Ну-ну? послышался опять отдаленный окрикъ его и кобыленка потянула опять свою соху.

Все это мнѣ разомъ припомнилось не знаю почему, но съ удивительною точностью въ подробностяхъ.

Я тогда, придя домой отъ Марея, никому не разсказалъ о моемъ «приключеніи». Да и какое это было приключеніе? Да и объ Мареѣ я тогда очень скоро забылъ. Встрѣчаясь съ нимъ потомъ изрѣдка, я никогда даже съ нимъ не заговаривалъ не только про волка, да и ни объ чемъ, и вдругъ припомнилъ всю эту встрѣчу съ такою ясностью, до самой послѣдней черты. Значитъ, залегла же она въ душѣ моей непримѣтно, сама собой и безъ воли моей, и вдругъ припомнилась тогда, когда было надо; припомнилась эта нѣжная, материнская улыбка бѣднаго крѣпостного мужика, его кресты, его покачиванье головой: «Ишь вѣдь, испужался малецъ!» И особенно этотъ толстый его, запачканный въ землѣ, палецъ, которымъ онъ тихо и съ робкою нѣжностью прикоснулся къ вздрагивавшимъ губамъ моимъ. Конечно, всякій бы ободрилъ ребенка, но тутъ, въ этой уединенной встрѣчѣ, случилось какъ бы что-то совсѣмъ другое, и еслибъ я былъ собственнымъ его сыномъ, онъ не могъ бы посмотрѣть на меня сіяющимъ болѣе свѣтлою любовью взглядомъ, а кто его заставлялъ? Былъ онъ собственный крѣпостной нашъ мужикъ, а я все же его барченокъ; никто бы не узналъ, какъ онъ ласкалъ меня и не наградилъ за то. Любилъ онъ, что-ли, такъ ужъ очень маленькихъ дѣтей? Такіе бываютъ. Встрѣча была уединенная, въ пустомъ полѣ и только одинъ Богъ, можетъ, видѣлъ сверху, какимъ глубокимъ и про-

свѣщеннымъ человѣческимъ чувствомъ и какою тонкою почти женственною нѣжностью можетъ быть наполнено сердце иного грубаго, невѣжественнаго крѣпостного русскаго мужика, еще и не ждавшаго — не гадавшаго тогда о своей свободѣ.

Столѣтняя.

«Въ это утро я слишкомъ запоздала, — разсказывала мнѣ на-дняхъ одна дама, — и вышла изъ дому почти уже въ полдень, а у меня, какъ нарочно, скопилось много дѣла. Какъ разъ въ Николаевской улицѣ надо было зайти въ два мѣста, одно отъ другого недалеко. Во-первыхъ — въ контору, и у самыхъ воротъ дома встрѣчаю эту самую старушку, и такая она мнѣ показалась старенькая, согнутая, съ палочкой, только все же я не угадала ея лѣтъ; дошла она до воротъ и тутъ въ уголку у воротъ присѣла на дворницкую скамеечку отдохнуть. Впрочемъ, я прошла мимо, а она мнѣ только такъ мелькнула.

Минутъ черезъ десять я изъ конторы выхожу, а тутъ черезъ два дома магазинъ и въ немъ у меня еще съ прошлой недѣли заказаны для Сони ботинки, я и пошла ихъ захватить кстати, только смотрю, а та старушка теперь ужъ у этого дома сидитъ, и опять на скамеечкѣ у воротъ, сидитъ да на меня смотритъ; я на нее улыбнулась, зашла — взяла ботинки. Ну, пока минуты три-четыре прошло — пошла дальше къ Невскому, анъ смотрю — моя старушка уже у третьяго дома, тоже у воротъ, только не на скамеечкѣ, а на выступѣ пріютилась, а скамейки въ этихъ воротахъ не было. Я вдругъ передъ ней остановилась невольно: что это, думаю, она у всякаго дома садится?

— Устала, говорю, старушка?

— Устаю, родненькая, все устаю. Думаю: тепло, солнышко свѣтитъ, дай пойду къ внучкамъ пообѣдать.

— Это ты, бабушка, пообѣдать идешь?

— Пообѣдать, милая, пообѣдать.

— Да ты этакъ не дойдешь.

— Нѣтъ, дойду, вотъ пройду сколь и отдохну, а тамъ опять встану да пойду.

Смотрю я на нее и ужасно мнѣ стало любопытно. Старушка маленькая, чистенькая, одежда ветхая, должно-быть изъ мѣщанства, съ палочкой, лицо блѣдное, желтое, къ костямъ присохшее; губы безцвѣтныя, — мумія какая-то, а сидитъ — улыбается, солнышко прямо на нее свѣтитъ.

— Ты, должно быть, бабушка, очень стара, спрашиваю я, шутя, разумѣется.

— Сто четыре года, милая, сто четыре мнѣ годика, только всего (это она пошутила) . . . А ты-то сама куда идешь?

И глядитъ на меня — смѣется, обрадовалась она что-ли поговорить съ кѣмъ, только странно мнѣ показалось у столѣтней такая забота — куда я иду, точно ей такъ ужъ надо.

— Да вотъ, бабушка, смѣюсь и я, ботиночки дѣвочкѣ моей въ магазинѣ взяла, домой несу.

— Ишь махонькіе, башмачки-то, маленькая дѣвочка-то у тебя? Это хорошо у тебя. И другія дѣтки есть?

И опять все смѣется, глядитъ. Глаза тусклые, почти мертвые, а какъ будто лучъ какой-то изъ нихъ свѣтитъ теплый.

— Бабушка, хочешь, возьми у меня пятачекъ, купи себѣ булочку, и подаю я ей этотъ пятачекъ.

— Чтой-то, ты мнѣ пятачекъ? Что-жъ, спасибо, я и возьму твой пятачекъ.

— Такъ на, бабушка, не взыщи. Она взяла. Видно, что не проситъ, не доведена до того, но

взяла она у меня такъ хорошо, совсѣмъ не какъ милостыню, а такъ, какъ будто изъ вѣжливости, или изъ доброты своего сердца. А, впрочемъ, можетъ ей и очень понравилось это, потому что, кто-же съ старушкой заговоритъ, а тутъ еще съ ней не только говорятъ, да еще объ ней съ любовью заботятся.

— Ну, прощай, говорю, бабушка. Дойди на здоровье.

— Дойду, родненькая, дойду. Я дойду. А ты къ своей внучкѣ ступай, сбилась старушка, забывъ, что у меня дочка, а не внучка, думала видно, что ужъ и у всѣхъ внучки. Пошла я и оглянулась на нее въ послѣдній разъ, вижу, она поднялась, медленно, съ трудомъ, стукнула палочкой и поплелась по улицѣ. Можетъ, еще разъ десять отдохнетъ дорогой, пока дойдетъ къ своимъ «пообѣдать». И куда это она ходитъ обѣдать? Странная такая старушка.

Выслушалъ я въ то же утро этотъ разсказъ, — да правда и не разсказъ, а такъ какое-то впечатлѣніе при встрѣчѣ съ столѣтней. (Въ самомъ дѣлѣ, когда встрѣтишь столѣтнюю, да еще такую полную душевной жизни?) — и позабылъ объ немъ совсѣмъ, и уже поздно ночью, прочтя одну статью въ журналѣ и отложивъ журналъ, вдругъ вспомнилъ про эту старушку, и почему-то мигомъ дорисовалъ себѣ продолженіе о томъ, какъ она дошла къ своимъ пообѣдать: вышла другая, можетъ-быть, очень правдоподобная, маленькая картинка.

Внучки ея, а, можетъ-быть, и правнучки, да ужъ такъ зоветъ ихъ она за одно внучками, вѣроятно какіе-нибудь цѣховые, семейные, разумѣется, люди, не то она не ходила бы къ нимъ обѣдать, живутъ въ подвалѣ, а можетъ и цирульную какую-нибудь снимаютъ, люди, конечно, бѣдные, но все же, можетъ, питаются и наблюдаютъ

порядокъ. Добрела она къ нимъ, вѣроятно, уже часу во второмъ. Ее и не ждали, но встрѣтили, можетъ-быть, довольно привѣтливо.

— А вотъ и она, Марья Максимовна; входи, входи, милости просимъ, раба Божія!

Старушка входитъ, посмѣиваясь, колокольчикъ у входа еще долго рѣзко и тонко звенитъ. Внучка-то ея должно быть жена этого цирульника, а самъ онъ еще человѣкъ не старый, лѣтъ этакъ тридцати пяти, по ремеслу своему степененъ, хотя ремесло и легкомысленное, и ужъ разумѣется, въ засаленномъ, какъ блинъ, сюртукѣ, отъ помады что-ль, не знаю, но иначе я никогда ни видалъ «цирульниковъ», равно какъ воротникъ на сюртукѣ всегда у нихъ точно въ мукѣ вываленъ. Трое маленькихъ дѣточекъ — мальчикъ и двѣ дѣвочки — мигомъ подбѣжали къ прабабушкѣ. Обыкновенно такія ужъ слишкомъ старенькія старушки всегда какъ-то очень сходятся съ дѣтьми: сами-то ужъ очень похожи на дѣтей становятся душевно, иногда даже точь-въ-точь. Сѣла старушка; у хозяина не то гость, не то по дѣлу, одинъ тоже, лѣтъ сорока, знакомый его, уже уходить собирался. Да племянникъ къ тому же гоститъ, сынъ сестры его, парень лѣтъ семнадцати, въ типографію хочетъ опредѣлиться. Старушка перекрестилась и садится, глядитъ на гостя:

— Охъ, устала! Это кто же такой у васъ?

— Это я-то? отвѣчаетъ гость, посмѣиваясь, — что-жъ, Марья Максимовна, неужто насъ не признали? Третьяго то года по опенки въ лѣсъ все собирались вмѣстѣ съ вами сходить.

— Охъ ужъ ты, знаю тебя, надсмѣшникъ. Помню тебя, вотъ только назвать какъ тебя не припомню, кто ты таковъ, а помню. Охъ, устала я чтой-то.

— Да что-жъ вы, Марья Максимовна, старушка почтенная, не растете ни мало, вотъ что я тебя спросить хотѣлъ, шутитъ гость.

— И, ну тебя, смѣется бабушка, видимо впрочемъ довольная.

— Я, Марья Максимовна, человѣкъ добрый.

— А съ добрымъ и поговорить любопытно. Охъ, все то я задыхаюсь, мать. Пальтецо-то Сереженькѣ видно ужъ состроили?

Она указываетъ на племянника.

Племянникъ, бутузоватый и здоровый паренекъ, улыбается во весь ротъ и надвигается ближе; на немъ новенькое сѣрое пальтецо и онъ еще не можетъ равнодушно надѣвать его. Равнодушіе придетъ развѣ только еще черезъ недѣлю, а теперь онъ поминутно смотритъ себѣ на обшлага, на лацканы и, вообще, на всего себя въ зеркало и чувствуетъ къ себѣ особенное уваженіе.

— Да ты поди, повернись, стрекочетъ жена цирульника. Смотри-ка, Максимовна, какое построили; вѣдь шесть рублей какъ одна копѣечка, дешевле, говорятъ намъ у Прохорыча, теперь и начинать не стоитъ, сами, говоритъ, потомъ слезами заплачете, а ужъ эдакому износу нѣтъ. Вишь матерія-то! Да ты повернись! Подкладката какая, крѣпость-то, крѣпость-то, да ты повернись! Такъ-то вотъ и уходятъ деньжонки, Максимовна, умылась наша копѣечка.

— Ахъ, мать, ужъ такъ теперь дорого стало на свѣтѣ, что и ни съ чѣмъ не совмѣстно, лучше бъ и не говорила ты мнѣ и не разстраивала меня, съ чувствомъ замѣчаетъ Максимовна, а все еще духъ не можетъ перевести.

— Ну, да и довольно, замѣчаетъ хозяинъ, закусить бы надо. Что это, ты должно быть ужъ очень, вижу я это, привстала, Марья Максимовна?

— Охъ, умникъ, устала; денекъ-то теплый, солнышко; — дай, думаю, ихъ провѣдаю . . . что лежать-то. Охъ! А дорогой барыньку встрѣтила, молодую, башмачки дѣткамъ купила: «Что это ты, старушка, говоритъ, устала? на-ка тебѣ пятачекъ: купи себѣ булочку» . . . А я, знаешь, и взяла пятачекъ-то . . .

— Да ты, бабушка, все же отдохни маленечко сперва на перво, что это сегодня такъ задыхаешься! — какъ-то вдругъ особенно заботливо проговорилъ хозяинъ.

Всѣ на нее смотрятъ; ужъ очень блѣдна она вдругъ стала, губы совсѣмъ побѣлѣли. Она тоже всѣхъ оглядываетъ, но какъ-то тускло.

— Вотъ думаю . . . пряничковъ дѣткамъ . . . пятачёкъ-то . . .

И опять остановилась, опять переводитъ духъ. Всѣ вдругъ примолкли, секундъ этакъ на пять.

— Что, бабушка? наклонился къ ней хозяинъ.

Но бабушка не отвѣтила; опять молчаніе и опять секундъ на пять. Старушка еще какъ-бы бѣлѣе стала, а лицо какъ-бы вдругъ все осунулось. Глаза остановились, улыбка застыла на губахъ; смотритъ прямо, а какъ будто ужъ и не видитъ.

— За попомъ бы! . . . кто-то вдругъ и торопливо проговорилъ сзади вполголоса.

— Да . . . не поздно-ли . . . бормочетъ хозяинъ.

— Бабушка, а бабушка? окликаетъ старушку жена цирульника, вдругъ вся всполохнувшись; но бабушка неподвижна, только голова клонится на бокъ; въ правой рукѣ, что на столѣ лежитъ, держитъ свой пятачекъ, а лѣвая такъ и осталась на плечѣ старшаго правнучка Миши, мальчика лѣтъ шести. Онъ стоитъ не шелохнется и большими удивленными глазами разглядываетъ прабабушку.

— Отошла! мѣрно и важно произноситъ, восклонившись, хозяинъ и слегка крестится.

— Вѣдь вотъ оно! То-то, я вижу, вся клонится, умиленно и отрывисто произноситъ гость; онъ ужасно пораженъ и на всѣхъ оглядывается.

— Ахъ, Господи! Вотъ вѣдь! Какъ же теперь быть-то, Макарычъ? Туда что-ль ее? щебечетъ хозяйка торопливо и вся растерявшись.

— Куда туда? степенно откликается хозяинъ, — сами здѣсь справимъ; родная ты ей, аль нѣтъ? А пойтить дать знать надо.

— Сто четыре годика, а! — толчется на мѣстѣ гость, умиляясь все больше и больше. Онъ даже весь покраснѣлъ какъ-то.

— Да, забывать стала жисть-то въ послѣдніе годы, еще важнѣе и степеннѣе замѣчаетъ хозяинъ, ища фуражку и снимая шинель.

— А вѣдь за минутку смѣялась, какъ веселилась! Ишь пятачекъ-то въ рукѣ! Пряничковъ, говоритъ; о-охъ, жисть-то наша!

— Ну, пойдемъ, что-ли, Петръ Степанычъ, прерываетъ гостя хозяинъ и оба выходятъ. По такой, конечно, не плачутъ. Сто четыре года, — «отошла безъ болѣзни и непостыдно». Хозяйка послала къ сосѣдкамъ за подмогой. Тѣ прибѣжали мигомъ, почти съ удовольствіемъ выслушавъ вѣсть, охая и вскрикивая. Первымъ дѣломъ поставили, разумѣется, самоварчикъ. Дѣти съ удивленнымъ видомъ забились въ уголъ и издали смотрятъ на мертвую бабушку. Миша сколько ни проживетъ, все запомнитъ старушку, какъ умерла, зажавъ руку у него на плечѣ; ну, а когда онъ умретъ, никто-то на всей землѣ не вспомнитъ и не узнаетъ, что жила-была когда-то такая старушка и пробыла сто четыре года, для чего и какъ — неизвѣстно. Да и зачѣмъ помнить: вѣдь все равно. Такъ отходятъ милліоны людей: живутъ незамѣтно и умираютъ незамѣт-

но. Только развѣ въ самой минутѣ смерти этихъ столѣтнихъ стариковъ и старухъ заключается какъ бы нѣчто умилительное и тихое, какъ бы нѣчто даже важное и миротворное: сто лѣтъ какъ-то страшно дѣйствуютъ до сихъ поръ на человѣка. Благослови Богъ жизнь и смерть простыхъ добрыхъ людей!

Въ барскомъ пансіонѣ.

Колоколъ ударялъ твердо и опредѣленно по одному разу въ двѣ или даже въ три секунды, но это былъ не набатъ, а какой-то пріятный, плавный звонъ, и я вдругъ различилъ, что это вѣдь — звонъ знакомый, что звонятъ у Николы, въ красной церкви противъ нашего пансіона — въ старинной московской церкви, которую я такъ помню, выстроенной еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, узорчатой, многоглавой и «во столпахъ», — и что теперь только минула Святая недѣля и на тощихъ березкахъ въ палисадникѣ Тушаровскаго дома уже трепещутъ новорожденные зелененькіе листочки. Яркое предвечернее солнце льетъ косые свои лучи въ нашу классную комнату, а у меня, въ моей маленькой комнаткѣ налѣво, куда Тушаръ отвелъ меня еще годъ назадъ отъ «графскихъ и сенаторскихъ дѣтей», сидитъ гостья. Да, у меня вдругъ очутилась гостья — въ первый разъ съ того времени, какъ я у Тушара. Я тотчасъ узналъ эту гостью, какъ только она вошла: это была мама, хотя съ того времени, какъ она меня причащала въ деревенскомъ храмѣ, а голубокъ пролетѣлъ черезъ куполъ, я, воспитывавшійся въ чужомъ домѣ, не видалъ ужъ ея ни разу. Мы сидѣли вдвоемъ, и я странно къ ней приглядывался. Потомъ, уже много лѣтъ спустя, я узналъ, что она тогда при-

была въ Москву на свои жалкія средства единственно, чтобъ со мной повидаться. Она сидѣла подлѣ меня и, помню, я даже удивлялся, что она мало такъ говоритъ. Съ ней былъ узелокъ, и она развязала его: въ немъ оказалось шесть апельсиновъ, нѣсколько пряниковъ и два обыкновенныхъ французскихъ хлѣба. Я обидѣлся на французскіе хлѣбы и съ ущемленнымъ видомъ отвѣтилъ, что здѣсь у насъ «пища» очень хорошая и намъ каждый день даютъ къ чаю по цѣлой французской булкѣ.

— Все равно, голубчикъ, я вѣдь такъ по простотѣ подумала: «можетъ ихъ тамъ, въ школѣто, худо кормятъ», не взыщи, родной.

— И Антонинѣ Васильевнѣ (женѣ Тушара) обидно станетъ-съ. Товарищи тоже будутъ надо мной смѣяться . . .

— Не примешь что-ли? Можетъ, и скушаешь?

— Пожалуй, оставьте-съ . . .

А къ гостинцамъ я даже и не притронулся; апельсины и пряники лежали передо мной на столикѣ, а я сидѣлъ, потупивъ глаза, но съ большимъ видомъ собственнаго достоинства. Кто знаетъ, можетъ-быть, мнѣ очень хотѣлось тоже не скрыть отъ нея, что визитъ ея, такой бѣдной, меня даже передъ товарищами стыдитъ; хоть капельку показать ей это, чтобъ поняла: «Вотъ, дескать, ты меня срамишь и даже сама не понимаешь того». Представлялъ я тоже себѣ, сколько перенесу я отъ мальчишекъ насмѣшекъ, только что она уйдетъ, а, можетъ, и отъ самого Тушара, — и ни малѣйшаго добраго чувства не было къ ней въ моемъ сердцѣ. Искоса только я оглядывалъ ея темненькое, старенькое платьице, довольно грубыя, почти рабочія руки, совсѣмъ ужъ грубые ея башмаки, сильно похудѣвшее лицо; морщинки уже прорѣзывались у нея на лбу, хотя Антонина Васильевна и сказала мнѣ по-

томъ, вечеромъ, по ея уходѣ: «должно-быть, ваша maman была когда-то очень недурна собой».

Такъ мы сидѣли, и вдругъ Агафья вошла съ подносомъ, на которомъ была чашка кофею. Было время послѣобѣденное и Тушары всегда въ этотъ часъ пили у себя въ своей гостиной кофей. Но мама поблагодарила и чашку не взяла: какъ узналъ я послѣ, она совсѣмъ тогда не пила кофею, производившаго у ней сердцебіеніе. Дѣло въ томъ, что посланная мамѣ чашка кофею была, такъ сказать, уже подвигомъ гуманности, сравнительно говоря, приносившимъ чрезвычайную честь ихъ цивилизованнымъ чувствамъ и европейскимъ понятіямъ. А мама-то, какъ нарочно, и отказалась.

Меня позвали къ Тушару, и онъ велѣлъ мнѣ взять всѣ мои тетрадки и книги и показать мамѣ, «чтобъ она видѣла, сколько успѣли вы пріобрѣсти въ моемъ заведеніи». Тутъ Антонина Васильевна, съеживъ губки, обидчиво и насмѣшливо процѣдила мнѣ съ своей стороны:

— Кажется, вашей maman не понравился нашъ кофей.

Я набралъ тетрадокъ и понесъ ихъ къ дожидавшейся мамѣ, мимо столпившихся въ классной и подглядывавшихъ насъ съ мамой «графскихъ и сенаторскихъ дѣтей». И вотъ, мнѣ даже понравилось исполнить приказаніе Тушара въ буквальной точности. «Вотъ это — уроки изъ французской грамматики, вотъ это — упражненіе подъ диктантъ, вотъ тутъ спряженіе вспомогательныхъ глаголовъ avoir и être, вотъ тутъ по географіи, описаніе главныхъ городовъ Европы и всѣхъ частей свѣта и т. д., и т. д.». Я съ полчаса или больше объяснялъ ровнымъ маленькимъ голоскомъ, благонравно потупивъ глазки. Я зналъ, что мама ничего не понимаетъ въ наукахъ, можетъ-быть, даже писать не умѣетъ, но

тутъ-то моя роль мнѣ и нравилась. Но утомить ее я не смогъ: она все слушала, не прерывая меня, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и даже съ благоговѣніемъ, такъ что мнѣ самому, наконецъ, наскучило, и я пересталъ; взглядъ ея былъ, впрочемъ, грустный и что-то жалкое было въ ея лицѣ.

Она поднялась, наконецъ, уходить; вдругъ вошелъ самъ Тушаръ и съ дурацки-важнымъ видомъ спросилъ ее: «довольна-ли она успѣхами своего сына?» Мама начала безсвязно бормотать и благодарить; подошла и Антонина Васильевна. Мама стала просить ихъ обоихъ «не оставить сиротки, все равно, онъ что сиротка теперь, окажите благодѣяніе ваше» . . . и она со слезами на глазахъ поклонилась имъ обоимъ, каждому раздѣльно, каждому глубокимъ поклономъ, именно какъ кланяются «изъ простыхъ», когда приходятъ просить о чемъ-нибудь важныхъ господъ. Тушары этого даже не ожидали, а Антонина Васильевна видимо была смягчена и, конечно, тутъ же измѣнила свое заключеніе на счетъ чашки кофею. Тушаръ съ усиленною важностію гуманно отвѣтилъ, что онъ «дѣтей не рознитъ, что всѣ здѣсь — его дѣти, а онъ — ихъ отецъ, что я у него почти на одной ногѣ съ сенаторскими и графскими дѣтьми, и что это надо цѣнить», и проч., и проч. Мама только кланялась, но, впрочемъ, конфузилась; наконецъ, обернулась ко мнѣ и со слезами, блеснувшими на глазахъ, проговорила: «прощай, голубчикъ!»

И поцѣловала меня, то есть я позволилъ себя поцѣловать. Ей видимо хотѣлось бы и еще поцѣловать меня, обнять, прижать; но совѣстно ли стало ей самой при людяхъ, или отъ чего-то другаго горько, или ужъ догадалась она, что я ея устыдился, но только она поспѣшно, поклонившись еще разъ Тушарамъ, направилась выходить. Я стоялъ.

— Mais suivez donc votre mère, проговорила Антонина Васильевна: — il n'a pas de coeur, cet enfant!

Тушаръ въ отвѣтъ ей пожалъ плечами, что, конечно, означало «не даромъ же, дескать, я третирую его какъ лакея».

Я послушно спустился за мамою; мы вышли на крыльцо. Я зналъ, что они всѣ тамъ смотрятъ теперь изъ окошка. Мама повернулась къ церкви и три раза глубоко на нее перекрестилась, губы ея вздрагивали, густой колоколъ звучно и мѣрно гудѣлъ съ колокольни. Она повернулась ко мнѣ и — не выдержала, положила мнѣ обѣ руки на голову и заплакала надъ моей головой.

— Маменька, полноте-съ . . . стыдно . . . вѣдь они изъ окошка теперь это видятъ-съ . . .

Она вскинулась и заторопилась:

— Ну, Господи . . . ну, Господь съ тобой . . . ну, храни тебя ангелы небесные, Пречестная Мать, Николай Угодникъ . . . Господи, Господи! скороговоркой повторяла она, все крестя меня, все стараясь чаще и побольше положить крестовъ: — голубчикъ ты мой, милый ты мой! Да постой, голубчикъ . . .

Она поспѣшно сунула руку въ карманъ и вынула платочекъ, синенькій, клѣтчатый платочекъ съ крѣпко завязаннымъ на кончикѣ узелочкомъ и стала развязывать узелокъ . . . но онъ не развязывался . . .

— Ну, все равно, возьми и съ платочкомъ: чистенькій, пригодится, можетъ, четыре двугривенныхъ тутъ, можетъ, понадобятся, прости, голубчикъ, больше-то какъ-разъ сама не имѣю . . . прости, голубчикъ.

Я принялъ платочекъ, хотѣлъ было замѣтить, что намъ «отъ господина Тушара и Антонины Васильевны очень хорошее положено содержаніе и мы ни въ чемъ не нуждаемся», но удержался и взялъ платочекъ.

Она, наконецъ, ушла. Апельсины и пряники поѣли еще до моего прихода сенаторскія и графскія дѣти, а четыре двугривенныхъ у меня тотчасъ же отнялъ товарищъ, тоже не изъ «простыхъ», Ламбертъ; на нихъ накупили они въ кондитерской пирожковъ и шоколаду и даже меня не поподчивали.

Прошли цѣлые полгода, и наступилъ уже вѣтренный и ненастный октябрь. Я про маму совсѣмъ забылъ. И вотъ, тогда какъ-то разъ въ грустныя вечернія сумерки, сталъ я, однажды, перебирать для чего-то въ моемъ ящикѣ и вдругъ, въ уголку, увидалъ синенькій батистовый платочекъ ея; онъ такъ и лежалъ съ тѣхъ поръ, какъ я его тогда сунулъ. Я вынулъ его и осмотрѣлъ даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ; кончикъ платка сохранялъ еще вполнѣ слѣдъ бывшаго узелка и даже ясно отпечатавшійся кругленькій оттискъ монетки; я, впрочемъ, положилъ платокъ на мѣсто и задвинулъ ящикъ. Это было подъ праздникъ и загудѣлъ колоколъ ко всенощной. Воспитанники уже съ послѣ обѣда разъѣхались по домамъ, но на этотъ разъ Ламбертъ остался на воскресенье. не знаю почему за нимъ не прислали. Онъ хоть и продолжалъ меня тогда бить, какъ и прежде, но уже очень много мнѣ сообщалъ и во мнѣ нуждался. Мы проговорили весь вечеръ о лепажевскихъ пистолетахъ, которыхъ ни тотъ, ни другой изъ насъ не видалъ, о черкесскихъ шашкахъ и о томъ, какъ онѣ рубятъ, о томъ, какъ хорошо было бы завести шайку разбойниковъ. Въ десять часовъ мы легли спать; я завернулся съ головой въ одѣяло и изъ-подъ подушки вытянулъ синенькій платочекъ: я для чего-то опять сходилъ, часъ тому назадъ, за нимъ въ ящикъ и, только что постлали наши постели, сунулъ его подъ подушку. Я тотчасъ прижалъ его къ моему лицу и вдругъ

сталъ его цѣловать: «Мама, мама», шепталъ я, вспоминая, и всю грудь мою сжимало, какъ въ тискахъ. Я закрывалъ глаза и видѣлъ ея лицо съ дрожащими губами, когда она крестилась на церковь, крестила потомъ меня, а я говорилъ ей: «стыдно, смотрятъ». «Мамочка, мама, гдѣ ты теперь, гостья ты моя далекая? Помнишь-ли ты теперь своего бѣднаго мальчика, къ которому приходила . . . Покажись ты мнѣ хоть разочекъ теперь, приснись ты мнѣ хоть во снѣ только, чтобъ только я сказалъ тебѣ, какъ люблю тебя, только, чтобъ обнять мнѣ тебя и поцѣловать твои синенькіе глазки, сказать тебѣ, что я совсѣмъ тебя ужъ теперь не стыжусь, и что я тебя и тогда любилъ, и что сердце мое ныло тогда, а я только сидѣлъ, какъ лакей. Не узнаешь ты, мама, никогда, какъ я тебя тогда любилъ! Мамочка, гдѣ ты теперь? Слышишь ли ты меня? Мама, мама, а помнишь голубочка въ деревнѣ?» . . .

Старецъ и послушникъ.

1. Изъ воспоминаній инока Зосимы.

Родился я въ далекой губерніи сѣверной, въ городѣ В. Отецъ мой былъ дворянинъ, но не знатный и не весьма чиновный. Скончался онъ, когда было мнѣ всего лишь два года отъ роду и не помню я его вовсе. Оставилъ онъ матушкѣ моей деревянный домъ небольшой и нѣкоторый капиталъ, не великій, но достаточный, чтобы прожить съ дѣтьми, не нуждаясь. А было насъ всего у матушки двое: я и старшій братъ мой, Маркелъ. Былъ онъ старше меня годовъ на восемь, но вскорѣ у него развилась чахотка и онъ умеръ такъ кротко и съ такою любовью ко всѣмъ.

Остались мы тогда одни съ матушкой. Посовѣтовали ей скоро добрые знакомые, что вотъ дескать остался всего одинъ у васъ сынокъ, и не бѣдные вы, капиталъ имѣете, такъ по примѣру прочихъ, почему бы сына вашего не отправить вамъ въ Петербургъ, а оставшись здѣсь, знатной, можетъ-быть, участи его лишите. И надоумили матушку меня въ Петербургъ въ кадетскій корпусъ свезти, чтобы въ императорскую гвардію потомъ поступить. Матушка долго колебалась: какъ это съ послѣднимъ сыномъ разстаться, но, однако, рѣшилась, хотя и не безъ многихъ слезъ, думая счастію моему способствовать. Свезла она

меня въ Петербургъ, да и опредѣлила, а съ тѣхъ поръ я ея и не видалъ вовсе; ибо черезъ три года сама скончалась, всѣ три года по насъ обоихъ грустила и трепетала. Изъ дома родительскаго вынесъ я лишь драгоцѣнныя воспоминанія, ибо нѣтъ драгоцѣннѣе воспоминаній у человѣка, какъ отъ перваго дѣтства его въ домѣ родительскомъ, и это почти всегда такъ, если даже въ семействѣ хоть только чуть-чуть любовь да союзъ. Да и отъ самаго дурнаго семейства могутъ сохраниться воспоминанія драгоцѣнныя, если только сама душа твоя способна искать драгоцѣнное. Къ воспоминаніямъ же домашнимъ причитаю и воспоминанія о священной исторіи, которую въ домѣ родительскомъ, хотя ребенкомъ, я очень любопытствовалъ знать. Была у меня тогда книга, священная исторія, съ прекрасными картинками, подъ названіемъ: «Сто четыре священныя исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта», и по ней я и читать учился. И теперь она у меня здѣсь на полкѣ лежитъ, какъ драгоцѣнную память сохраняю. Но и до того еще, какъ читать научился, помню, какъ въ первый разъ посѣтило меня нѣкоторое проникновеніе духовное, еще восьми лѣтъ отъ роду. Повела матушка меня одного (не помню, гдѣ былъ тогда братъ) во храмъ Господень, въ Страстную недѣлю въ понедѣльникъ къ обѣдни. День былъ ясный и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, какъ возносился изъ кадила ѳиміамъ и тихо восходилъ вверхъ, а сверху въ куполѣ въ узенькое окошечко такъ и льются на насъ въ церковь Божью лучи и, восходя къ нимъ волнами, какъ бы таялъ въ нихъ ѳиміамъ. Смотрѣлъ я умиленно и въ первый разъ отъ роду принялъ я тогда въ душу первое сѣмя Слова Божія осмысленно. Вышелъ на средину храма отрокъ съ большою книгой, такою большою, что, показалось мнѣ тогда,

съ трудомъ даже и несъ ее и возложилъ на аналой, отверзъ и началъ читать, и вдругъ я тогда въ первый разъ нѣчто понялъ, въ первый разъ въ жизни понялъ, что въ храмѣ Божіемъ читаютъ. Былъ мужъ въ землѣ Уръ, правдивый и благочестивый и было у него столько-то богатства, столько-то верблюдовъ, столько овецъ иословъ и дѣти его веселились, и любилъ онъ ихъ очень и молилъ за нихъ Бога: можетъ согрѣшили они, веселясь. Вотъ восходитъ къ Богу діаволъ вмѣстѣ съ сынами Божьими и говоритъ Господу, что прошелъ по всей землѣ и подъ землею. А видѣлъ ли раба Моего Іова? спрашиваетъ Богъ. И похвалился Богъ діаволу, указавъ на великаго святаго раба своего. И усмѣхнулся діаволъ на слова Божіи: «предай его мнѣ и увидишь, что возропщетъ рабъ Твой и проклянетъ Твое имя». И предалъ Богъ своего праведника, столь имъ любимаго, діаволу и поразилъ діаволъ дѣтей его и скотъ его, и разметалъ богатство его, все вдругъ, какъ Божіимъ громомъ, и разодралъ Іовъ одежды свои и бросился на землю и завопилъ: «Богъ далъ, Богъ и взялъ. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!» Все младенчество мое какъ бы вновь возстаетъ предо мною, и дышу теперь, какъ дышалъ тогда дѣтскою восьмилѣтнею грудкой моею и чувствую, какъ тогда, удивленіе, и смятеніе, и радость. И верблюды-то такъ тогда мое воображеніе заняли, и сатана, который такъ съ Богомъ говоритъ, и Богъ, отдавшій раба своего на погибель, и рабъ Его, восклицающій: «Буди имя Твое благословенно, не смотря на то, что казнишь меня», — а затѣмъ тихое и сладостное пѣніе во храмѣ: «Да исправится молитва моя», и снова ѳиміамъ отъ кадила священника и колѣнопреклоненная молитва! Съ тѣхъ поръ, — даже вчера еще взялъ ее, и не могу читать

эту пресвятую повѣсть безъ слезъ. А и сколько тутъ великаго, тайнаго, невообразимаго! Хвалится Господь несокрушимымъ терпѣніемъ Іова: «Вотъ что можетъ вытерпѣть святой Мой ради Меня!» Въ томъ-то и великое, что тутъ тайна, — что мимоидущій ликъ земной и вѣчная истина соприкоснулись тутъ вмѣстѣ. Предъ правдой земною совершается дѣйствіе вѣчной правды. Тутъ Творецъ, какъ и въ первые дни творенія завершая каждый день похвалою: «хорошо то, что я сотворилъ», смотритъ на Іова и вновь хвалится созданіемъ Своимъ. А Іовъ, хваля Господа, служитъ не только Ему, но послужитъ и всему созданію Его въ роды и роды и во вѣки вѣковъ, ибо къ тому и предназначенъ былъ. Господи, что это за книга и какіе уроки! Что за книга это Священное Писаніе, какое чудо и какая сила, данныя съ нею человѣку! Точно изваяніе міра и человѣка и характеровъ человѣческихъ, и названо все и указано на вѣки вѣковъ. И сколько тайнъ разрѣшенныхъ и откровенныхъ: возстановляетъ Богъ снова Іова, даетъ ему вновь богатство, проходятъ опять многіе годы и вотъ у него уже новыя дѣти, другія, и любитъ онъ ихъ, — Господи: «Да какъ могъ бы онъ, казалось, возлюбить этихъ новыхъ, когда тѣхъ прежнихъ нѣтъ, когда тѣхъ лишился? Вспоминая тѣхъ, развѣ можно быть счастливымъ въ полнотѣ, какъ прежде, съ новыми, какъ бы новыя ни были ему милы? Но можно, можно: старое горе, великою тайной жизни человѣческой, переходитъ постепенно въ тихую умиленную радость; вмѣсто юной кипучей крови наступаетъ кроткая ясная старость: благословляю восходъ солнца ежедневный, и сердце мое по прежнему поетъ ему, но уже болѣе люблю закатъ его, длинные косые лучи его, а съ ними тихія, кроткія, умиленныя воспоминанія, милые

образы изо всей долгой и благословенной жизни, — а надо всѣмъ-то правда Божія умиляющая, примирающая, всепрощающая! Кончается жизнь моя, знаю и слышу это, но чувствую на каждый оставшійся день мой, какъ жизнь моя земная соприкасается уже съ новою, безконечною, невѣдомою, но близко грядущею жизнью, отъ предчувствія которой трепещетъ восторгомъ душа моя, сіяетъ умъ и радостно плачетъ сердце . . . Други и учители, слышалъ я не разъ, а теперь въ послѣднее время еще слышнѣе стало о томъ, какъ у насъ іереи Божіи, а пуще всего сельскіе, жалуются слезно и повсемѣстно на малое свое содержаніе и на униженіе свое, и прямо завѣряютъ, даже печатно, — читалъ сіе самъ, — что не могутъ они уже теперь будто бы толковать народу Писаніе, ибо мало у нихъ содержанія. Господи! думаю, дай Богъ имъ болѣе сего столь драгоцѣннаго для нихъ содержанія (ибо справедлива и ихъ жалоба), но во истину говорю: если кто виноватъ сему, то на половину мы сами! Ибо пусть нѣтъ времени, пусть онъ справедливо говоритъ, что угнетенъ все время работой и требами, но не все же вѣдь время, есть же вѣдь и у него хоть часъ одинъ во всю-то недѣлю, чтобъ и о Богѣ вспомнить. Да и не круглый же годъ работа. Собери онъ у себя разъ въ недѣлю, въ вечерній часъ, сначала лишь только хоть дѣтокъ, — прослышатъ отцы и отцы приходить начнутъ. Да и не хоромы же строить для сего дѣла, а просто къ себѣ въ избу прими: не страшись, не изгадятъ они твою избу, вѣдь всего-то на часъ одинъ собираешь. Разверни-ка онъ имъ эту книгу и начни читать безъ премудрыхъ словъ и безъ чванства, безъ возношенія надъ ними, а умиленно и кротко, самъ радуясь тому, что читаешь имъ и что они тебя слушаютъ и понимаютъ тебя, самъ любя словеса сіи; изрѣдка лишь оста-

новись и растолкуй иное непонятное простолюдину слово, не безпокойся, поймутъ все, все пойметъ православное сердце! Прочти имъ объ Авраамѣ и Саррѣ, объ Исаакѣ и Ревеккѣ, о томъ, какъ Іаковъ пошелъ къ Лавану и боролся во снѣ съ Господомъ и сказалъ: «Страшно мѣсто сіе», и поразишь благочестивый умъ простолюдина. Прочти имъ, а дѣткамъ особенно, о томъ, какъ братья продали въ рабство родного брата своего, отрока милаго, Іосифа, сновидца и пророка великаго, а отцу сказали, что звѣрь растерзалъ его сына, показавъ окровавленную одежду его. Прочти, какъ потомъ братья пріѣзжали за хлѣбомъ въ Египетъ, и Іосифъ, уже царедворецъ великій, ими неузнанный, мучилъ ихъ, обвинилъ, задержалъ брата Веніамина, и все любя: «Люблю васъ и любя мучаю». Ибо вѣдь всю жизнь свою вспоминалъ неустанно, какъ продали его гдѣ-нибудь тамъ въ горячей степи, у колодца, купцамъ, и какъ онъ, ломая руки, плакалъ и молилъ братьевъ не продавать его рабомъ въ чужую землю, и вотъ, увидя ихъ послѣ столькихъ лѣтъ, возлюбилъ ихъ вновь безмѣрно, но томилъ ихъ и мучилъ ихъ, все любя. Уходитъ наконецъ отъ нихъ, не выдержавъ самъ муки сердца своего, бросается на одръ свой и плачетъ; утираетъ потомъ лицо свое и выходитъ сіяющъ и свѣтелъ и возвѣщаетъ имъ: «Братья! я Іосифъ, братъ вашъ!» Пусть прочтетъ онъ далѣе о томъ, какъ обрадовался старецъ Іаковъ, узнавъ, что живъ еще его милый мальчикъ, и потянулся въ Египетъ, бросивъ даже отчизну, и умеръ въ чужой землѣ, изрекши на вѣки вѣковъ въ завѣщаніи своемъ величайшее слово, вмѣщавшееся таинственно въ кроткомъ и боязливомъ сердцѣ его во всю его жизнь, о томъ, что отъ рода его, отъ Іуды, выйдетъ великое чаяніе міра, Примиритель и Спаситель его! Отцы и учители, простите

и не сердитесь, что какъ малый младенецъ толкую о томъ, что давно уже знаете и о чемъ меня же научите, стократъ искуснѣе и благолѣпнѣе. Отъ восторга лишь говорю сіе и простите слезы мои, ибо люблю книгу сію! Пусть заплачетъ и онъ, іерей Божій, и увидитъ, что сотрясутся въ отвѣтъ ему сердца его слушающихъ. Нужно лишь малое сѣмя, крохотное: брось онъ его въ душу простолюдина и не умретъ оно, будетъ жить въ душѣ его во всю жизнь, таиться въ немъ среди мрака, среди смрада грѣховъ его, какъ свѣтлая точка, какъ великое напоминаніе. И не надо, не надо много толковать и учить, все пойметъ онъ просто. Думаете ли вы, что не пойметъ простолюдинъ? Попробуйте, прочтите ему далѣе повѣсть, трогательную и умилительную, о прекрасной Эсѳири и надменной Вастіи; или чудное сказаніе о пророкѣ Іонѣ во чревѣ китовѣ. Не забудьте тоже притчи Господни, преимущественно по Евангелію отъ Луки (такъ я дѣлалъ), а потомъ изъ Дѣяній Апостольскихъ обращеніе Савла (это непремѣнно, непремѣнно!), а, наконецъ, и изъ Четьи Миней хотя бы житіе Алексѣя Человѣка Божія, и пронзишь ему сердце его сими простыми сказаніями, и всего-то лишь часъ въ недѣлю, не взирая на малое свое содержаніе, одинъ часокъ. И увидишь самъ, что милостивъ народъ нашъ и благодаренъ, отблагодаритъ во сто кратъ; помня радѣніе іерея и умиленныя слова его, поможетъ ему на нивѣ его добровольно, поможетъ и въ дому его, да и уваженіемъ воздастъ ему большимъ прежняго, — вотъ уже и увеличится содержаніе его. Гибель народу безъ Слова Божія, ибо жаждетъ душа его Слова и всякаго прекраснаго воспріятія. Въ юности моей, давно уже, чуть не сорокъ лѣтъ тому, ходили мы съ отцомъ Анѳимомъ по всей Руси, собирая на монастырь подаяніе, и заноче-

вали разъ на большой рѣкѣ судоходной, на берегу, съ рыбаками, а вмѣстѣ съ нами присѣлъ одинъ благообразный юноша, крестьянинъ, лѣтъ уже восемнадцати на видъ, поспѣшалъ онъ къ своему мѣсту на завтра купеческую барку бичевою тянуть. И вижу я, смотритъ онъ предъ собой умиленно и ясно. Ночь свѣтлая, тихая, теплая, іюльская, рѣка широкая, паръ отъ нея поднимается, свѣжитъ насъ, слегка всплеснетъ рыбка, птички замолкли, все тихо, благолѣпно, все Богу молится. И не спимъ мы только оба, я, да юноша этотъ, и разговорились мы о красѣ міра сего Божьяго и о великой тайнѣ его. Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчелка золотая, всѣ-то до изумленія знаютъ путь свой, не имѣя ума, тайну Божію свидѣтельствуютъ, безпрерывно совершаютъ ее сами, и вижу я, разгорѣлось сердце милаго юноши. Повѣдалъ онъ мнѣ, что лѣса любитъ, птичекъ лѣсныхъ; былъ онъ птицеловъ, каждый ихъ свистъ понималъ, каждую птичку приманить умѣлъ: лучше того, какъ въ лѣсу, ничего я, говоритъ, не знаю, да и все хорошо. «Истинно, отвѣчаю ему, все хорошо и великолѣпно, потому что все истина. Посмотри, говорю ему, на коня, животное великое, близъ человѣка стоящее, али на вола, его питающаго и работающаго ему, понураго и задумчиваго, посмотри на лики ихъ: какая кротость, какая привязанность къ человѣку, часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая довѣрчивость и какая красота въ его ликѣ. Трогательно даже это и знать, что на немъ нѣтъ никакого грѣха, ибо все совершенно, все, кромѣ человѣка, безгрѣшно, и съ ними Христосъ еще раньше нашего». «Да неужто, спрашиваетъ юноша, и у нихъ Христосъ?» — «Какъ же можетъ быть иначе, говорю ему, ибо для всѣхъ Слово, все созданіе и вся тварь, каждый листикъ устрем-

ляется къ Слову, Богу славу поетъ, Христу плачетъ, себѣ невѣдомо, тайной житія своего безгрѣшнаго совершаетъ сіе. Вонъ, говорю ему, въ лѣсу скитается страшный медвѣдь, грозный и свирѣпый, и ничѣмъ-то въ томъ неповинный». И разсказалъ ему я, какъ приходилъ разъ медвѣдь къ великому святому, спасавшемуся въ лѣсу, въ малой келейкѣ, и умилился надъ нимъ великій святой, безстрашно вышелъ къ нему и подалъ ему хлѣба кусокъ: «Ступай, дескать, Христосъ съ тобой», и отошелъ свирѣпый звѣрь послушно и кротко, вреда не сдѣлавъ. И умилился юноша на то, что отошелъ, вреда не сдѣлавъ и что и съ нимъ Христосъ. «Ахъ, какъ, говоритъ, это хорошо, какъ все Божіе хорошо и чудесно!» Сидитъ, задумался, тихо и сладко. Вижу, что понялъ. И заснулъ онъ подлѣ меня сномъ легкимъ, безгрѣшнымъ. Благослови Господь юность! И помолился я тутъ за него самъ, отходя ко сну. Господи, пошли миръ и свѣтъ Твоимъ людямъ!

Въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, пробылъ я долго, почти восемь лѣтъ, и съ новымъ воспитаніемъ многое заглушилъ изъ впечатлѣній дѣтскихъ, хотя и не забылъ ничего. Взамѣнъ того принялъ столько новыхъ привычекъ и даже мнѣній, что преобразился въ существо почти дикое, жестокое и нелѣпое. Лоскъ учтивости и свѣтскаго обращенія вмѣстѣ съ французскимъ языкомъ пріобрѣлъ, а служившихъ намъ въ корпусѣ солдатъ считали мы всѣ какъ за совершенныхъ скотовъ, и я тоже. Я-то, можетъ-быть, больше всѣхъ, ибо изо всѣхъ товарищей былъ на все воспріимчивѣе. Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, о настоящей же чести почти никто изъ насъ и не зналъ, что она такое есть, а узналъ бы, такъ осмѣялъ бы ее тотчасъ же самъ первый. Не скажу, чтобы

были скверные; всѣ эти молодые люди были хорошіе, да вели-то себя скверно, а пуще всѣхъ я. Главное то, что у меня объявился свой капиталъ, а потому и пустился я жить въ свое удовольствіе, со всѣмъ юнымъ стремленіемъ, безъ удержу, поплылъ на всѣхъ парусахъ. Но вотъ что дивно: читалъ я тогда и книги и даже съ большимъ удовольствіемъ. Библію же одну никогда почти въ то время не развертывалъ, но никогда и не разставался съ нею, а возилъ ее повсюду съ собой: во истину берегъ эту книгу, самъ того не вѣдая «на день и часъ, на мѣсяцъ и годъ». Прослуживъ этакъ года четыре, очутился я, наконецъ, въ городѣ К., гдѣ стоялъ тогда нашъ полкъ. Общество городское было разнообразное, многолюдное и веселое, гостепріимное и богатое, принимали же меня вездѣ хорошо, ибо былъ я отъ роду нрава веселаго, да къ тому же и слылъ не за бѣднаго, что въ свѣтѣ значитъ не мало. Вотъ и случилось одно обстоятельство, послужившее началомъ всему. Привязался я къ одной молодой и прекрасной дѣвицѣ, умной и достойной, характера свѣтлаго, благороднаго, дочери почтенныхъ родителей. Люди были не малые, имѣли богатство, вліяніе и силу, меня принимали ласково и радушно. И вотъ, покажись мнѣ, что дѣвица расположена ко мнѣ сердечно, — потомъ ужъ самъ постигъ и вполнѣ догадался, что, можетъ-быть, вовсе я ея и не любилъ съ такой силой, а только чтилъ ея умъ и характеръ возвышенный, чего не могло не быть. Во всякомъ случаѣ отложилъ на малое время всякій рѣшительный шагъ. А тутъ вдругъ случись командировка въ другой уѣздъ на два мѣсяца. Возвращаюсь я черезъ два мѣсяца и вдругъ узнаю, что дѣвица уже замужемъ, за богатымъ пригороднымъ помѣщикомъ, человѣкомъ хоть и старѣе меня годами, но еще моло-

дымъ, имѣвшимъ связи въ столицѣ, и въ лучшемъ обществѣ, чего я не имѣлъ, человѣкомъ весьма любезнымъ и сверхъ того образованнымъ, а ужъ образованія-то я не имѣлъ вовсе. Такъ я былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ случаемъ, что даже умъ во мнѣ помутился. Главное же въ томъ заключалось, что, какъ узналъ я тогда же, былъ этотъ молодой помѣщикъ женихомъ ея уже давно, и что самъ же я встрѣчалъ его множество разъ въ ихнемъ домѣ, но не примѣчалъ ничего, ослѣпленный своими достоинствами. Но вотъ это-то по преимуществу меня и обидѣло: какъ же это, всѣ почти знали, а я одинъ ничего не зналъ? И почувствовалъ я вдругъ злобу нестерпимую. Съ краской въ лицѣ началъ вспоминать, какъ много разъ почти намекалъ на мое намѣреніе сдѣлать ей предложеніе, а такъ какъ она меня не останавливала и не предупредила, то стало быть, вывелъ я, надо мною смѣялась. Потомъ конечно сообразилъ и припомнилъ, что нисколько она не смѣялась, сама же напротивъ разговоры такіе шутливо прерывала и зачинала на мѣсто ихъ другіе, — но тогда сообразить этого я не смогъ и запылалъ отмщеніемъ. Вспоминаю съ удивленіемъ, что отмщеніе сіе и гнѣвъ мой были мнѣ самому до крайности тяжелы и противны, потому что, имѣя характеръ легкій, не могъ по долгу ни на кого сердиться, а потому какъ бы самъ искусственно разжигалъ себя и сталъ наконецъ безобразенъ и нелѣпъ. Выждалъ я время и разъ въ большомъ обществѣ удалось мнѣ вдругъ «соперника» моего оскорбить, будто бы изъ за самой посторонней причины, подсмѣяться надъ однимъ мнѣніемъ его объ одномъ важномъ тогда событіи, — въ двадцать шестомъ году дѣло было — и подсмѣяться, говорили люди, удалось остроумно и ловко. Затѣмъ вынудилъ у него объясненіе и уже до того обошелся

при объясненіи грубо, что вызовъ мой онъ принялъ, не смотря на огромную разницу между нами, ибо былъ я и моложе его, и незначителенъ и чина малаго. Потомъ ужъ я твердо узналъ, что принялъ онъ вызовъ мой какъ бы тоже изъ ревниваго ко мнѣ чувства: ревновалъ онъ меня и прежде къ невѣстѣ; теперь же подумалъ, что если жена узнаетъ, что онъ оскорбленіе отъ меня перенесъ, а вызвать на поединокъ не рѣшился, то чтобы не стала она невольно презирать его. Секунданта я досталъ скоро, товарища, нашего же полка поручика. Тогда хоть и преслѣдовались поединки жестоко, но была на нихъ какъ бы даже мода между военными, — до того дикіе наростаютъ и укрѣпляются иногда предразсудки. Былъ въ исходѣ іюнь, и вотъ встрѣча наша на завтра, за городомъ, въ семь часовъ утра, — и во истину случилось тутъ со мной нѣчто какъ бы роковое. Съ вечера возвратившись домой, свирѣпый и безобразный, разсердился я на моего деньщика Аѳанасія и ударилъ его изо всей силы два раза по лицу. Служилъ онъ у меня еще недавно и случалось и прежде, что ударялъ его, но никогда съ такою звѣрскою жестокостью. И вѣрите ли, милые, сорокъ лѣтъ тому минуло времени, а припоминаю и теперь о томъ со стыдомъ и мукой. Легъ я спать и заснулъ часа три, встаю, уже начинается день. Я вдругъ поднялся, спать болѣе не захотѣлъ, подошелъ къ окну, отворилъ, — отпиралось оно у меня въ садъ — вижу, восходитъ солнышко, тепло, прекрасно, зазвенѣли птички. Что же это, думаю, ощущаю я въ душѣ моей какъ бы нѣчто позорное и низкое? Не оттого ли, что кровь иду проливать? Нѣтъ, думаю, какъ будто и не оттого. Не оттого ли, что смерти боюсь, боюсь быть убитымъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то, совсѣмъ даже не то . . . И вдругъ сейчасъ же и догадался, въ чемъ было

дѣло: въ томъ, что я съ вечера избилъ Аѳанасія! Все мнѣ вдругъ снова представилось, точно вновь повторилось: стоитъ онъ предо мною, а я бью его съ размаху прямо въ лицо, а онъ держитъ руки по швамъ, голову прямо, глаза выпучилъ, какъ во фронтѣ, вздрагиваетъ съ каждымъ ударомъ и даже руки поднять, чтобы заслониться, не смѣетъ, — и это человѣкъ до того доведенъ, и это человѣкъ бьетъ человѣка! Экое преступленіе! Словно игла острая прошла мнѣ всю душу насквозь. Стою я, какъ ошалѣлый, а солнышко-то свѣтитъ, листочки-то радуются, сверкаютъ, а птички-то, птички-то Бога хвалятъ . . . Закрылъ я обѣими ладонями лицо, повалился на постель и заплакалъ навзрыдъ. И вспомнилъ я тутъ моего брата Маркела и слова его предъ смертью слугамъ: «Милые мои, дорогіе, за что вы мнѣ служите, за что меня любите, да и стою ли я, чтобы служить-то мнѣ?» «Да, стою ли», вскочило мнѣ вдругъ въ голову. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ я такъ стою, чтобы другой человѣкъ, такой же какъ я, образъ и подобіе Божіе, мнѣ служилъ? Такъ и вонзился мнѣ въ умъ въ первый разъ въ жизни тогда этотъ вопросъ. «Матушка, кровинушка ты моя, говорилъ также братъ передъ смертью, во истину всякій передъ всѣми за всѣхъ виноватъ, не знаютъ только этого люди, а еслибъ узнали — сейчасъ былъ бы рай!» Господи, да неужто же и это неправда, плачу я и думаю; — во истину я за всѣхъ, можетъ-быть, всѣхъ виновнѣе, да и хуже всѣхъ на свѣтѣ людей! И представилась мнѣ вдругъ вся правда: что я иду дѣлать? Иду убивать человѣка добраго, умнаго, благороднаго, ни въ чемъ предо мной неповиннаго, а супругу его тѣмъ на вѣки счастья лишу, измучаю и убью. Лежалъ я такъ на постели ничкомъ, лицомъ въ подушку и не замѣтилъ во-

все, какъ и время прошло. Вдругъ входитъ мой товарищъ, поручикъ, за мной, съ пистолетами: «А, говоритъ, вотъ это хорошо, что ты уже всталъ, пора, идемъ». Заметался я тутъ, совсѣмъ потерялся, вышли мы однако же садиться въ коляску: «Погоди здѣсь время, говорю я ему, я въ одинъ мигъ сбѣгаю, кошелекъ забылъ». И вбѣжалъ одинъ въ квартиру обратно, прямо въ коморку къ Аѳанасію: «Аѳанасій, говорю, я вчера тебя ударилъ два раза по лицу, прости ты меня», говорю. Онъ такъ и вздрогнулъ, точно испугался, глядитъ, — и вижу я, что этого мало, — мало, да вдругъ, такъ какъ былъ въ эполетахъ, такъ бухъ ему въ ноги лбомъ до земли: «Прости меня, говорю!» Тутъ ужъ онъ и совсѣмъ обомлѣлъ: «Ваше благородіе, батюшка-баринъ, да какъ вы . . . да сто́ю-ли я» . . . и заплакалъ вдругъ самъ, точно какъ давеча я, ладонями обѣими закрылъ лицо, повернулся къ окну и весь отъ слезъ такъ и затрясся; я же выбѣжалъ къ товарищу, влетѣлъ въ коляску, «вези» кричу: восторгъ во мнѣ такой, смѣюсь всю дорогу, говорю, говорю, не помню ужъ, что и говорилъ. Смотритъ онъ на меня: «Ну, братъ, молодецъ же ты, вижу что поддержишь мундиръ». Такъ пріѣхали мы на мѣсто, а они уже тамъ насъ ожидаютъ. Разставили насъ, въ двѣнадцати шагахъ другъ отъ друга, ему первый выстрѣлъ; стою я предъ нимъ веселый, прямо лицомъ къ лицу, глазомъ не смигну, любя на него гляжу, знаю, что сдѣлаю. Выстрѣлилъ онъ, капельку лишь оцарапало мнѣ щеку да за ухо задѣло, — «слава Богу, кричу, не убили человѣка!» да свой-то пистолетъ схватилъ, оборотился назадъ, да швыркомъ вверхъ, въ лѣсъ и пустилъ: «Туда, кричу, тебѣ и дорога!» «Оборотился къ противнику: Милостивый государь, говорю, простите меня, глупаго молодаго человѣка, что по

винѣ моей васъ разобидѣлъ, а теперь стрѣлять въ себя заставилъ. Самъ я хуже васъ въ десять кратъ, а пожалуй еще и того больше. Передайте это той особѣ, которую чтите больше всѣхъ на свѣтѣ». Только что я это проговорилъ, — такъ всѣ трое они и закричали: «Помилуйте, говоритъ мой противникъ, — разсердился даже, — если вы не хотѣли драться, къ чему же безпокоили?» — «Вчера, говорю ему, — еще глупъ былъ, а сегодня поумнѣлъ», весело такъ ему отвѣчаю. — «Вѣрю про вчерашнее, говоритъ, но про сегодняшнее трудно заключить по вашему мнѣнію». — «Браво, кричу ему, въ ладоши захлопалъ, — я съ вами въ этомъ согласенъ, заслужилъ!» — «Будете ли, милостивый государь, стрѣлять или нѣтъ?» — «Не буду, говорю, а вы, если хотите, стрѣляйте еще разъ, только лучше бы вамъ не стрѣлять». Кричатъ и секунданты, особенно мой: «Какъ это срамить полкъ, на барьерѣ стоя прощенія просить, еслибы только я это зналъ!» Сталъ я тутъ предъ ними предъ всѣми и уже не смѣюсь: «Господа мои, говорю, неужели такъ теперь для нашего времени удивительно встрѣтить человѣка, который бы самъ покаялся въ своей глупости и повинился, въ чемъ самъ виноватъ, публично?» — «Да не на барьерѣ же», кричитъ мой секундантъ опять. — «То-то вотъ и есть, отвѣчаю имъ, это-то вотъ и удивительно, потому слѣдовало бы мнѣ повиниться только что прибыли сюда, еще прежде ихняго выстрѣла и не вводить ихъ въ великій и смертный грѣхъ, но до того безобразно, говорю, мы сами себя въ свѣтѣ устроили, что поступить такъ было почти и невозможно, ибо только послѣ того какъ я выдержалъ ихъ выстрѣлъ въ двѣнадцати шагахъ, слова мои могутъ что-нибудь теперь для нихъ значить, а если-бы до выстрѣла, какъ прибыли сюда, то сказали бы просто: трусъ, писто-

лета испугался и нечего его слушать. Господа, воскликнулъ я вдругъ отъ всего сердца, посмотрите кругомъ на дары Божіи: небо ясное, воздухъ чистый, травка нѣжная, птички, природа прекрасная и безгрѣшная, а мы, только мы одни безбожные, глупые и не понимаемъ, что жизнь есть рай, ибо стоитъ только намъ захотѣть понять и тотчасъ же онъ настанетъ во всей красотѣ своей, обнимемся мы и заплачемъ» . . . Хотѣлъ я и еще продолжать, да не смогъ, духъ даже у меня захватило сладостно, юно такъ, а въ сердцѣ такое счастье, какого и не ощущалъ никогда во всю жизнь. «Благоразумно все это и благочестиво, говоритъ мнѣ противникъ, — и во всякомъ случаѣ человѣкъ вы оригинальный». — «Смѣйтесь, смѣюсь и я ему, — а потомъ сами похвалите». — «Да я готовъ и теперь, говоритъ, похвалить, извольте, я протяну вамъ руку, потому, кажется, вы дѣйствительно искренній человѣкъ». — «Нѣтъ, говорю, сейчасъ не надо, а потомъ, когда я лучше сдѣлаюсь и уваженіе ваше заслужу, тогда протяните, хорошо сдѣлаете». Воротились мы домой, секундантъ мой всю-то дорогу бранится, а я-то его цѣлую. Тотчасъ всѣ товарищи прослышали, собрались меня судить въ тотъ же день: «мундиръ, дескать, замаралъ, пусть въ отставку подаетъ». Явились и защитники: «выстрѣлъ все же, говорятъ, онъ выдержалъ». — «Да, но побоялся другихъ выстрѣловъ, и просилъ на барьерѣ прощенія». — «А кабы побоялся выстрѣловъ, возражаютъ защитники, такъ изъ своего бы пистолета сначала выстрѣлилъ, прежде чѣмъ прощенія просить, а онъ въ лѣсъ его еще заряженный бросилъ, нѣтъ, тутъ что-то другое вышло, оригинальное». Слушаю я, весело на нихъ глядя: «Любезнѣйшіе мои, говорю я, друзья и товарищи, не безпокойтесь, чтобъ я въ отставку подалъ, потому что

это я уже и сдѣлалъ, я уже подалъ, сегодня же въ канцеляріи, утромъ, и когда получу отставку, тогда тотчасъ же въ монастырь пойду, для того и въ отставку подаю». Какъ только я это сказалъ, расхохотались всѣ до единаго: «Да ты-бъ съ самаго начала увѣдомилъ, ну теперь все и объясняется, монаха судить нельзя», смѣются, не унимаются, да и не насмѣшливо вовсе, а ласково такъ смѣются, весело, полюбили меня вдругъ всѣ, даже самые ярые обвинители, и потомъ весь-то этотъ мѣсяцъ, пока отставка не вышла, точно на рукахъ меня носятъ: «ахъ ты, монахъ», говорятъ. И всякій-то мнѣ ласковое слово скажетъ, отговаривать начали, жалѣть даже: «что ты надъ собой дѣлаешь?» — «Нѣтъ, говорятъ, онъ у насъ храбрый, онъ выстрѣлъ выдержалъ и изъ своего пистолета выстрѣлить могъ, а это ему сонъ наканунѣ приснился, чтобъ онъ въ монахи пошелъ, вотъ онъ отчего». Точно то же почти произошло и въ городскомъ обществѣ. Прежде особенно-то и не примѣчали меня, а только принимали съ радушіемъ, а теперь вдругъ всѣ наперерывъ узнали и стали звать къ себѣ: сами смѣются надо мной, а меня же любятъ. Замѣчу тутъ, что хотя о поединкѣ нашемъ всѣ вслухъ тогда говорили, но начальство это дѣло закрыло, ибо противникъ мой былъ генералу нашему близкимъ родственникомъ, а такъ какъ дѣло обошлось безъ крови, а какъ бы въ шутку, да и я, наконецъ, въ отставку подалъ, то и повернули дѣйствительно въ шутку. И сталъ я тогда вслухъ и безбоязненно говорить, не смотря на смѣхъ, потому что все же былъ смѣхъ не злобный, а добрый. Происходили же всѣ эти разговоры больше по вечерамъ въ дамскомъ обществѣ, женщины больше тогда полюбили меня слушать и мужчинъ заставляли. «Да какъ же это можно, чтобъ я за всѣхъ виноватъ

былъ, смѣется мнѣ всякій въ глаза, ну развѣ я могу быть за васъ напримѣръ виноватъ?» — «Да гдѣ, отвѣчаю имъ, вамъ это и познать, когда весь міръ давно уже на другую дорогу вышелъ, и когда сущую ложь за правду считаемъ да и отъ другихъ такой же лжи требуемъ. Вотъ я разъ въ жизни взялъ да и поступилъ искренно, и что же, сталъ для всѣхъ васъ точно юродивый: хоть и полюбили меня, а все же надо мной, говорю, смѣетесь». — «Да какъ васъ такого не любить?» — смѣется мнѣ вслухъ хозяйка, а собраніе у ней было многолюдное. Вдругъ, смотрю, подымается изъ среды дамъ та самая молодая особа, изъ-за которой я тогда на поединокъ вызвалъ, и которую столь недавно еще въ невѣсты себѣ прочилъ, а я и не замѣтилъ, какъ она теперь на вечеръ пріѣхала. Поднялась, подошла ко мнѣ, протянула руку: «Позвольте мнѣ, говоритъ, изъяснить вамъ, что я первая не смѣюсь надъ вами, а напротивъ со слезами благодарю васъ и уваженіе мое къ вамъ заявляю за тогдашній поступокъ вашъ». Подошелъ тутъ и мужъ ея, а затѣмъ вдругъ и всѣ ко мнѣ потянулись, чуть меня не цѣлуютъ.

2. Алеша.

Воспоминанія эти записаны были со словъ старца Зосимы молодымъ послушникомъ его монастыря, Алешею Карамазовымъ.

Алеша росъ въ сторонѣ отъ нимало не заботливаго объ немъ отца, лишившись матери еще въ раннемъ дѣтствѣ. Но онъ запомнилъ мать на всю жизнь; ея лицо, ея ласки: «точно какъ будто она стоитъ предо мной живая». Онъ запомнилъ одинъ вечеръ, лѣтній, тихій, отворенное окно, косые лучи заходящаго солнца (косые-то лучи и запомнились всего болѣе), въ ком-

натѣ въ углу образъ, предъ нимъ зажженную лампадку, а предъ образомъ на колѣняхъ мать свою, схватившую его въ обѣ руки, обнявшую его крѣпко до боли и молящую за него Богородицу, протягивающую его изъ объятій своихъ обѣими руками къ образу какъ бы подъ покровъ Богородицѣ . . .

Въ дѣтствѣ и юности Алеша былъ мало экспансивенъ и даже мало разговорчивъ, но не отъ недовѣрія, не отъ робости или угрюмой нелюдимости, вовсе даже, напротивъ, а отъ чего-то другого, отъ какой-то какъ бы внутренней заботы, собственно личной, до другихъ не касавшейся, но столь для него важной, что онъ изъза нея какъ бы забывалъ другихъ. Но людей онъ любилъ: онъ, казалось, всю жизнь жилъ совершенно вѣря въ людей, а между тѣмъ никто и никогда не считалъ его ни простячкомъ, ни наивнымъ человѣкомъ. Что-то было въ немъ, что говорило и внушало, что онъ не хочетъ быть судьей людей, что онъ не захочетъ взять на себя осужденія и ни за что не осудитъ.

Всѣ этого юношу любили, гдѣ бы онъ ни появился, и это съ самыхъ дѣтскихъ даже лѣтъ его. Очутившись въ домѣ своего благодѣтеля и воспитателя Ефима Петровича Полѣнова, онъ до того привязалъ къ себѣ всѣхъ въ этомъ семействѣ, что его рѣшительно считали тамъ какъ бы за родное дитя. А между тѣмъ онъ вступилъ въ этотъ домъ еще въ такихъ младенческихъ лѣтахъ, въ какихъ никакъ нельзя ожидать въ ребенкѣ разсчетливой хитрости, или искусства заискать и понравиться, умѣнья заставить себя полюбить. Такъ что даръ возбуждать къ себѣ особенную любовь онъ заключалъ въ себѣ, такъ сказать, въ самой природѣ, безъискусственно и непосредственно. То же самое было съ нимъ и въ школѣ, и однакоже, казалось бы, онъ именно

былъ изъ такихъ дѣтей, которыя возбуждаютъ къ себѣ недовѣріе товарищей, иногда насмѣшки, а пожалуй и ненависть. Онъ напримѣръ задумывался и какъ бы отъединялся. Онъ съ самаго дѣтства любилъ уходить въ уголъ и книжки читать, и однакоже и товарищи его до того полюбили, что рѣшительно можно было назвать его всеобщимъ любимцемъ во все время пребыванія его въ школѣ. Онъ рѣдко бывалъ рѣзвъ, даже рѣдко веселъ, но всѣ, взглянувъ на него, тотчасъ видѣли, что это вовсе не отъ какой-нибудь въ немъ угрюмости, что напротивъ онъ ровенъ и ясенъ. Между сверстниками онъ никогда не хотѣлъ выставляться. Можетъ, по этому самому онъ никогда и никого не боялся, а между тѣмъ мальчики тотчасъ поняли, что онъ вовсе не гордится своимъ безстрашіемъ, а смотритъ, какъ будто и не понимаетъ, что онъ смѣлъ и безстрашенъ. Обиды никогда не помнилъ. Случалось, что черезъ часъ послѣ обиды онъ отвѣчалъ обидчику, или самъ съ нимъ заговаривалъ, съ такимъ довѣрчивымъ и яснымъ видомъ, какъ будто ничего и не было между ними вовсе. И не то, чтобъ онъ при этомъ имѣлъ видъ, что случайно забылъ или намѣренно простилъ обиду, а просто не считалъ ее за обиду, и это рѣшительно плѣняло и покоряло дѣтей. Кстати, въ классахъ онъ всегда стоялъ по ученію изъ лучшихъ, но никогда не былъ отмѣченъ первымъ.

Когда умеръ Ефимъ Петровичъ, Алеша два года еще пробылъ въ губернской гимназіи. Неутѣшная супруга Ефима Петровича почти тотчасъ же по смерти его отправилась на долгій срокъ въ Италію со всѣмъ семействомъ, состоявшимъ все изъ особъ женскаго пола, а Алеша попалъ въ домъ къ какимъ-то двумъ дамамъ, которыхъ онъ прежде никогда и не видывалъ, какимъ-то дальнимъ родственницамъ Ефима Пет-

ровича, но на какихъ условіяхъ, онъ самъ того не зналъ. Характерная тоже, и даже очень, черта его была въ томъ, что онъ никогда не заботился, на чьи средства живетъ. Но эту странную черту въ характерѣ Алексѣя, кажется, нельзя было осудить очень строго, потому что всякій, чуть-чуть лишь узнавшій его, тотчасъ же при возникшемъ на этотъ счетъ вопросѣ, становился увѣренъ, что Алексѣй непремѣнно изъ такихъ юношей въ родѣ какъ-бы юродивыхъ, которому, попади вдругъ хотя-бы даже цѣлый капиталъ, то онъ не затруднится отдать его по первому спросу на доброе дѣло. Да и вообще говоря, онъ какъ бы вовсе не зналъ цѣны деньгамъ, разумѣется, не въ буквальномъ смыслѣ говоря. Когда ему выдавали карманныя деньги, которыхъ онъ самъ никогда не просилъ, то онъ или по цѣлымъ недѣлямъ не зналъ, что съ ними дѣлать, или ужасно ихъ не берегъ, мигомъ они у него исчезали. Можно бы сказать, что еслибъ его оставили вдругъ одного безъ денегъ на площади незнакомаго въ милліонъ жителей города, онъ ни за что бы не погибъ и не умеръ съ голоду и холоду, потому что его мигомъ накормили бы, мигомъ пристроили, а еслибъ не пристроили, то онъ самъ мигомъ пристроился бы и это не стоило бы ему никакихъ усилій и никакого униженія а пристроившему никакой тягости, а можетъ-быть напротивъ почли бы за удовольствіе.

Въ гимназіи своей онъ курса не кончилъ. Ему оставался еще цѣлый годъ, какъ вдругъ онъ объявилъ своимъ дамамъ, что ѣдетъ къ отцу по одному дѣлу, которое взбрело ему въ голову. Тѣ очень жалѣли его и не хотѣли было пускать. Проѣздъ стоилъ очень не дорого и дамы не позволили ему заложить свои часы, — подарокъ семейства благодѣтеля передъ отъѣздомъ за-гра-

ницу, а роскошно снабдили его средствами, даже новымъ платьемъ и бѣльемъ. Онъ однако отдалъ имъ половину денегъ назадъ, объявивъ, что непремѣнно хочетъ сидѣть въ третьемъ классѣ. Пріѣхавъ въ нашъ городокъ, онъ на первые разспросы родителя: «Зачѣмъ именно пожаловалъ, не докончивъ курса?» прямо ничего не отвѣтилъ, а былъ, какъ говорятъ, не по обыкновенному задумчивъ. Вскорѣ обнаружилось, что онъ просто рвался на могилу къ матери. Онъ и самъ бы не зналъ и не смогъ бы ни за что объяснить: что именно такое какъ бы поднялось вдругъ изъ его души и неотразимо повлекло его на какую-то новую, невѣдомую, но неизбѣжную дорогу. Алеша не выказалъ на могилкѣ матери никакой особенной чувствительности; онъ только выслушалъ важный и резонный разсказъ слуги Григорія о сооруженіи плиты, постоялъ понурившись и ушелъ, не вымолвивъ ни слова. Съ тѣхъ поръ, можетъ-быть, даже во весь годъ и не бывалъ на кладбищѣ.

И вотъ довольно скоро послѣ обрѣтенія могилы матери, Алеша вдругъ объявилъ, что хочетъ поступить въ монастырь и что монахи готовы допустить его послушникомъ. Онъ объяснилъ при этомъ отцу, что это чрезвычайное желаніе его и что испрашиваетъ онъ у него торжественное позволеніе. Старикъ уже зналъ, что старецъ Зосима, спасавшійся въ монастырскомъ скитѣ, произвелъ на его «тихаго мальчика» особенное впечатлѣніе. Алеша привязался къ старцу всею горячею первою любовью своего неутолимаго сердца.

Можетъ-быть, кто изъ читателей подумаетъ, что этотъ юноша былъ блѣдный мечтатель, чахлый и испитой человѣчекъ. Напротивъ, Алеша былъ статный, краснощекій, со свѣтлымъ взоромъ, пышащій здоровьемъ девятнадцатилѣтній

подростокъ. Онъ былъ даже очень красивъ собою, строенъ, средне-высокаго роста, темнорусъ, съ правильнымъ, хотя нѣсколько удлиненнымъ оваломъ лица, съ блестящими темносѣрыми широко разставленными глазами, весьма задумчивый и повидимому весьма спокойный.

Это былъ юноша, требующій правды, ищущій ее и вѣрующій въ нее, и, увѣровавъ, требующій немедленнаго участія въ ней всею силой души своей. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые жаждутъ скораго подвига. Сказано: «Раздай все и иди за мной, если хочешь быть совершенъ». Алеша и сказалъ себѣ: «Не могу я отдать вмѣсто «всего» два рубля, а вмѣсто «иди за мной» ходить лишь къ обѣднѣ». Изъ воспоминаній его младенчества можетъ быть сохранилось нѣчто о монастырѣ, куда возила его мать къ обѣднѣ. Можетъ-быть, подѣйствовали и косые лучи заходящаго солнца предъ образомъ, къ которому его протягивала его мать. Задумчивый онъ пріѣхалъ въ монастырь, можетъ-быть, только лишь посмотрѣть: «все» ли тутъ или и тутъ только «два рубля» и — въ монастырѣ встрѣтилъ старца Зосиму. Алеша жилъ въ самой кельѣ старца, который очень полюбилъ его и допустилъ къ себѣ. Надо замѣтить, что Алеша, живя въ монастырѣ, былъ еще ничѣмъ не связанъ, могъ выходить куда угодно хоть на цѣлые дни, и если носилъ свой подрясникъ, то добровольно, чтобы ни отъ кого въ монастырѣ не отличаться. Но ужъ конечно это ему и самому нравилось. Можетъ-быть, на юношеское воображеніе Алеши сильно подѣйствовала та сила и слава, которая окружала безпрерывно его старца. Про старца Зосиму говорили многіе, что онъ, допуская къ себѣ столь многіе годы всѣхъ приходившихъ къ нему исповѣдывать сердце свое и жаждавшихъ отъ него совѣта и врачебнаго слова, — до того много

принялъ въ душу свою откровеній, сокрушеній, сознаній, что подъ конецъ пріобрѣлъ прозорливость уже столь тонкую, что съ перваго взгляда на лицо незнакомаго, приходившаго къ нему, могъ угадывать: съ чѣмъ тотъ пришелъ, чего тому нужно, и даже какого рода мученіе терзаетъ его совѣсть, и удивлялъ, смущалъ и почти пугалъ иногда пришедшаго такимъ знаніемъ тайны его, прежде чѣмъ тотъ молвилъ слово. Но при этомъ Алеша почти всегда замѣчалъ, что многіе, почти всѣ, входившіе въ первый разъ къ старцу на уединенную бесѣду, входили въ страхѣ и безпокойствѣ, а выходили отъ него почти всегда свѣтлыми и радостными, и самое мрачное лицо обращалось въ счастливое. Алешу необыкновенно поражало и то, что старецъ былъ вовсе не строгъ; напротивъ, былъ всегда почти веселъ въ обхожденіи. Монахи про него говорили, что онъ именно привязывается душой къ тому кто грѣшнѣе, и кто всѣхъ болѣе грѣшенъ, того онъ всѣхъ болѣе и возлюбитъ. У Алеши дрожало сердце и весь какъ бы сіялъ онъ, когда старецъ выходилъ къ толпѣ ожидавшихъ его у монастырскихъ вратъ богомольцевъ изъ простого народа, нарочно чтобы видѣть старца и благословиться у него стекавшагося со всей Россіи. Они повергались предъ нимъ, плакали, цѣловали ноги его, цѣловали землю, на которой онъ стоитъ, вопили, бабы протягивали къ нему дѣтей своихъ, подводили больныхъ. Старецъ говорилъ съ ними, читалъ надъ ними краткую молитву, благословлялъ и отпускалъ ихъ. Въ послѣднее время отъ припадковъ болѣзни онъ становился иногда такъ слабъ, что едва бывалъ въ силахъ выйти изъ кельи и богомольцы ждали иногда въ монастырѣ его выхода по нѣскольку дней. Для Алеши не составляло никакого вопроса, за что они его такъ любятъ, за что они повергаются

предъ нимъ и плачутъ отъ умиленія, завидѣвъ лишь лицо его. О, онъ отлично понималъ, что для смиренной души русскаго простолюдина, измученной трудомъ и горемъ, а главное всегдашнею несправедливостью и всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ и міровымъ, нѣтъ сильнѣе потребности и утѣшенія, какъ обрѣсти святыню или святаго, пасть предъ нимъ и поклониться ему: «Если у насъ грѣхъ, неправда и искушеніе, то все равно, есть на землѣ тамъ-то, гдѣ-то, святой и высшій; у того за то правда, тотъ за то знаетъ правду; значитъ не умираетъ она на землѣ, а стало быть когда-нибудь и къ намъ перейдетъ и воцарится во всей землѣ, какъ обѣщано». Зналъ Алеша, что такъ именно и чувствуетъ и даже разсуждаетъ народъ, онъ понималъ это, но то, что старецъ именно и есть этотъ самый святой, этотъ хранитель Божьей правды въ глазахъ народа — въ этомъ онъ не сомнѣвался нисколько и самъ, вмѣстѣ съ этими плачущими мужиками и больными ихъ бабами, протягивающими старцу дѣтей своихъ. Убѣжденіе же въ томъ, что старецъ, почивши, доставитъ необычайную славу монастырю, царило въ душѣ Алеши, можетъ-быть, даже сильнѣе, чѣмъ у кого бы то ни было въ монастырѣ. И вообще все это послѣднее время какой-то глубокій, пламенный внутренній восторгъ все сильнѣе и сильнѣе разгорался въ его сердцѣ. Не смущало его нисколько, что этотъ старецъ все таки стоитъ предъ нимъ единицей: «Все равно, онъ святъ, въ его сердцѣ тайна обновленія для всѣхъ, та мощь, которая установитъ наконецъ правду на землѣ, и будутъ всѣ святы, и будутъ любить другъ друга, и не будетъ ни богатыхъ ни бѣдныхъ, ни возвышающихся ни униженныхъ, а будутъ всѣ какъ дѣти Божіи и наступитъ настоящее царство Христово». Вотъ что грезилось сердцу Алеши.

Жизнь старца видимо склонялась къ закату, но старецъ до послѣдняго издыханія былъ на ногахъ и принималъ желающихъ воспользоваться его бесѣдой. Алеша, по настоянію самого старца, часто оставлялъ его въ послѣдніе дни его жизни, чтобы бывать въ городѣ и принимать участіе въ дѣлахъ своихъ братьевъ. Имъ, по ихъ нраву, непохожему на его тихій нравъ, грозило впереди недоброе.

«Я тебя, Алексѣй, много разъ благословлялъ мысленно въ жизни моей», проговорилъ ему старецъ, замѣтивъ, что онъ вернулся и находится тутъ же посреди его посѣтителей. «Мыслю о тебѣ такъ, съ тихой улыбкой договорилъ старецъ; изыдешь изъ стѣнъ сихъ, а въ міру пребудешь какъ инокъ». Въ ту-же ночь слишкомъ неожиданно для всѣхъ старца уже не стало. Забота о братьяхъ, согласно завѣту старца, заставила Алешу оставить на слѣдующее утро его тѣло и опять отлучиться въ городъ.

Было уже очень поздно по монастырскому, когда Алеша вернулся изъ города; его пропустилъ привратникъ особымъ путемъ. Пробило уже девять часовъ, — часъ общаго отдыха и покоя послѣ столь тревожнаго для всѣхъ дня. Алеша робко отворилъ дверь и вступилъ въ келью старца, въ которой теперь стоялъ гробъ его. Кромѣ отца Паисія, уединенно читавшаго надъ гробомъ Евангеліе, и юноши послушника Порфирія, утомленнаго вчерашнею ночною бесѣдой и сегодняшнею суетой, и спавшаго въ другой комнатѣ на полу своимъ крѣпкимъ молодымъ сномъ, въ кельѣ никого не было. Отецъ Паисій, хоть и слышалъ, что вошелъ Алеша, но даже и не посмотрѣлъ въ его сторону. Алеша повернулъ вправо отъ двери въ уголъ, сталъ на колѣни и началъ молиться. Душа его была переполнена, но какъ-то смутно, и ни одно ощущеніе не вы-

дѣлялось слишкомъ сказываясь, напротивъ, одно вытѣсняло другое въ какомъ-то тихомъ, ровномъ коловращеніи. Но сердцу было сладко и, странно, Алеша не удивлялся тому. Опять видѣлъ онъ предъ собою этотъ гробъ, этого закрытаго кругомъ драгоцѣннаго ему мертвеца, но плачущей, ноющей, мучительной жалости не было въ душѣ его, какъ давеча утромъ. Предъ гробомъ, сейчасъ войдя, онъ палъ какъ предъ святыней, но радость, радость сіяла въ умѣ его и въ сердцѣ его. Онъ тихо началъ молиться, но вскорѣ самъ почувствовалъ, что молится почти совсѣмъ машинально. Обрывки мыслей мелькали въ душѣ его, загорались какъ звѣздочки и тутъ же гасли, смѣняясь другими, но за то царило въ душѣ что-то цѣлое, твердое, утоляющее, и онъ сознавалъ это самъ. Иногда онъ пламенно начиналъ молитву, ему такъ хотѣлось благодарить и любить ... Но, начавъ молитву, переходилъ на что-нибудь другое, задумывался, забывалъ и молитву и то, чѣмъ прервалъ ее. Сталъ было слушать, что читалъ отецъ Паисій, но, утомленный очень, мало по малу началъ дремать ...

«И въ третій день бракъ бысть въ Канѣ Галилейстѣй, читалъ отецъ Паисій, и бѣ Мати Іисусова ту, Званъ же бысть Іисусъ и ученицы его на бракъ».

«...И не доставшу віну, глагола Мати Іисусова къ Нему: віна не имутъ» ... слышалось Алешѣ.

— Ахъ да, я тутъ пропустилъ, а не хотѣлъ пропускать, я это мѣсто люблю: Это Кана Галилейская, первое чудо ... Ахъ это чудо, ахъ это милое чудо! Не горе, а радость людскую посѣтилъ Христосъ, въ первый разъ сотворяя чудо, радости людской помогъ ... «Кто любитъ людей, тотъ и радость ихъ любитъ» ... Это по-

вторялъ покойникъ поминутно, это одна изъ главнѣйшихъ мыслей его была . . . Все что истинно и прекрасно, всегда полно всепрощенія, — это опять-таки онъ говорилъ . . .

«. . . Глагола ей Іисусъ: что есть Мнѣ и тебѣ, жено; не у пріиде часъ Мой. Глагола Мати Его слугамъ: еже аще глаголетъ вамъ, сотворите».

— Сотворите . . . Радость, радость какихъ-нибудь бѣдныхъ, очень бѣдныхъ людей . . . Ужъ конечно бѣдныхъ, коли даже на свадьбу вина не достало . . . Вонъ пишутъ историки, что около озера Генисаретскаго и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ разселено было тогда самое бѣднѣйшее населеніе, какое только можно вообразить . . . И знало же другое великое сердце другого великаго существа, бывшаго тутъ же, Матери Его, что не для одного лишь великаго страшнаго подвига Своего сошелъ Онъ тогда, а что доступно сердцу Его и простодушное немудрое веселіе какихъ-нибудь темныхъ, темныхъ и не хитрыхъ существъ, ласково позвавшихъ Его на убогій бракъ ихъ. «Не пришелъ еще часъ Мой», говоритъ онъ съ тихою улыбкой (непремѣнно улыбнулся ей кротко) . . . Въ самомъ дѣлѣ, неужто для того, чтобъ умножать вино на бѣдныхъ свадьбахъ сошелъ Онъ на землю? А вотъ пошелъ же и сдѣлалъ же по Ея просьбѣ . . . Ахъ, онъ опять читаетъ:

«. . . Глагола имъ Іисусъ: наполните водоносы воды, и наполниша ихъ до верха.

«И глагола имъ: почерпните нынѣ и принесите архітріклінови, и принесоша.

«Якоже вкуси архітріклінъ віна, бывшаго отъ воды, и не вѣдяше откуду есть: слуги же вѣдяху почерпшіи воду: пригласи жениха архітріклінъ:

«И глагола ему: всякъ человѣкъ прежде доброе віно полагаетъ, и егда упіются,

тогда худшее: ты же соблюлъ еси доброе віно доселѣ».

— Но что это, что это? Почему раздвигается комната . . . Ахъ да . . . вѣдь это бракъ, свадьба . . . да, конечно. Вотъ и гости, вотъ и молодые сидятъ и веселая толпа и . . . гдѣ же премудрый Архитриклинъ? Но кто это? Кто? Опять раздвинулась комната . . . Кто встаетъ тамъ изъ-за большого стола? Какъ . . . И онъ здѣсь? Да вѣдь онъ во гробѣ . . . Но онъ и здѣсь . . . всталъ, увидалъ меня, идетъ сюда . . . Господи! . . .

Да, къ нему, къ нему подошелъ онъ, сухенькій старичокъ, съ мелкими морщинками на лицѣ, радостный и тихо смѣющійся. Гроба ужъ нѣтъ, и онъ въ той же одеждѣ какъ и вчера сидѣлъ съ нимъ, когда собрались къ нему гости. Лицо все открытое, глаза сіяютъ. Какъ же это, онъ, стало быть, тоже на пирѣ, тоже званный на бракъ въ Канѣ Галилейской . . .

— Тоже, милый, тоже званъ, званъ и призванъ, раздается надъ нимъ тихій голосъ. — Зачѣмъ сюда схоронился, что не видать тебя . . . пойдемъ и ты къ намъ.

Голосъ его, голосъ старца Зосимы . . . Да и какъ же не онъ, коль зоветъ? Старецъ приподнялъ Алешу рукой, тотъ поднялся съ колѣнъ.

— Веселимся, продолжаетъ сухенькій старичокъ, — пьемъ вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей? Вотъ и женихъ и невѣста, вотъ и премудрый Архитриклинъ, вино новое пробуетъ. Чего дивишься на меня? А видишь-ли Солнце наше, видишь-ли ты Его?

— Боюсь . . . не смѣю глядѣть . . . прошепталъ Алеша.

— Не бойся Его. Страшенъ величіемъ предъ нами, ужасенъ высотою Своею, но милостивъ

безконечно, намъ изъ любви уподобился и веселится съ нами, воду въ вино превращаетъ, чтобы не пресѣкалась радость гостей, новыхъ гостей ждетъ, новыхъ безпрерывно зоветъ и уже на вѣки вѣковъ. Вонъ и вино несутъ новое, видишь, сосуды несутъ...

Что-то горѣло въ сердцѣ Алеши, что-то наполнило его вдругъ до боли, слезы восторга рвались изъ души его . . . Онъ простеръ руки, вскрикнулъ и проснулся.

Опять гробъ, отворенное окно и тихое, важное, раздѣльное чтеніе Евангелія. Но Алеша уже не слушалъ, что читаютъ. Странно, онъ заснулъ на колѣняхъ, а теперь стоялъ на ногахъ, и вдругъ, точно сорвавшись съ мѣста, тремя твердыми скорыми шагами подошелъ вплоть ко гробу. Даже задѣлъ плечомъ отца Паисія и не замѣтилъ того. Тотъ на мгновеніе поднялъ было глаза на него отъ книги, но тотчасъ же отвелъ ихъ опять, понявъ, что съ юношей что-то случилось странное. Алеша глядѣлъ съ полминуты на гробъ, на закрытаго, недвижимаго, протянутаго въ гробу мертвеца, съ иконой на груди и съ куколемъ съ восьмиконечнымъ крестомъ на головѣ. Сейчасъ только онъ слышалъ голосъ его и голосъ этотъ еще раздавался въ его ушахъ. Онъ еще прислушивался, онъ ждалъ еще звуковъ . . . но вдругъ, круто повернувшись, вышелъ изъ кельи.

Онъ не остановился на крылечкѣ, но быстро сошелъ внизъ. Полная восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошные цвѣты въ клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная какъ бы сливалась съ не-

бесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною . . . Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ какъ подкошенный повергся на землю.

Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ. «Облей землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои» . . . прозвенѣло въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны и не стыдился изступленія сего. Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала, соприкасаясь мірамъ инымъ. Простить хотѣлось ему всѣхъ и за все, и просить прощенія, о! не себѣ, а за всѣхъ, за все и за вся, а «за меня и другіе просятъ», прозвенѣло опять въ душѣ его. Но съ каждымъ мгновеніемъ онъ чувствовалъ явно и какъ бы осязательно, какъ что-то твердое и незыблемое, какъ этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то какъ бы идея воцарялась въ умѣ его — и уже на всю жизнь и на вѣки вѣковъ. Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцемъ, и созналъ и почувствовалъ это вдругъ, въ ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не могъ забыть Алеша во всю жизнь свою потомъ этой минуты. «Кто-то посѣтилъ мою душу въ тотъ часъ», говорилъ онъ потомъ съ твердою вѣрой въ слова свои . . .

Черезъ три дня онъ вышелъ изъ монастыря, что согласовалось и со словомъ покойнаго старца его, повелѣвшаго ему «пребывать въ міру».

Илюшечка.

1. Школьники.

Разъ, когда Алеша Карамазовъ проходилъ по городу, съ нимъ вдругъ случилось одно происшествіе, на видъ хоть и не очень важное, но сильно его поразившее. Какъ только онъ прошелъ площадь и свернулъ въ переулокъ, чтобы выйти въ Михайловскую улицу, параллельную Большой, но отдѣлявшуюся отъ нея лишь канавкой, онъ увидѣлъ внизу предъ мостикомъ маленькую кучку школьниковъ, все малолѣтнихъ дѣтокъ, отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ, не больше. Они расходились по домамъ изъ класса со своими ранчиками за плечами, другіе съ кожанными мѣшечками на ремняхъ черезъ плечо, одни въ курточкахъ, другіе въ пальтишкахъ, а иные и въ высокихъ сапогахъ со складками на голенищахъ, въ какихъ особенно любятъ щеголять маленькія дѣтки, которыхъ балуютъ зажиточные отцы. Вся группа оживленно о чемъ-то толковала, повидимому, совѣщалась: Алеша никогда не могъ безучастно проходить мимо ребятокъ, въ Москвѣ тоже это бывало съ нимъ, и хоть онъ больше всего любилъ трехлѣтнихъ дѣтей или около того, но и школьники лѣтъ десяти, одиннадцати ему очень нравились. А потому, какъ ни озабоченъ онъ былъ теперь, но ему вдругъ захотѣлось свернуть къ нимъ и вступить

въ разговоръ. Подходя, онъ вглядывался въ ихъ румяныя оживленныя личики и вдругъ увидалъ, что у всѣхъ мальчиковъ было въ рукахъ по камню, у другихъ такъ по два. За канавкой же, примѣрно шагахъ въ тридцати отъ группы, стоялъ у забора и еще мальчикъ, тоже школьникъ, тоже съ мѣшечкомъ на боку, по росту лѣтъ десяти не больше или даже меньше того, — блѣдненькій, болѣзненный и со сверкавшими черными глазками. Онъ внимательно и пытливо наблюдалъ группу шести школьниковъ изъ школы, но съ которыми онъ видимо былъ во враждѣ. Алеша подошелъ и, обратясь къ одному курчавому, бѣлокурому, румяному мальчику въ черной курточкѣ, замѣтилъ, оглядѣвъ его:

— Когда я носилъ вотъ такой какъ у васъ мѣшочекъ, такъ у насъ носили на лѣвомъ боку, чтобы правою рукой тотчасъ достать; а у васъ вашъ мѣшокъ на правомъ боку, вамъ неловко доставать.

— Да онъ лѣвша, отвѣтилъ тотчасъ же другой мальчикъ, молодцоватый и здоровый, лѣтъ одиннадцати. Всѣ остальные пять мальчиковъ уперлись глазами въ Алешу.

— Онъ и камни лѣвшой бросаетъ, замѣтилъ третій мальчикъ. Въ это мгновеніе въ группу какъ разъ влетѣлъ камень, задѣлъ слегка мальчика-лѣвшу, но пролетѣлъ мимо, хотя пущенъ былъ ловко и энергически. Пустилъ же его мальчикъ за канавкой.

— Лупи его, сажай въ него, Смуровъ! закричали всѣ. Но Смуровъ (лѣвша) и безъ того не заставилъ ждать себя и тотчасъ отплатилъ: онъ бросилъ камнемъ въ мальчика за канавкой, но неудачно; камень ударился въ землю. Мальчикъ за канавкой тотчасъ же пустилъ еще въ группу камень, на этотъ разъ прямо въ Алешу и довольно больно ударилъ его въ плечо. У

мальчишки за канавкой весь карманъ былъ полонъ заготовленными камнями. Это видно было за тридцать шаговъ по отдувшимся карманамъ его пальтишка.

— Это онъ въ васъ, въ васъ, онъ нарочно въ васъ мѣтилъ. Вѣдь вы Карамазовъ, Карамазовъ? закричали хохоча мальчики. — Ну, всѣ разомъ въ него, пали!

И шесть камней разомъ вылетѣли изъ группы. Одинъ угодилъ мальчику въ голову и тотъ упалъ, но мигомъ вскочилъ и съ остервенѣніемъ началъ отвѣчать въ группу камнями. Съ обѣихъ сторонъ началась непрерывная перестрѣлка, у многихъ въ группѣ тоже оказались въ карманѣ заготовленные камни.

— Что вы это! Не стыдно-ли, господа! Шестеро на одного, да вы убьете его! закричалъ Алеша.

Онъ выскочилъ и сталъ на встрѣчу летящимъ камнямъ, чтобы загородить собою мальчика за канавкой. Трое или четверо на минутку унялись.

— Онъ самъ первый началъ! закричалъ мальчикъ въ красной рубашкѣ раздраженнымъ дѣтскимъ голоскомъ,— онъ подлецъ, онъ давеча въ классѣ Красоткина перочиннымъ ножикомъ пырнулъ, кровь потекла. Красоткинъ только фискалить не хотѣлъ, а этого надо избить . . .

— Да за что? Вы вѣрно сами его дразните?

— А вотъ онъ опять вамъ камень въ спину прислалъ. Онъ васъ знаетъ, закричали дѣти. — Это онъ въ васъ теперь кидаетъ, а не въ насъ. Ну, всѣ, опять въ него, не промахивайся, Смуровъ!

И опять началась перестрѣлка, на этотъ разъ очень злая. Мальчику за канавкой ударило камнемъ въ грудь; онъ вскрикнулъ, заплакалъ и побѣжалъ вверхъ въ гору, на Михайловскую

улицу. Въ группѣ загалдѣли: «Ага, струсилъ, бѣжалъ, мочалка!»

— Вы еще не знаете, Карамазовъ, какой онъ подлый, его убить мало, повторилъ мальчикъ въ курточкѣ, съ горящими глазенками, старше всѣхъ, повидимому.

— А какой онъ? спросилъ Алеша. — Фискалъ, что-ли?

Мальчики переглянулись какъ будто съ усмѣшкой.

— Вы туда же идете въ Михайловскую? продолжалъ тотъ же мальчикъ. — Такъ вотъ догоните-ка его . . . Вонъ, видите, онъ остановился опять, ждетъ и на васъ глядитъ.

— На васъ глядитъ, на васъ глядитъ! подхватили мальчики.

— Такъ вотъ и спросите его, любитъ-ли онъ банную мочалку, растрепанную. Слышите, такъ и спросите.

Раздался общій хохотъ. Алеша смотрѣлъ на нихъ, а они на него.

— Не ходите, онъ васъ зашибетъ, закричалъ предупредительно Смуровъ.

— Господа, я его спрашивать о мочалкѣ не буду, потому что вы вѣрно его этимъ какъ-нибудь дразните, но я узнаю отъ него, за что вы его такъ ненавидите . . .

— Узнайте-ка, узнайте-ка, засмѣялись мальчики.

Алеша перешелъ мостикъ и пошелъ въ горку мимо забора прямо къ опальному мальчику.

— Смотрите, кричали ему вслѣдъ предупредительно, — онъ васъ не побоится, онъ вдругъ пырнетъ, изподтишка . . . какъ Красоткина.

Мальчикъ ждалъ его, не двигаясь съ мѣста. Подойдя совсѣмъ, Алеша увидѣлъ предъ собою ребенка не болѣе девяти лѣтъ отъ роду, изъ слабыхъ и малорослыхъ, съ блѣдненькимъ, худень-

кимъ продолговатымъ личикомъ, съ большими, темными и злобно смотрѣвшими на него глазами. Одѣтъ онъ былъ въ довольно ветхое старенькое пальтишко, изъ котораго уродливо выросъ. Голыя руки торчали изъ рукавовъ. На правомъ колѣнкѣ панталонъ была большая заплатка, а на правомъ сапогѣ, на носкѣ, гдѣ большой палецъ, большая дырка, видно, что сильно замазанная чернилами. Въ оба отдувшіеся кармашка его пальто были набраны камни. Алеша остановился предъ нимъ въ двухъ шагахъ, вопросительно смотря на него. Мальчикъ, догадавшись тотчасъ по глазамъ Алеши, что тотъ его бить не хочетъ, тоже спустилъ куражу и самъ даже заговорилъ.

— Я одинъ, а ихъ шесть . . . Я ихъ всѣхъ перебью одинъ, сказалъ онъ вдругъ, сверкнувъ глазами.

— Васъ одинъ камень должно быть очень больно ударилъ, замѣтилъ Алеша.

— А я Смурову въ голову попалъ! воскликнулъ мальчикъ.

— Они мнѣ тамъ сказали, что вы меня знаете и за что-то въ меня камнемъ бросили? спросилъ Алеша.

Мальчикъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— Я васъ не знаю. Развѣ вы меня знаете? допрашивалъ Алеша.

— Не приставайте! вдругъ раздражительно вскрикнулъ мальчикъ, самъ однакожъ не двигаясь съ мѣста, какъ бы все чего-то выжидая и опять злобно засверкавъ глазенками.

— Хорошо, я пойду, сказалъ Алеша, — только я васъ не знаю и не дразню. Они мнѣ сказали, какъ васъ дразнятъ, но я васъ не хочу дразнить, прощайте!

— Монахъ въ гарнитуровыхъ штанахъ! крикнулъ мальчикъ, все тѣмъ же злобнымъ и вызывающимъ взглядомъ слѣдя за Алешей, да кстати

и ставъ въ позу, разсчитывая, что Алеша непремѣнно бросится на него теперь, но Алеша повернулся, поглядѣлъ на него и пошелъ прочь. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ въ спину его больно ударился пущенный мальчикомъ самый большой булыжникъ, который только былъ у него въ карманѣ.

— Такъ вы сзади? Они правду, стало быть, говорятъ про васъ, что вы нападаете изподтишка? обернулся Алеша, но на этотъ разъ мальчишка съ остервенѣніемъ опять пустилъ въ Алешу камнемъ и уже прямо въ лицо, но Алеша успѣлъ заслониться во время и камень ударилъ его въ локоть.

— Какъ вамъ не стыдно! Что я вамъ сдѣлалъ, вскричалъ онъ.

Мальчикъ молча и задорно ждалъ лишь одного, что вотъ теперь Алеша уже несомнѣнно на него бросится; видя же, что тотъ даже и теперь не бросается, совершенно озлился какъ звѣренокъ: онъ сорвался съ мѣста и кинулся самъ на Алешу, и не успѣлъ тотъ шевельнуться, какъ злой мальчишка, нагнувъ голову и схвативъ обѣими руками его лѣвую руку, больно укусилъ ему средній ея палецъ. Онъ впился въ него зубами и секундъ десять не выпускалъ его. Алеша закричалъ отъ боли, дергая изо всей силы палецъ. Мальчикъ выпустилъ его, наконецъ, и отскочилъ на прежнюю дистанцію. Палецъ былъ больно прокушенъ, у самаго ногтя, глубоко, до кости! Полилась кровь. Алеша вынулъ платокъ и крѣпко обернулъ раненную руку. Обертывалъ онъ почти цѣлую минуту. Мальчишка все это время стоялъ и ждалъ. Наконецъ, Алеша поднялъ на него свой тихій взоръ.

— Ну хорошо, сказалъ онъ, — видите, какъ вы меня больно укусили, ну и довольно вѣдь, такъ ли? Теперь скажите, что я вамъ сдѣлалъ?

Мальчикъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Я хоть васъ совсѣмъ не знаю и въ первый разъ вижу, все также спокойно продолжалъ Алеша, — но не можетъ быть, чтобъ я вамъ ничего не сдѣлалъ, — не стали бы вы меня такъ мучить даромъ. Такъ что же я сдѣлалъ и чѣмъ я виноватъ предъ вами, скажите?

Вмѣсто отвѣта, мальчикъ вдругъ громко заплакалъ, въ голосъ, и вдругъ побѣжалъ отъ Алеши. Алеша пошелъ тихо вслѣдъ за нимъ на Михайловскую улицу и долго еще видѣлъ онъ, какъ бѣжалъ вдали мальчикъ, не умаляя шагу, не оглядываясь и вѣрно все также въ голосъ плача. Онъ положилъ непремѣнно, какъ только найдется время, разыскать его и разъяснить эту чрезвычайно поразившую его загадку.

Теперь ему надо было зайти къ невѣстѣ своего брата Дмитрія. Чуть увидавъ его, она обратилась къ нему съ такими словами:

— Недѣлю, — да, кажется, недѣлю назадъ, — Дмитрій Ѳедоровичъ сдѣлалъ одинъ горячій и несправедливый поступокъ, очень безобразный. Тутъ есть одно нехорошее мѣсто, одинъ трактиръ. Въ немъ онъ встрѣтилъ этого отставного офицера, штабсъ-капитана этого, котораго вашъ батюшка употреблялъ по какимъ-то своимъ дѣламъ. Разсердившись почему-то на этого штабсъ-капитана, Дмитрій Ѳедоровичъ схватилъ его за бороду и при всѣхъ вывелъ въ этомъ унизительномъ видѣ на улицу и на улицѣ еще долго велъ, и, говорятъ, что мальчикъ, сынъ этого штабсъ-капитана, который учится въ здѣшнемъ училищѣ, еще ребенокъ, увидавъ это, бѣжалъ все подлѣ и плакалъ вслухъ и просилъ за отца и бросался ко всѣмъ и просилъ, чтобы защитили, а всѣ смѣялись. Простите, Алексѣй Ѳедоровичъ, я не могу вспомнить безъ негодованія этого позорнаго его поступка . . . одного изъ такихъ поступковъ, на которые можетъ рѣшиться толь-

ко одинъ Дмитрій Ѳедоровичъ въ своемъ гнѣвѣ . . . и въ страстяхъ своихъ! Я и разсказать этого не могу, не въ состояніи . . . Я сбиваюсь въ словахъ. Я справлялась объ этомъ обиженномъ и узнала, что онъ очень бѣдный человѣкъ. Фамилія его Снегиревъ. Онъ за что-то провинился на службѣ, его выключили, я не умѣю вамъ это разсказать, и теперь онъ съ своимъ семействомъ, съ своимъ несчастнымъ семействомъ изъ больныхъ дѣтей и жены, съумасшедшей, кажется, впалъ въ страшную нищету. Онъ уже давно здѣсь въ городѣ, онъ что-то дѣлаетъ, писаремъ гдѣ-то былъ, а ему вдругъ теперь ничего не платятъ. Я бросила взглядъ на васъ . . . то есть я думала, — я не знаю, я какъ-то путаюсь, — видите, я хотѣла васъ просить, Алексѣй Ѳедоровичъ, — добрѣйшій мой Алексѣй Ѳедоровичъ, сходить къ нему, отыскать предлогъ, войти къ нимъ, то есть къ этому штабсъ-капитану, — о, Боже! какъ я сбиваюсь, — и деликатно, осторожно, — именно какъ только вы одинъ съумѣете сдѣлать (Алеша вдругъ покраснѣлъ) — съумѣть отдать ему это вспоможеніе, вотъ двѣсти рублей. Онъ навѣрно приметъ . . . то есть уговорите его принять . . . Или нѣтъ, какъ это? Видите ли, это не то, что плата ему за примиреніе, чтобъ онъ не жаловался, а просто сочувствіе, желаніе помочь; отъ меня, отъ меня, отъ невѣсты Дмитрія Ѳедоровича, а не отъ него самого . . . Однимъ словомъ, вы съумѣете . . . Я бы сама поѣхала, но вы съумѣете гораздо лучше меня. Онъ живетъ въ Озерной улицѣ, въ домѣ мѣщанки Калмыковой . . . Ради Бога, Алексѣй Ѳедоровичъ, сдѣлайте мнѣ это, а теперь . . . теперь я нѣсколько . . . устала. До свиданья . . .

Она вдругъ такъ быстро повернулась и скрылась за портьеру, что Алеша не успѣлъ и слова сказать.

2. У капитана.

Порученіе Катерины Ивановны было дано въ Озерную улицу, а братъ Дмитрій жилъ какъ разъ тутъ по дорогѣ, недалеко отъ Озерной улицы въ переулкѣ. Алеша рѣшилъ зайти къ нему во всякомъ случаѣ прежде чѣмъ къ штабсъ-капитану, хоть и предчувствовалъ, что не застанетъ брата. Онъ подозрѣвалъ, что тотъ, можетъ-быть, какъ-нибудь нарочно будетъ прятаться отъ него теперь, — но во что бы то ни стало надо было его разыскать.

Въ порученіи Катерины Ивановны промелькнуло одно обстоятельство, чрезвычайно тоже его заинтересовавшее: когда Катерина Ивановна упомянула о маленькомъ мальчикѣ, школьникѣ, сынѣ того штабсъ-капитана, который бѣжалъ плача въ голосъ подлѣ отца, — то у Алеши и тогда уже вдругъ мелькнула мысль, что этотъ мальчикъ есть навѣрное тотъ давешній школьникъ, укусившій его за палецъ, когда онъ, Алеша, допрашивалъ его, чѣмъ онъ его обидѣлъ. Теперь ужъ Алеша былъ почти увѣренъ въ этомъ, самъ не зная еще почему.

Дмитрія дома не оказалось. Хозяева домишка — старикъ столяръ, его сынъ и старушка жена его даже подозрительно посмотрѣли на Алешу. «Ужъ третій день какъ не ночуетъ, можетъ куда и выбылъ», отвѣтилъ старикъ на усиленные вопросы Алеши.

Алеша разыскалъ въ Озерной улицѣ домъ мѣщанки Калмыковой, ветхій домишко, перекосившійся, всего въ три окна на улицу, съ грязнымъ дворомъ, посреди котораго уединенно стояла корова. Входъ былъ со двора въ сѣни — налѣво изъ сѣней жила старая хозяйка со старухою дочерью и, кажется, обѣ глухія. На вопросъ его о штабсъ-капитанѣ, нѣсколько разъ повто-

ренный, одна изъ нихъ, понявъ, наконецъ, что спрашиваютъ жильцовъ, ткнула ему пальцемъ чрезъ сѣни, указывая на дверь въ чистую избу. Квартира штабсъ-капитана дѣйствительно оказалась только простою избой. Алеша взялся было рукой за желѣзную скобу, чтобъ отворить дверь, какъ вдругъ необыкновенная тишина за дверями поразила его. Онъ зналъ однако со словъ Катерины Ивановны, что отставной штабсъ-капитанъ человѣкъ семейный: «или спятъ всѣ они, или, можетъ-быть, услыхали, что я пришелъ и ждутъ пока я отворю, лучше я снова постучусь къ нимъ», — и онъ постучалъ. Отвѣтъ послышался, но не сейчасъ, а секундъ даже можетъ быть десять спустя.

— Кто таковъ! прокричалъ кто-то громкимъ и усиленно сердитымъ голосомъ.

Алеша отворилъ тогда дверь и шагнулъ чрезъ порогъ. Онъ очутился въ избѣ, хотя и довольно просторной, но чрезвычайно загроможденной и людьми и всякимъ домашнимъ скарбомъ. Налѣво была большая русская печь. Отъ печи къ лѣвому окну чрезъ всю комнату была протянута веревка, на которой было развѣшено разное тряпье. По обѣимъ стѣнамъ налѣво и направо помѣщалось по кровати, покрытыхъ вязанными одѣялами. На одной изъ нихъ, на лѣвой, была воздвигнута горка изъ четырехъ ситцевыхъ подушекъ, одна другой меньше. На другой же кровати справа виднѣлась лишь одна очень маленькая подушечка. Далѣе въ переднемъ углу было небольшое мѣсто, отгороженное занавѣской или простыней, тоже перекинутою чрезъ веревку, протянутую поперекъ угла. За этой занавѣской тоже примѣчалась сбоку устроенная на лавкѣ и на приставленномъ къ ней стулѣ постель. Простой деревянный, четырехъугольный мужицкій столъ былъ отодвинутъ изъ

передняго угла къ серединному окошку. Всѣ три окна, каждое въ четыре мелкія, зеленыя заплеснѣвшія стекла были очень тусклы и наглухо заперты, такъ что въ комнатѣ было довольно душно и не такъ свѣтло. На столѣ стояла сковорода съ остатками глазной яичницы, лежалъ надъѣденный ломоть хлѣба и сверхъ того находился полуштофъ со слабыми остатками земныхъ благъ лишь на донушкѣ. Возлѣ лѣвой кровати на стулѣ помѣщалась женщина, похожая на даму, одѣтая въ ситцевое платье. Она была очень худа лицомъ, желтая; чрезвычайно впалыя щеки ея свидѣтельствовали съ перваго раза о ея болѣзненномъ состояніи. Но всего болѣе поразилъ Алешу взглядъ бѣдной дамы, — взглядъ чрезвычайно вопросительный и въ тоже время ужасно надменный. И до тѣхъ поръ пока дама не заговорила сама и пожа объяснялся Алеша съ хозяиномъ, она все время такъ же надменно и вопросительно переводила свои большіе каріе глаза съ одного говорившаго на другого. Подлѣ этой дамы у лѣваго окошка стояла молодая дѣвушка съ довольно некрасивымъ лицомъ, съ рыженькими жиденькими волосами, бѣдно хотя и весьма опрятно одѣтая. Она брезгливо осматривала вошедшаго Алешу. Направо, тоже у постели, сидѣло и еще одно женское существо. Это было очень жалкое созданіе, молодая тоже дѣвушка, лѣтъ двадцати, но горбатая и безногая, съ отсохшими, какъ сказали потомъ Алешѣ, ногами. Костыли ея стояли подлѣ, въ углу, между кроватью и стѣной. Замѣчательно прекрасные и добрые глаза бѣдной дѣвушки съ какою-то спокойною кротостью поглядѣли на Алешу. За столомъ, кончая яичницу, сидѣлъ господинъ лѣтъ сорока пяти, невысокаго роста, сухощавый, слабаго сложенія, рыжеватый, съ рыженькою рѣдкою бородкой, весьма похожею на растре-

панную мочалку (это сравненіе и особенно слово «мочалка» такъ и сверкнули почему-то съ перваго же взгляда въ умѣ Алеши, онъ это потомъ припомнилъ). Очевидно этотъ самый господинъ и крикнулъ изъ-за двери: кто таковъ! такъ какъ другого мущины въ комнатѣ не было. Но когда Алеша вошелъ, онъ словно сорвался со скамьи, на которой сидѣлъ за столомъ и, наскоро обтираясь дырявою салфеткой, подлетѣлъ къ Алешѣ.

— Монахъ на монастырь проситъ, зналъ къ кому придти! громко между тѣмъ проговорила стоявшая въ лѣвомъ углу дѣвица. Но господинъ, подбѣжавшій къ Алешѣ, мигомъ повернулся къ ней на каблукахъ и взволнованнымъ, срывающимся какимъ-то голосомъ ей отвѣтилъ:

— Нѣтъ-съ, Варвара Николаевна, это не то-съ, не угадали-съ! Позвольте спросить въ свою очередь, вдругъ опять повернулся онъ къ Алешѣ, — что побудило васъ-съ посѣтить . . . эти нѣдра-съ?

Алеша внимательно смотрѣлъ на него, онъ въ первый разъ этого человѣка видѣлъ. Было въ немъ что-то угловатое, спѣшащее и раздражительное. Хотя онъ очевидно сейчасъ выпилъ, но пьянъ не былъ. Лицо его изображало какую-то крайнюю наглость и въ то же время, — странно это было, — видимую трусость. Онъ похожъ былъ на человѣка долгое время подчинявшагося и натерпѣвшагося, но который бы вдругъ вскочилъ и захотѣлъ заявить себя. Или еще лучше на человѣка, которому ужасно бы хотѣлось васъ ударить, но который ужасно боится, что вы его ударите. Въ рѣчахъ его и въ интонаціи довольно пронзительнаго голоса слышался какой-то юродливый юморъ, то злой, то робѣющій, не выдерживающій тона и срывающійся. Вопросъ о «нѣдрахъ» задалъ онъ какъ бы весь дрожа, выпучивъ глаза и подскочивъ къ Алешѣ

до того въ упоръ, что тотъ машинально сдѣлалъ шагъ назадъ. Одѣтъ былъ этотъ господинъ въ темное, весьма плохое, какое-то нанковое пальто, заштопанное и въ пятнахъ. Панталоны на немъ были чрезвычайно какія-то свѣтлыя, такія, что никто давно и не носитъ, клѣтчатыя и изъ очень тоненькой какой-то матеріи, смятыя снизу и сбившіяся оттого наверхъ, точно онъ изъ нихъ, какъ маленькій мальчикъ, выросъ.

— Я . . . Алексѣй Карамазовъ . . . проговорилъ было въ отвѣтъ Алеша.

— Отмѣнно умѣю понимать-съ, тотчасъ же отрѣзалъ господинъ, давая знать, что ему и безъ того извѣстно, кто онъ такой. — Штабсъ я капитанъ-съ Снегиревъ-съ въ свою очередь; но все же желательно узнать, что именно побудило . . .

— Да я такъ только зашелъ. Мнѣ въ сущности отъ себя хотѣлось бы вамъ сказать одно слово . . . Если только позволите . . .

— Въ такомъ случаѣ вотъ и стулъ-съ, извольте взять мѣсто-съ. Это въ древнихъ комедіяхъ говорили: «извольте взять мѣсто» . . . и штабсъ-капитанъ быстрымъ жестомъ схватилъ порожній стулъ (простой мужицкій, весь деревянный и ничѣмъ не обитый) и поставилъ его чуть не посрединѣ комнаты; затѣмъ, схвативъ другой такой же стулъ для себя, сѣлъ напротивъ Алеши, по прежнему къ нему въ упоръ и такъ, что колѣни ихъ почти соприкасались вмѣстѣ.

— Николай Ильичъ Снегиревъ-съ, русской пѣхоты бывшій штабсъ-капитанъ-съ, хоть и посрамленный своими пороками, но все же штабсъ-капитанъ. Скорѣе бы надо сказать: штабсъ-капитанъ Словоерсовъ, а не Снегиревъ, ибо лишь со второй половины жизни сталъ говорить словоерсами. Слово-еръ-съ пріобрѣтается въ униженіи.

— Это такъ точно, усмѣхнулся Алеша, — только невольно пріобрѣтается или нарочно?

— Видитъ Богъ, невольно. Все не говорилъ, цѣлую жизнь не говорилъ словоерсами, вдругъ упалъ и всталъ съ словоерсами. Это дѣлается высшею силой. Вижу, что интересуетесь современными вопросами. Чѣмъ однако могъ возбудить столько любопытства, ибо живу въ обстановкѣ невозможной для гостепріимства.

— Я пришелъ . . . по тому самому дѣлу . . .

— По тому самому дѣлу? нетерпѣливо прервалъ штабсъ-капитанъ.

— По поводу той встрѣчи вашей съ братомъ моимъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ, неловко отрѣзалъ Алеша.

— Какой же это встрѣчи-съ? Это ужъ не той ли самой-съ? Значитъ на счетъ мочалки, банной мочалки? надвинулся онъ вдругъ такъ, что въ этотъ разъ положительно стукнулся колѣнками въ Алешу. Губы его какъ-то особенно сжались въ ниточку.

— Какая это мочалка? пробормоталъ Алеша.

— Это онъ на меня тебѣ, папа, жаловаться пришелъ! крикнулъ знакомый уже Алешѣ голосокъ давешняго мальчика изъ-за занавѣски въ углу. — Это я ему давеча палецъ укусилъ! Занавѣска отдернулась, и Алеша увидѣлъ давешняго врага своего, въ углу, подъ образами, на прилаженной на лавкѣ и на стулѣ постелькѣ. Мальчикъ лежалъ, накрытый своимъ пальтишкомъ и еще старенькимъ ватнымъ одѣяльцемъ. Очевидно, былъ нездоровъ и, судя по горящимъ глазамъ, въ лихорадочномъ жару. Онъ безстрашно, не по давешнему, глядѣлъ теперь на Алешу. «Дома, дескать, теперь не достанешь».

— Какой такой палецъ укусилъ? привскочилъ со стула штабсъ-капитанъ. — Это вамъ онъ палецъ укусилъ-съ?

— Да, мнѣ. Давеча онъ на улицѣ съ мальчиками камнями перебрасывался; они въ него

шестеро кидаютъ, а онъ одинъ. Я подошелъ къ нему, а онъ и въ меня камень бросилъ, потомъ другой мнѣ въ голову. Я спросилъ: что я ему сдѣлалъ? Онъ вдругъ бросился и больно укусилъ мнѣ палецъ, не знаю за что.

— Сейчасъ высѣку-съ! Сею минутой высѣку-съ, совсѣмъ уже вскочилъ со стула штабсъ-капитанъ.

— Да я вѣдь вовсе не жалуюсь, я только разсказалъ . . . — Я вовсе не хочу, чтобы вы его высѣкли. Да онъ, кажется, теперь и боленъ. . .

— А вы думали, я высѣку-съ? Что я Илюшечку возьму да сейчасъ и высѣку предъ вами для вашего полнаго удовлетворенія? Скоро вамъ это надо-съ? проговорилъ штабсъ-капитанъ, вдругъ повернувшись къ Алешѣ съ такимъ жестомъ, какъ-будто хотѣлъ на него броситься. — Жалѣю, сударь, о вашемъ пальчикѣ, но не хотите-ли я, прежде чѣмъ Илюшечку сѣчь, свои четыре пальца, сейчасъ же на вашихъ глазахъ, для вашего справедливаго удовлетворенія, вотъ этимъ самымъ ножомъ оттяпаю. Четырехъ-то пальцевъ я думаю вамъ будетъ довольно-съ, для утоленія жажды мщенія-съ, пятаго не потребуете? . . . Онъ вдругъ остановился и какъ бы задохся. Каждая черточка на его лицѣ ходила и дергалась, глядѣлъ же съ чрезвычайнымъ вызовомъ. Онъ былъ какъ бы въ изступленіи.

— Я, кажется, теперь все понялъ, тихо и грустно отвѣтилъ Алеша, продолжая сидѣть. — Значитъ, вашъ мальчикъ — добрый мальчикъ, любитъ отца и бросился на меня, какъ на брата вашего обидчика . . . Это я теперь понимаю, повторилъ онъ, раздумывая. — Но братъ мой Дмитрій Ѳедоровичъ раскаявается въ своемъ поступкѣ, я знаю это, и если только ему возможно будетъ придти къ вамъ, или всего лучше сви-

дѣться съ вами опять въ томъ самомъ мѣстѣ, то онъ попроситъ у васъ при всѣхъ прощенія . . . если вы пожелаете.

— То есть вырвалъ бороденку и попросилъ извиненія . . . Все, дескать, закончилъ и удовлетворилъ, такъ ли-съ?

— О нѣтъ, напротивъ, онъ сдѣлаетъ все, что вамъ будетъ угодно и какъ вамъ будетъ угодно!

— Такъ, что еслибъ я попросилъ его свѣтлость стать на колѣнки предо мной въ этомъ самомъ трактирѣ-съ, — «Столичный городъ» ему наименованіе, — или на площади-съ, такъ онъ и сталъ бы?

— Да, онъ станетъ и на колѣни.

— Пронзили-съ. Прослезили меня и пронзили-съ. Слишкомъ наклоненъ чувствовать. Позвольте же отрекомендоваться вполнѣ: моя семья, мои двѣ дочери и мой сынъ. — Умру я, кто ихъ возлюбитъ-съ? А пока живу я, кто-то меня, скверненькаго, кромѣ нихъ возлюбитъ? Великое это дѣло устроилъ Господь для каждаго человѣка въ моемъ родѣ-съ. Ибо надобно, чтобъ и человѣка въ моемъ родѣ могъ хоть кто-нибудь возлюбить-съ . . .

— Ахъ, это совершенная правда! воскликнулъ Алеша.

— Да полноте наконецъ паясничать, какой-нибудь дуракъ придетъ, а вы срамите! вскрикнула неожиданно дѣвушка у окна, обращаясь къ отцу съ брезгливою и презрительною миной.

— Повремените немного, Варвара Николавна, позвольте выдержать направленіе, крикнулъ ей отецъ хотя и повелительнымъ тономъ, но однако весьма одобрительно смотря на нее. — Это ужъ у насъ такой характеръ-съ, повернулся онъ опять къ Алешѣ.

«И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ».

То есть надо бы въ женскомъ родѣ: благословить она не хотѣла-съ. Но позвольте васъ представить и моей супругѣ: Вотъ-съ Арина Петровна, дама безъ ногъ-съ, лѣтъ сорока трехъ, ноги ходятъ да немножко-съ. Изъ простыхъ-съ. Арина Петровна, разгладьте черты ваши: вотъ Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ. Встаньте, Алексѣй Ѳедоровичъ, — онъ взялъ его за руку и съ силой, которой даже нельзя было ожидать отъ него, вдругъ его приподнялъ: вы дамѣ представляетесь, надо встать-съ. Не тотъ-съ Карамазовъ, маменька, который . . . гмъ и такъ далѣе, а братъ его, блистающій смиренными добродѣтелями. Позвольте, Арина Петровна, позвольте, маменька, позвольте вашу ручку предварительно поцѣловать.

И онъ почтительно, нѣжно даже поцѣловалъ у супруги ручку. Дѣвица у окна съ негодованіемъ повернулась къ сценѣ спиной, надменно вопросительное лицо супруги вдругъ выразило необыкновенную ласковость.

— Здравствуйте, садитесь, г. Черномазовъ, проговорила она.

— Карамазовъ, маменька, Карамазовъ (мы изъ простыхъ-съ), подшепнулъ онъ снова.

— Ну, Карамазовъ или какъ тамъ, а я всегда Черномазовъ . . . Садитесь же, и зачѣмъ онъ васъ поднялъ. Дама безъ ногъ, онъ говоритъ, ноги-то есть, да распухли какъ ведра, а сама я высохла. Прежде-то я куды была толстая, а теперь вонъ словно иглу проглотила . . .

И бѣдная вдругъ разрыдалась, слезы брызнули ручьемъ. Штабсъ-капитанъ стремительно подскочилъ къ ней.

— Маменька, маменька, голубчикъ, полно, полно! и онъ началъ опять цѣловать у нея обѣ руки и нѣжно сталъ гладить по ея лицу своими ладонями; схвативъ же салфетку, началъ вдругъ

обтирать съ лица ея слезы. Алешѣ показалось даже, что у него и у самого засверкали слезы. Ну-съ, видѣли-съ? Слышали-съ? какъ-то вдругъ яростно обернулся онъ къ нему, показывая рукой на бѣдную слабоумную.

— Вижу и слышу, пробормоталъ Алеша.

— Папа, папа! Неужели ты съ нимъ . . . Брось ты его, папа! крикнулъ вдругъ мальчикъ, привставъ на своей постелькѣ и горящимъ взглядомъ смотря на отца.

— Да полноте вы, наконецъ, совсѣмъ уже озлившись крикнула все изъ того угла Варвара Николаевна, даже ногой топнула.

— Совершенно справедливо на этотъ разъ изволите изъ себя выходить, Варвара Николавна, и я васъ стремительно удовлетворю. Шапочку вашу надѣньте, Алексѣй Ѳедоровичъ, а я вотъ картузъ возьму — и пойдемте-съ. Надобно вамъ одно серьезное словечко сказать, только внѣ этихъ стѣнъ. Эта вотъ сидящая дѣвица — это дочка моя-съ, Нина Николаевна-съ, забылъ я вамъ ее представить, — ангелъ Божій во плоти .. къ смертнымъ слетѣвшій . . . если можете только это понять . . .

— Весь вѣдь такъ и сотрясается, словно судорогой его сводитъ, продолжала въ негодованіи Варвара Николаевна.

— А эта вотъ, что теперь на меня ножкой топаетъ, — это тоже ангелъ Божій во плоти-съ, и справедливо меня обозвала-съ. Пойдемте же, Алексѣй Ѳедоровичъ, покончить надо-съ . . .

И, схвативъ Алешу за руку, онъ вывелъ его изъ комнаты прямо на улицу.

— Воздухъ чистый-съ, а въ хоромахъ-то у меня и впрямь не свѣжо, во всѣхъ даже смыслахъ. Пройдемте, сударь, шажкомъ. Очень бы хотѣлось мнѣ васъ заинтересовать-съ.

— Я и самъ къ вамъ имѣю одно чрезвычайное дѣло . . . замѣтилъ Алеша, — и только не знаю, какъ мнѣ начать.

— Какъ не узнать, что у васъ до меня дѣло-съ? Безъ дѣла-то вы бы никогда ко мнѣ и не заглянули. Али въ самомъ дѣлѣ только жаловаться на мальчика приходили-съ? Такъ вѣдь это невѣроятно-съ. А кстати о мальчикѣ-съ: я вамъ тамъ всего изъяснить не могъ-съ, а здѣсь теперь сцену эту вамъ опишу-съ. Видите-ли, мочалка-то была гуще-съ, еще всего недѣлю назадъ, — я про бороденку мою говорю-съ; это вѣдь бороденку мою мочалкой прозвали, школьники главное-съ. Ну-съ, вотъ-съ, тянетъ меня тогда вашъ братецъ Дмитрій Ѳедоровичъ за мою бороденку, вытянулъ изъ трактира на площадь, а какъ разъ школьники изъ школы выходятъ, а съ ними и Илюша. Какъ увидалъ онъ меня въ такомъ видѣ-съ, — бросился ко мнѣ: «Папа, кричитъ, папа?» Хватается за меня, обнимаетъ меня, хочетъ меня вырвать, кричитъ моему обидчику: «Пустите, пустите, это папа мой, папа, простите его», такъ вѣдь и кричитъ «простите»; рученками-то тоже его схватилъ, за руку-то ему, эту самую-то руку его, и цѣлуетъ-съ . . . Помню я въ ту минуту, какое у него было личико-съ, не забылъ-съ и не забуду-съ! . . .

— Клянусь, воскликнулъ Алеша, — братъ вамъ самымъ искреннимъ образомъ, самымъ полнымъ, выразитъ раскаяніе, хотя бы даже на колѣняхъ на той самой площади . . . Я заставлю его, иначе онъ мнѣ не братъ!

— Ага, такъ это еще въ прожектѣ находится. Не прямо отъ него, а отъ благородства лишь вашего сердца исходитъ пылкаго-съ. Такъ бы и сказали-съ. Нѣтъ, ужъ въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ о высочайшемъ рыцарскомъ и офицерскомъ благородствѣ вашего братца досказать,

ибо онъ его тогда выразилъ-съ. Кончилъ онъ меня за мочалку тащить, пустилъ на волю-съ: «Ты, говоритъ, офицеръ и я офицеръ, — если можешь найти секунданта, порядочнаго человѣка, то присылай — дамъ удовлетвореніе, хотя бы ты и мерзавецъ!» Вотъ что сказалъ-съ. Во истину рыцарскій духъ! Удалились мы тогда съ Илюшей, а родословная фамильная картина на вѣки у Илюши въ памяти душевной отпечатлѣлась. Нѣтъ ужъ, гдѣ намъ дворянами оставаться-съ. Да и посудите сами-съ, изволили сами быть сейчасъ у меня въ хоромахъ, — что видѣлисъ? Три дамы сидятъ-съ, одна безъ ногъ слабоумная! другая безъ ногъ горбатая, а третья съ ногами, да слишкомъ ужъ умная, курсистка-съ, въ Петербургъ снова рвется. Про Илюшу не говорю-съ, всего девять лѣтъ-съ, одинъ какъ перстъ, ибо умри я — и что со всѣми этими нѣдрами станется, я только про это одно васъ спрошу-съ? А если такъ, то вызови я его на дуэль, а ну какъ онъ меня тотчасъ же и убьетъ, ну что же тогда? Съ ними-то тогда со всѣми что станется-съ? Еще хуже того, если онъ не убьетъ, а лишь только меня искалѣчитъ: работать нельзя, а ротъ-то все-таки остается, кто-жъ его накормитъ тогда, мой ротъ, и кто-жъ ихъ-то всѣхъ тогда накормитъ-съ? Аль Илюшу, вмѣсто школы, милостыню просить высылать ежедневно? Такъ вотъ что оно для меня значитъ-съ, на дуэль-то его вызвать-съ, глупое это слово-съ и больше ничего-съ.

— Онъ будетъ у васъ просить прощенія, онъ посреди площади вамъ въ ноги поклонится, вскричалъ опять Алеша съ загорѣвшимся взоромъ.

— Хотѣлъ я его въ судъ позвать, продолжалъ штабсъ-капитанъ, — но разверните нашъ кодексъ, много-ль мнѣ придется удовлетворенія за

личную обиду мою съ обидчика получить-съ? А тутъ вдругъ вслѣдствіе всего этого я притихъ-съ и вы нѣдра видѣли-съ. А теперь позвольте спросить: больно онъ вамъ пальчикъ давеча укусилъ, Илюша-то? Въ хоромахъ-то я при немъ войти въ сію подробность не рѣшился.

— Да, очень больно, и онъ очень былъ раздраженъ. Онъ мнѣ, какъ Карамазову за васъ отомстилъ, мнѣ это ясно теперь. Но еслибы вы видѣли, какъ онъ съ товарищами школьниками камнями перекидывался? Это очень опасно, они могутъ его убить, они дѣти, глупы, камень летитъ, можетъ голову проломить.

— Да ужъ и попало-съ, не въ голову, такъ въ грудь-съ, повыше сердца-съ, сегодня ударъ камнемъ, синякъ-съ, пришелъ — плачетъ, охаетъ, а вотъ и заболѣлъ.

— И знаете, вѣдь онъ тамъ самъ первый и нападаетъ на всѣхъ, онъ озлился за васъ, они говорятъ, что онъ одному мальчику, Красоткину, давеча въ бокъ перочиннымъ ножикомъ пырнулъ . . .

— Слышалъ и про это, опасно-съ: Красоткинъ это чиновникъ здѣсь былъ, еще можетъ-быть хлопоты выйдутъ-съ . . .

— Я бы вамъ совѣтовалъ, съ жаромъ продолжалъ Алеша, — нѣкоторое время не посылать его вовсе въ школу, пока онъ уймется . . . и гнѣвъ этотъ въ немъ пройдетъ . . .

— Гнѣвъ-съ! подхватилъ штабсъ-капитанъ, — именно гнѣвъ-съ. Въ маленькомъ существѣ, а великій гнѣвъ-съ. Вы этого всего не знаете-съ. Позвольте мнѣ пояснить эту повѣсть особенно. Дѣло въ томъ, что послѣ того событія всѣ школьники въ школѣ стали его мочалкой дразнить. Дѣти въ школахъ народъ безжалостный: порознь ангелы Божіи, а вмѣстѣ, особенно въ школахъ, весьма часто безжалостны. Начали они его драз-

нить, воспрянулъ въ Илюшѣ благородный духъ. Обыкновенный мальчикъ, слабый сынъ, — тотъ бы смирился, отца своего застыдился, а этотъ одинъ противъ всѣхъ возсталъ за отца. За отца и за истину-съ, за правду-съ. Ибо что онъ тогда вынесъ, какъ вашему братцу руки цѣловалъ и кричалъ ему: «Простите папочку, простите папочку», — то это́ только Богъ одинъ знаетъ, да я-съ. И вотъ такъ-то дѣтки наши, то есть не ваши, а наши-съ, дѣтки презрѣнныхъ, но благородныхъ нищихъ-съ правду на землѣ еще въ девятъ лѣтъ отъ роду узнаютъ-съ. Богатымъ гдѣ: тѣ всю жизнь такой глубины не изслѣдуютъ, а мой Илюшка въ ту самую минуту на площади-то-съ, какъ руки-то его цѣловалъ, въ ту самую минуту всю истину произошелъ-съ. Вошла въ него эта истина-съ и пришибла его на вѣки-съ, горячо и опять какъ-бы въ изступленіи произнесъ штабсъ-капитанъ и при этомъ ударилъ правымъ своимъ кулакомъ въ лѣвую ладонь, какъ-бы желая на яву выразить, какъ пришибла его Илюшу «истина». — Въ тотъ самый день онъ у меня въ лихорадкѣ былъ-съ, всю ночь бредилъ. Весь тотъ день мало со мной говорилъ, совсѣмъ молчалъ даже, только замѣтилъ я: глядитъ, глядитъ на меня изъ угла, а все больше къ окну припадаетъ и дѣлаетъ видъ, будто бы уроки учитъ, а я вижу, что не уроки у него на умѣ. На другой день я выпилъ-съ и многаго не помню-съ, грѣшный человѣкъ, съ горя-съ. Маменька тоже тутъ плакать начала-съ, — маменьку-то я очень люблю-съ, — ну съ горя и клюкнулъ, на послѣднія-съ. Лежу это я-съ и Илюшу въ тотъ день не очень запомнилъ, а въ тотъ-то именно день мальчишки и подняли его на смѣхъ въ школѣ съ утра-съ: «Мочалка, кричатъ ему, отца твоего за мочалку изъ трактира тащили, а ты подлѣ бѣжалъ и прощенья просилъ». На третій это день пришелъ

онъ опять изъ школы, смотрю — лица на немъ нѣтъ, поблѣднѣлъ. Что ты, говорю? Молчитъ. Ну въ хоромахъ-то нечего было разговаривать, а то сейчасъ маменька и дѣвицы участіе примутъ, — дѣвицы-то къ тому-же все уже узнали, даже еще въ первый день. Варвара-то Николаевна уже стала ворчать: «Шуты, паяцы, развѣ можетъ у васъ что разумное быть? — Такъ точно, говорю, Варвара Николаевна, развѣ можетъ у насъ что разумное быть? Тѣмъ на тотъ разъ и отдѣлался. Вотъ-съ къ вечеру я и вывелъ мальчика погулять. А мы съ нимъ, надо вамъ знать-съ, каждый вечеръ и допрежъ того гулять выходили, ровно по тому самому пути, по которому съ вами теперь идемъ, отъ самой нашей калитки до вонъ того камня большущаго, который вонъ тамъ на дорогѣ сиротой лежитъ у плетня, и гдѣ выгонъ городской начинается: мѣсто пустынное и прекрасное-съ. Идемъ это мы съ Илюшей, ручка его въ моей рукѣ, по обыкновенію; махонькая у него ручка, пальчики тоненькіе, холодненькіе, — грудкой вѣдь онъ у меня страдаетъ. — «Папа, говоритъ, папа!» — Что, говорю ему — глазенки, вижу, у него сверкаютъ. — «Папа, какъ онъ тебя тогда, папа!» — Что дѣлать, Илюша, говорю. — «Не мирись съ нимъ, папа, не мирись. Школьники говорятъ, что онъ тебѣ десять рублей за это далъ.» — Нѣтъ, говорю, Илюша, я денегъ отъ него не возьму теперь ни за что. Такъ онъ и затрясся весь, схватилъ мою руку въ свои обѣ ручки, опять цѣлуетъ! — «Папа, говоритъ, папа, вызови его на дуэль, въ школѣ дразнятъ, что ты трусъ и не вызовешь его на дуэль, а десять рублей у него возьмешь». — На дуэль, Илюша, мнѣ нельзя его вызвать, отвѣчаю я, и излагаю ему вкратцѣ все то, что и вамъ на сей счетъ сейчасъ изложилъ. Выслушалъ онъ: — «Папа, говоритъ, папа, все таки не мирись: я

выросту, я вызову его самъ и убью его!» Глазенки-то сверкаютъ и горятъ. Ну, при всемъ томъ вѣдь я и отецъ, надобно было ему слово правды сказать: грѣшно, говорю я ему, убивать, хотя бы и на поединкѣ. — «Папа, говоритъ, папа, я его повалю какъ большой буду, я ему саблю выбью своей саблей, брошусь на него, повалю его, замахнусь на него саблей и скажу ему: могъ бы сейчасъ убить, но прощаю тебя, вотъ тебѣ!» — Видите, видите, сударь, какой процессикъ въ головкѣ-то его произошелъ въ эти два дня, это онъ день и ночь объ этомъ мщеніи съ саблей думалъ и ночью должно быть объ этомъ бредилъ-съ. Только сталъ онъ изъ школы приходить больно битый, это третьяго дня я все узналъ, и вы правы-съ; больше ужъ въ школу эту я его не пошлю-съ. Узнаю я, что онъ противъ всего класса одинъ идетъ и всѣхъ самъ вызываетъ, самъ озлился, сердце въ немъ зажглось, — испугался я тогда за него. Опять ходимъ, гуляемъ. — «Папа, спрашиваетъ, папа, вѣдь богатые всѣхъ сильнѣе на свѣтѣ?» — Да, говорю, Илюша, нѣтъ на свѣтѣ сильнѣе богатаго. — «Папа, говоритъ, я разбогатѣю и въ офицеры пойду и всѣхъ разобью, меня царь наградитъ, я пріѣду и тогда никто не посмѣетъ» . . . Потомъ помолчалъ да и говоритъ, — губенки-то у него все по прежнему вздрагиваютъ. — «Папа, говоритъ, какой это не хорошій городъ нашъ, папа!» — Да, говорю, Илюшечка, не очень-таки хорошъ нашъ городъ. — «Папа, переѣдемъ въ другой городъ, въ хорошій, говоритъ, городъ, гдѣ про насъ и не знаютъ». — Переѣдемъ, говорю, переѣдемъ, Илюша, — вотъ только денегъ скоплю. Обрадовался я случаю отвлечь его отъ мыслей темныхъ, и стали мы мечтать съ нимъ, какъ мы въ другой городъ переѣдемъ, лошадку свою купимъ, да телѣжку. Маменьку да сестрицъ усадимъ, закроемъ ихъ, а

сами съ боку пойдемъ, изрѣдка тебя подсажу, а я тутъ подлѣ пойду, потому лошадку свою поберечь надо, не всѣмъ же садиться, такъ и отправимся. Восхитился онъ этимъ, а главное, что своя лошадка будетъ и самъ на ней поѣдетъ. А ужъ извѣстно, что русскій мальчикъ такъ и родился вмѣстѣ съ лошадкой. Болтали мы долго; слава Богу, думаю, развлекъ я его, утѣшилъ. Это третьяго дня вечеромъ было, а вчера вечеромъ уже другое оказалось. Опять онъ утромъ въ эту школу пошелъ, мрачный вернулся, очень ужъ мраченъ. Вечеромъ взялъ я его за ручку, вывелъ гулять, молчитъ, не говоритъ. Вѣтерокъ тогда начался, солнце затмилось, осенью повѣяло, да и смеркалось ужъ, — идемъ, обоимъ намъ грустно. — Ну, мальчикъ, какъ же мы, говорю, съ тобой въ дорогу-то соберемся, — думаю, на вчерашній-то разговоръ навести. Молчитъ. Только пальчики его, слышу, въ моей рукѣ вздрогнули. Э, думаю, плохо, новое есть. Дошли мы вотъ какъ теперь до этого самаго камня, сѣлъ я на камень этотъ, а на небесахъ все змѣи запущены, гудятъ и трещатъ, змѣевъ тридцать видно. Вѣдь нынѣ змѣиный сезонъ-съ. Вотъ, говорю, Илюша, пора бы и намъ змѣекъ прошлогодній запустить. Починю-ка я его, гдѣ онъ у тебя тамъ спрятанъ? Молчитъ мой мальчикъ, глядитъ въ сторону, стоитъ ко мнѣ бокомъ. А тутъ вѣтеръ вдругъ загудѣлъ, понесло пескомъ . . . Бросился онъ вдругъ ко мнѣ весь, обнялъ мнѣ обѣими рученками шею, стиснулъ меня. Знаете, дѣтки, коли молчаливыя да гордыя, да слезы долго перемогаютъ въ себѣ, да какъ вдругъ прорвутся, если горе большое придетъ, такъ вѣдь не то что слезы потекутъ-съ, а брызнутъ словно ручьи-съ. Теплыми-то брызгами этими такъ вдругъ и обмочилъ онъ мнѣ все лицо. Зарыдалъ какъ въ судорогѣ, затрясся, прижимаетъ

меня къ себѣ, я сижу на камнѣ. — «Папочка, вскрикиваетъ, папочка, милый папочка, какъ онъ тебя унизилъ!» Зарыдалъ тутъ и я-съ, сидимъ и сотрясаемся обнявшись. — «Папочка, говоритъ, папочка!» — Илюша, говорю ему, Илюшечка! Никто-то насъ тогда не видѣлъ-съ, Богъ одинъ видѣлъ, авось мнѣ въ формуляръ занесетъ-съ. Поблагодарите вашего братца, Алексѣй Ѳедоровичъ. Нѣтъ-съ, я моего мальчика для вашего удовлетворенія не высѣку-съ.

Кончилъ онъ опять со своимъ давешнимъ злымъ и юродливымъ вывертомъ. Алеша почувствовалъ однако, что ему ужъ онъ довѣряетъ и что будь на его мѣстѣ другой, то съ другимъ этотъ человѣкъ не сталъ бы такъ «разговаривать» и не сообщилъ бы ему того, что сейчасъ ему сообщилъ. Это ободрило Алешу, у котораго душа дрожала отъ слезъ.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось помириться съ вашимъ мальчикомъ! воскликнулъ онъ. — Еслибъ вы это устроили . . .

— Точно такъ-съ, пробормоталъ штабсъ-капитанъ.

— Но теперь не про то, совсѣмъ не про то, слушайте, продолжалъ восклицать Алеша, — слушайте! Я имѣю къ вамъ порученіе: этотъ самый братъ, этотъ Дмитрій, оскорбилъ и свою невѣсту, благороднѣйшую дѣвушку и о которой вы вѣрно слышали. Я имѣю право вамъ открыть про ея оскорбленіе, я даже долженъ такъ сдѣлать, потому что она, узнавъ про вашу обиду, и узнавъ все про ваше несчастное положеніе, поручила мнѣ сейчасъ . . . давеча . . . снести вамъ это вспоможеніе отъ нея . . . но только отъ нея одной, не отъ Дмитрія, который и ее бросилъ, отнюдь нѣтъ, и не отъ меня, отъ брата его, и не отъ кого-нибудь, а отъ нея, только отъ нея одной! Она васъ умоляетъ принять ея

помощь . . . вы оба обижены однимъ и тѣмъ же человѣкомъ . . . Она и вспомнила-то о васъ лишь тогда, когда вынесла отъ него такую же обиду (по силѣ обиды), — какъ и вы отъ него. Это значитъ сестра идетъ къ брату съ помощью ... Она именно поручила мнѣ уговорить васъ принять отъ нея вотъ эти двѣсти рублей, какъ отъ сестры. Никто-то объ этомъ не узнаетъ, никакихъ несправедливыхъ сплетень не можетъ произойти . . . вотъ эти двѣсти рублей, и клянусь — вы должны принять ихъ, иначе . . . иначе стало быть всѣ должны быть врагами другъ другу на свѣтѣ! Но вѣдь есть же и на свѣтѣ братья . . . У васъ благородная душа . . . вы должны это понять, должны! . . .

И Алеша протянулъ ему двѣ новенькія радужныя сторублевыя кредитки. Оба они стояли тогда именно у большого камня, у забора, и никого кругомъ не было. Кредитки произвели, казалось, на штабсъ-капитана страшное впечатлѣніе: онъ вздрогнулъ, но сначала какъ бы отъ одного удивленія: ничего подобнаго ему и не мерещилось и такого исхода онъ не ожидалъ вовсе. Помощь отъ кого-нибудь, да еще такая значительная, ему и не мечталась даже во снѣ. Онъ взялъ кредитки и съ минуту почти и отвѣчать не могъ, совсѣмъ что-то новое промелькнуло въ лицѣ его.

— Это мнѣ-то, мнѣ-съ, это столько денегъ, двѣсти рублей! Батюшки! Да я ужъ четыре года не видалъ такихъ денегъ, — Господи! И говоритъ, что сестра . . . и вправду это, вправду?

— Клянусь вамъ, что все, что я вамъ сказалъ, правда! вскричалъ Алеша. Штабсъ-капитанъ покраснѣлъ.

— Послушайте-съ, голубчикъ мой, послушайте-съ, вѣдь если я и приму, то вѣдь не буду же я подлецомъ? Въ глазахъ-то вашихъ, Алексѣй

Ѳедоровичъ, вѣдь не буду, не буду подлецомъ? Нѣтъ-съ, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы выслушайте, выслушайте-съ, торопился онъ, поминутно дотрогиваясь до Алеши обѣими руками, — вы вотъ уговариваете меня принять тѣмъ, что «сестра» посылаетъ, а внутри-то, про себя-то, — не восчувствуете ко мнѣ презрѣнія, если я приму-съ, а?

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Спасеніемъ моимъ клянусь вамъ, что нѣтъ! И никто не узнаетъ никогда, только мы: я, вы, да она.

— Слушайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, выслушайте-съ, вѣдь ужъ теперь минута такая пришла-съ, что надо выслушать, ибо вы даже и понять не можете, что могутъ значить для меня теперь эти двѣсти рублей, продолжалъ бѣднякъ, приходя постепенно въ какой-то безпорядочный, почти дикій восторгъ. Онъ былъ какъ бы сбитъ съ толку, говорилъ же чрезвычайно спѣша и торопясь, точно опасаясь, что ему не дадутъ всего высказать. — Кромѣ того, что это честно пріобрѣтено, отъ столь уважаемой и святой «сестры-съ», знаете-ли вы, что я маменьку и Ниночку, — горбатенькаго-то ангела моего, дочку-то, полѣчить теперь могу? Пріѣзжалъ ко мнѣ докторъ Герценштубе, по добротѣ своего сердца, осматривалъ ихъ обѣихъ цѣлый часъ: «Не понимаю, говоритъ, ничего», а однако-же минеральная вода, которая въ аптекѣ здѣшней есть (прописалъ онъ ее), несомнѣнную пользу ей принесетъ, да ванны ножныя изъ лѣкарствъ тоже ей прописалъ. Минеральная-то вода стоитъ тридцать копѣекъ, а кувшиновъ-то надо выпить можетъ быть сорокъ. Такъ я взялъ да рецептъ и положилъ на полку подъ образа, да тамъ и лежитъ. А Ниночку прописалъ купать въ какомъ-то растворѣ, въ горячихъ ваннахъ такихъ, да ежедневно утромъ и вечеромъ, такъ гдѣ-жъ намъ было сочинить такое лѣченье-съ у насъ-то, въ

хоромахъ-то нашихъ, безъ прислуги, безъ помощи, безъ посуды и воды-съ? А Ниночка-то вся въ ревматизмѣ, я вамъ это еще и не говорилъ, по ночамъ ноетъ у ней вся правая половина, мучается, и вѣрите ли, ангелъ Божій, крѣпится, чтобы насъ не обезпокоить, не стонетъ, чтобы насъ не разбудить. Кушаемъ мы, что попало, что добудется, такъ вѣдь она самый послѣдній кусокъ возьметъ, что собакѣ только можно выкинуть: «Не стою я, дескать, этого куска, я у васъ отнимаю, вамъ бременемъ сижу». Вотъ что ея взглядъ ангельскій хочетъ изобразить. Служимъ мы ей, а ей это тягостно: «Не стою я того, не стою, недостойная я калѣка, безполезная», — а еще бы она не стоила-съ, когда она всѣхъ насъ своею ангельскою кротостью у Бога вымолила, безъ нея, безъ ея тихаго слова, у насъ былъ бы адъ-съ, даже Варю и ту смягчила. А Варвару-то Николавну тоже не осуждайте-съ, тоже ангелъ она, тоже обиженная. Прибыла она къ намъ лѣтомъ, а было съ ней шестнадцать рублей, уроками заработала и отложила ихъ на отъѣздъ, чтобы въ сентябрѣ, то есть теперь-то, въ Петербургъ на нихъ воротиться. А мы взяли денежки-то ея и прожили и не на что ей теперь воротиться, вотъ какъ-съ. Да и нельзя воротиться-то, потому на насъ, какъ каторжная работаетъ — вѣдь мы ее какъ клячу запрягли-осѣдлали, за всѣми ходитъ, чинитъ, моетъ, полъ мететъ, маменьку въ постель укладываетъ, а маменька капризная-съ, а маменька слезливая-съ, а маменька съумасшедшая-съ! . . . Такъ вѣдь теперь я на эти двѣсти рублей служанку нанять могу-съ, понимаете-ли вы, Алексѣй Ѳедоровичъ, лѣченіе милыхъ существъ предпринять могу-съ, Вареньку въ Петербургъ направлю-съ, говядины куплю-съ, діэту новую заведу-съ. Господи, да вѣдь это мечта!

Алеша былъ ужасно радъ, что доставилъ столько счастія и что бѣднякъ согласился быть осчастливленнымъ.

— Стойте, Алексѣй Ѳедоровичъ, стойте, схватился опять за новую вдругъ представившуюся ему мечту штабсъ-капитанъ и опять затараторилъ изступленною скороговоркой, — да знаете-ли вы, что мы съ Илюшкой пожалуй и впрямь теперь мечту осуществимъ: купимъ лошадку да кибитку, да лошадку-то вороненькую, онъ просилъ непремѣнно, чтобы вороненькую, да и отправимся, какъ третьяго дня расписывали. У меня въ К—ской губерніи адвокатъ есть знакомый-съ, съ дѣтства пріятель-съ, передавали мнѣ чрезъ вѣрнаго человѣка, что если пріѣду, то онъ мнѣ у себя на конторѣ мѣсто письмоводителя будто бы дастъ-съ, такъ вѣдь, кто это знаетъ, можетъ и дастъ . . . Ну такъ посадить бы маменьку, посадить бы Ниночку, Илюшечку править посажу, а я бы пѣшечкомъ, пѣшечкомъ, да всѣхъ бы и повезъ-съ . . . Господи, да еслибы только одинъ должокъ пропащій здѣсь получить, такъ можетъ достанетъ даже и на это-съ!

— Достанетъ, достанетъ! воскликнулъ Алеша, — Катерина Ивановна вамъ пришлетъ еще, сколько угодно, и знаете-ли, у меня тоже есть деньги, возьмите, сколько вамъ надо, какъ отъ брата, какъ отъ друга, потомъ отдадите . . . (Вы разбогатѣете, разбогатѣете!) И знаете, что никогда вы ничего лучше даже и придумать не въ состояніи, какъ этотъ переѣздъ въ другую губернію! Въ этомъ бы ваше спасеніе, а главное для вашего мальчика, — и знаете поскорѣе-бы, до зимы бы, до холодовъ, и написали намъ оттуда, и остались-бы мы братьями . . . Нѣтъ, это не мечта!

Алеша хотѣлъ было обнять его, до того онъ былъ доволенъ. Но взглянувъ на него, онъ вдругъ остановился: тотъ стоялъ, вытянувъ шею,

вытянувъ губы, съ изступленнымъ и поблѣднѣвшимъ лицомъ и что-то шепталъ губами, какъ будто желая что-то выговорить; звуковъ не было, а онъ все шепталъ губами, было какъ-то странно.

— Чего вы! вздрогнулъ вдругъ отчего-то Алеша.

— Алексѣй Ѳедоровичъ . . . я . . . вы . . . бормоталъ и срывался штабсъ-капитанъ, странно и дико смотря на него въ упоръ съ видомъ рѣшившагося полетѣть съ горы, и въ то же время губами какъ бы и улыбаясь, — я-съ . . . вы-съ . . . А не хотите ли я вамъ одинъ фокусикъ сейчасъ покажу-съ! вдругъ прошепталъ онъ быстрымъ, твердымъ шепотомъ, рѣчь уже не срывалась болѣе.

— Какой фокусикъ?

— Фокусикъ, фокусъ-покусъ такой, все шепталъ штабсъ-капитанъ; ротъ его скривился на лѣвую сторону, лѣвый глазъ прищурился, онъ, не отрываясь, все смотрѣлъ на Алешу, точно приковался къ нему.

— Да что съ вами, какой фокусъ? прокричалъ тотъ ужъ совсѣмъ въ испугѣ.

— А вотъ какой, глядите! взвизгнулъ вдругъ штабсъ-капитанъ.

И показавъ ему обѣ радужныя кредитки, которыя все время, въ продолженіи всего разговора, держалъ обѣ вмѣстѣ за уголокъ большимъ и указательнымъ пальцами правой руки, онъ вдругъ съ какимъ-то остервенѣніемъ схватилъ ихъ, смялъ и крѣпко зажалъ въ кулакѣ правой руки.

— Видѣли-съ, видѣли-съ! взвизгнулъ онъ Алешѣ, блѣдный и изступленный, и вдругъ, поднявъ вверхъ кулакъ, со всего размаху бросилъ обѣ смятыя кредитки на песокъ, — видѣли-съ? взвизгнулъ онъ опять, показывая на нихъ пальцемъ, — ну такъ вотъ же-съ! . . .

И вдругъ поднявъ правую ногу, онъ съ дикою злобой бросился ихъ топтать каблукомъ, восклицая и задыхаясь съ каждымъ ударомъ ноги.

— Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вдругъ онъ подскочилъ назадъ и выпрямился предъ Алешей. Весь видъ его изобразилъ собой неизъяснимую гордость.

— Доложите пославшимъ васъ, что мочалка чести своей не продаетъ-съ! вскричалъ онъ, простирая на воздухъ руку. Затѣмъ быстро повернулся и бросился бѣжать; но онъ не пробѣжалъ и пяти шаговъ, какъ, весь повернувшись опять, вдругъ сдѣлалъ Алешѣ ручкой. Но и опять не пробѣжавъ пяти шаговъ, онъ въ послѣдній уже разъ обернулся, на этотъ уже разъ безъ искривленнаго смѣха въ лицѣ, а, напротивъ, все оно сотрясалось слезами. Плачущею, срывающеюся, захлебывающеюся скороговоркой прокричалъ онъ:

— А что-жъ бы я моему мальчику-то сказалъ, если-бъ у васъ деньги за позоръ нашъ взялъ? и, проговоривъ это, бросился бѣжать, на сей разъ уже не оборачиваясь. Алеша глядѣлъ ему вслѣдъ съ невыразимою грустью. О, онъ понималъ, что тотъ до самаго послѣдняго мгновенія самъ не зналъ, что скомкаетъ и швырнетъ кредитки. Бѣжавшій ни разу не обернулся, такъ и зналъ Алеша, что не обернется. Преслѣдовать и звать его онъ не захотѣлъ, онъ зналъ почему. Когда же тотъ исчезъ изъ виду, Алеша поднялъ обѣ кредитки. Онѣ были лишь очень смяты, сплюснуты и вдавлены въ песокъ, но совершенно цѣлы и даже захрустѣли какъ новенькія, когда Алеша развертывалъ ихъ и разглаживалъ. Разгладивъ, онъ сложилъ ихъ, сунулъ въ карманъ и пошелъ въ Катеринѣ Ивановнѣ докладывать объ успѣхѣ ея порученія.

3. Коля Красоткинъ.

Ноябрь въ началѣ. Морозъ градусовъ въ одиннадцать, а съ нимъ гололедица. На мерзлую землю упало въ ночь немного сухого снѣгу, и вѣтеръ «сухой и острый» подымаетъ его и мететъ по скучнымъ улицамъ городка и особенно по базарной площади. Утро мутное, но снѣжокъ пересталъ. Недалеко отъ площади, по близости отъ лавки Плотниковыхъ, стоитъ небольшой, очень чистенькій и снаружи и снутри домикъ вдовы чиновника Красоткиной. Самъ губернскій секретарь Красоткинъ померъ уже очень давно, тому назадъ почти четырнадцать лѣтъ, вдова его живетъ въ своемъ чистенькомъ домикѣ «своимъ капиталомъ». Живетъ она честно и робко, характера нѣжнаго, но довольно веселаго. Осталась она послѣ мужа лѣтъ восемнадцати, проживъ съ нимъ всего лишь около году. Съ тѣхъ поръ, съ самой его смерти, она посвятила всю себя воспитанію своего нещечка мальчика Коли, и хоть любила его всѣ четырнадцать лѣтъ безъ памяти, но ужъ конечно перенесла съ нимъ несравненно больше страданій, чѣмъ выжила радостей, трепеща и умирая отъ страха чуть не каждый день, что онъ заболѣетъ, простудится, нашалитъ, полѣзетъ на стулъ и свалится и проч. и проч. Когда же Коля сталъ ходить въ школу и потомъ въ прогимназію, то мать бросилась изучать вмѣстѣ съ нимъ всѣ науки, чтобы помогать ему и репетировать съ нимъ уроки, бросилась знакомиться съ учителями и съ ихъ женами, ласкала даже товарищей Коли школьниковъ и лисила предъ ними, чтобы не трогали Колю, не насмѣхались надъ нимъ, не прибили его. Довела до того, что мальчишки и въ самомъ дѣлѣ стали было чрезъ нее надъ нимъ насмѣхаться и начали дразнить его тѣмъ, что онъ маменькинъ сынокъ.

Но мальчикъ съумѣлъ отстоять себя. Былъ онъ смѣлый мальчишка, «ужасно сильный», какъ пронеслась и скоро утвердилась молва о немъ въ классѣ, былъ ловокъ, характера упорнаго, духа дерзкаго и предпріимчиваго. Учился онъ хорошо, и шла даже молва, что онъ и изъ ариѳметики и изъ всемірной исторіи собьетъ самого учителя Дарданелова. Но мальчикъ хоть и смотрѣлъ на всѣхъ свысока, вздернувъ носикъ, но товарищемъ былъ хорошимъ и не превозносился. Уваженіе школьниковъ принималъ какъ должное, но держалъ себя дружелюбно. Главное, зналъ мѣру, умѣлъ при случаѣ сдержать себя самого, а въ отношеніяхъ къ начальству никогда не переступалъ нѣкоторой послѣдней и завѣтной черты, за которою уже проступокъ не можетъ быть терпимъ, обращаясь въ безпорядокъ, бунтъ и беззаконіе. И однако онъ очень, очень не прочь былъ пошалить при всякомъ удобномъ случаѣ, пошалить какъ самый послѣдній мальчишка, и не столько пошалить, сколько что-нибудь намудрить, начудесить, задать «экстрафеферу», шику, порисоваться. Главное, былъ очень самолюбивъ. Даже свою маму съумѣлъ поставить къ себѣ въ отношенія подчиненныя, дѣйствуя на нее почти деспотически. Она и подчинилась, о, давно уже подчинилась, и лишь не могла ни за что перенести одной только мысли, что мальчикъ ее «мало любитъ». Ей безпрерывно казалось, что Коля къ ней «безчувственъ», и бывали случаи, что она, обливаясь истерическими слезами, начинала упрекать его въ холодности. Мальчикъ этого не любилъ, и чѣмъ болѣе требовали отъ него сердечныхъ изліяній, тѣмъ какъ бы нарочно становился неподатливѣе. Но происходило это у него не нарочно, а невольно, — таковъ ужъ былъ характеръ. Мать ошибалась: маму свою онъ очень любилъ, а не любилъ толь-

ко «телячьихъ нѣжностей», какъ выражался онъ на своемъ школьническомъ языкѣ. Послѣ отца остался шкапъ, въ которомъ хранилось нѣсколько книгъ. Коля любилъ читать и про себя прочелъ уже нѣкоторыя изъ нихъ. Мать этимъ не смущалась и только дивилась иногда, какъ это мальчикъ вмѣсто того, чтобъ идти играть, простаиваетъ у шкапа по цѣлымъ часамъ надъ какою-нибудь книжкой. И такимъ образомъ Коля прочелъ кое-что, чего бы ему и не надо было давать читать въ его возрастѣ. Впрочемъ въ послѣднее время, хоть мальчикъ и не любилъ переходить въ своихъ шалостяхъ извѣстной черты, но начались шалости, испугавшія мать не на шутку, — правда, не безнравственныя какія-нибудь, зато отчаянныя, головорѣзныя. Какъ разъ въ это лѣто, въ іюлѣ мѣсяцѣ, во время вакацій, случилось такъ, что маменька съ сынкомъ отправились погостить на недѣльку въ другой уѣздъ, за семьдесятъ верстъ, къ одной дальней родственницѣ, мужъ которой служилъ на станціи желѣзной дороги. Тамъ Коля началъ съ того, что оглядѣлъ желѣзную дорогу въ подробности, изучилъ распорядки, понимая, что новыми знаніями своими можетъ блеснуть, возвратясь домой, между школьниками своей прогимназіи. Но нашлись тамъ какъ разъ въ то время и еще нѣсколько мальчиковъ, съ которыми и онъ сошелся; одни изъ нихъ проживали на станціи, другіе по сосѣдству, — всего молодого народа отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ сошлось человѣкъ шесть или семь, а изъ нихъ двое случились и изъ нашего городка. Мальчики вмѣстѣ играли, шалили, и вотъ на четвертый или пятый день гощенія на станціи состоялось между глупою молодежью одно преневозможное пари въ два рубля, именно: Коля, почти изо всѣхъ младшій, а потому нѣсколько презираемый стар-

шими, изъ самолюбія или безпардонной отваги, предложилъ, что онъ, ночью, когда придетъ одиннадцатичасовой поѣздъ, ляжетъ между рельсами ничкомъ и пролежитъ недвижимо, пока поѣздъ пронесется надъ нимъ на всѣхъ парахъ. Правда, сдѣлано было предварительное изученіе, изъ котораго оказалось, что дѣйствительно можно такъ протянуться и сплющиться вдоль между рельсами, что поѣздъ конечно пронесется и не задѣнетъ лежащаго, но однако-же каково пролежать! Коля стоялъ твердо, что пролежитъ. Надъ нимъ сначала смѣялись, звали лгунишкой, фанфарономъ, но тѣмъ пуще его подзадорили. Главное, эти пятнадцатилѣтніе слишкомъ ужъ задирали предъ нимъ носъ и сперва даже не хотѣли считать его товарищемъ, какъ «маленькаго», что было уже нестерпимо обидно. И вотъ рѣшено было отправиться съ вечера за версту отъ станціи, чтобы поѣздъ, снявшись со станціи, успѣлъ уже совсѣмъ разбѣжаться. Мальчишки собрались. Ночь настала безлунная, не то что темная, а почти черная. Въ надлежащій часъ Коля легъ между рельсами. Пятеро остальныхъ, державшихъ пари, съ замираніемъ сердца, а, наконецъ, въ страхѣ и съ раскаяніемъ ждали внизу насыпи подлѣ дороги, въ кустахъ. Наконецъ, загремѣлъ вдали поѣздъ, снявшійся со станціи. Засверкали изъ тьмы два красные фонаря, загрохотало приближающееся чудовище. «Бѣги, бѣги долой съ рельсовъ!» закричали Колѣ изъ кустовъ умиравшіе отъ страха мальчишки, но было уже поздно: поѣздъ, наскакалъ и промчался мимо. Мальчишки бросились къ Колѣ: онъ лежалъ недвижимо. Они стали его теребить, начали подымать. Онъ вдругъ поднялся и молча сошелъ съ насыпи. Сойдя внизъ, онъ объявилъ, что нарочно лежалъ какъ безъ чувствъ, чтобъ ихъ испугать, но правда была въ томъ, что онъ

и въ самомъ дѣлѣ лишился чувствъ, какъ и признался потомъ самъ, уже долго спустя, своей мамѣ. Такимъ образомъ, слава «отчаяннаго» за нимъ укрѣпилась на вѣки. Воротился онъ домой на станцію блѣдный, какъ полотно. На другой день заболѣлъ слегка нервною лихорадкой, но духомъ былъ ужасно веселъ, радъ и доволенъ. Происшествіе огласилось не сейчасъ, а уже въ городѣ, проникло и въ прогимназію и достигло до ея начальства. Но тутъ маменька Коли бросилась молить начальство за своего мальчика и кончила тѣмъ, что его отстоялъ и упросилъ за него уважаемый и вліятельный учитель Дарданеловъ, и дѣло оставили втунѣ, какъ не бывшее вовсе. Этотъ Дарданеловъ, человѣкъ холостой и не старый, былъ страстно и уже многолѣтне влюбленъ въ госпожу Красоткину, и уже разъ, назадъ тому съ годъ, почтительнѣйше и замирая отъ страха и деликатности, рискнулъ было предложить ей свою руку; но она наотрѣзъ отказала, считая согласіе измѣной своему мальчику, хотя Дарданеловъ, по нѣкоторымъ таинственнымъ признакамъ, даже, можетъ-быть, имѣлъ бы нѣкоторое право мечтать, что онъ не совсѣмъ противенъ прелестной вдовицѣ. Съумасшедшая шалость Коли кажется пробила ледъ, и Дарданелову за его заступничество сдѣланъ былъ намекъ о надеждѣ, правда, отдаленный, но и самъ Дарданеловъ былъ феноменомъ чистоты и деликатности, а потому съ него и того было покамѣстъ довольно для полноты его счастія. Мальчика онъ любилъ, хотя считалъ бы унизительнымъ предъ нимъ заискивать, и относился къ нему въ классахъ строго и требовательно. Но Коля и самъ держалъ его на почтительномъ разстояніи, уроки готовилъ отлично, былъ въ классѣ вторымъ ученикомъ, обращался къ Дарданелову сухо, и весь классъ твердо вѣрилъ, что во

всемірной исторіи Коля такъ силенъ, что «собьетъ» самого Дарданелова. И, дѣйствительно, Коля задалъ ему разъ вопросъ: Кто основалъ Трою? на что Дарданеловъ отвѣчалъ лишь вообще про народы, ихъ движенія и переселенія, про глубину временъ, про баснословіе, но на то, кто именно основалъ Трою, то есть какія именно лица, отвѣтить не могъ, и даже вопросъ нашелъ почему-то празднымъ и несостоятельнымъ. Но мальчики такъ и остались въ увѣренности, что Дарданеловъ не знаетъ, кто основалъ Трою. Коля же вычиталъ объ основателяхъ Трои у Смарагдова, хранившагося въ шкапѣ съ книгами, который остался послѣ родителя. Кончилось тѣмъ, что всѣхъ даже мальчиковъ стало, наконецъ, интересовать: кто-жъ именно основалъ Трою, но Красоткинъ своего секрета не открывалъ, и слава знанія оставалась за нимъ незыблемо.

Послѣ случая на желѣзной дорогѣ, у Коли въ отношеніяхъ къ матери произошла нѣкоторая перемѣна. Когда Анна Ѳедоровна (вдова Красоткина) узнала о подвигѣ сынка, то чуть не сошла съ ума отъ ужаса. Съ ней сдѣлались такіе страшные истерическіе припадки, продолжавшіеся съ перемежками нѣсколько дней, что испуганный уже серьезно Коля далъ ей честное и благородное слово, что подобныхъ шалостей уже никогда не повторится. Онъ поклялся на колѣняхъ предъ образомъ и поклялся памятью отца, какъ потребовала сама госпожа Красоткина, причемъ «мужественный» Коля самъ расплакался какъ шестилѣтній мальчикъ отъ «чувствъ», и мать и сынъ во весь тотъ день бросались другъ другу въ объятія и плакали, сотрясаясь. На другой день Коля проснулся по прежнему «безчувственнымъ», однако сталъ молчаливѣе, скромнѣе, строже, задумчивѣе. Правда, мѣсяца чрезъ

полтора онъ опять было попался въ одной шалости, и имя его сдѣлалось даже извѣстнымъ мировому судьѣ, но шалость была уже совсѣмъ въ другомъ родѣ, даже смѣшная и глупенькая, да и не самъ онъ, какъ оказалось, совершилъ ее, а только очутился въ нее замѣшаннымъ. Мать продолжала трепетать и мучиться, а Дарданеловъ по мѣрѣ тревогъ ея все болѣе и болѣе воспринималъ надежду. Надо замѣтить, что Коля понималъ и разгадывалъ съ этой стороны Дарданелова и ужъ, разумѣется, глубоко презиралъ его за его «чувства»; прежде даже имѣлъ неделикатность выказывать это презрѣніе свое предъ матерью, отдаленно намекая ей, что понимаетъ, чего добивается Дарданеловъ. Но послѣ случая на желѣзной дорогѣ онъ и на этотъ счетъ измѣнилъ свое поведеніе: намековъ себѣ уже болѣе не позволялъ, даже самыхъ отдаленныхъ, а о Дарданеловѣ при матери сталъ отзываться почтительнѣе, что тотчасъ же съ безпредѣльною благодарностью въ сердцѣ своемъ поняла чуткая Анна Ѳедоровна, но зато при малѣйшемъ, самомъ нечаянномъ словѣ даже отъ посторонняго какого-нибудь гостя о Дарданеловѣ, если при этомъ находился Коля, вдругъ вся вспыхивала, какъ роза. Коля же въ эти мгновенія или смотрѣлъ нахмуренно въ окно, или разглядывалъ, не просятъ ли у него сапоги каши, или свирѣпо звалъ «Перезвона», лохматую, довольно большую и паршивую собаку, которую съ мѣсяцъ вдругъ откуда-то пріобрѣлъ, втащилъ въ домъ и держалъ почему-то въ секретѣ въ комнатахъ, никому ее не показывая изъ товарищей. Тиранилъ же ужасно, обучая ее всякимъ штукамъ и наукамъ, и довелъ бѣдную собаку до того, что та выла безъ него, когда онъ отлучался въ классы, а когда приходилъ, визжала отъ восторга, скакала какъ полоумная, служила, валилась на

землю и притворялась мертвою и проч.; словомъ, показывала всѣ штуки, которымъ ее обучили, уже не по требованію, а единственно отъ пылкости своихъ восторженныхъ чувствъ и благодарнаго сердца.

Читатели, конечно, припомнятъ, что Коля Красоткинъ былъ тотъ самый мальчикъ, котораго знакомый уже имъ мальчикъ Илюша, сынъ отставнаго штабсъ-капитана Снегирева, пырнулъ перочиннымъ ножичкомъ въ бедро, заступаясь за отца, котораго школьники задразнили «мочалкой».

Итакъ, въ то морозное и сиверкое ноябрьское утро, мальчикъ Коля Красоткинъ сидѣлъ дома. Было воскресенье, и классовъ не было. Но пробило уже одиннадцать часовъ, а ему непремѣнно надо было идти со двора «по одному весьма важному дѣлу», а между тѣмъ онъ во всемъ домѣ оставался одинъ и рѣшительно какъ хранитель его, потому что такъ случилось, что всѣ его старшіе обитатели, по нѣкоторому экстренному и оригинальному обстоятельству, отлучились со двора. Въ домѣ вдовы Красоткиной, чрезъ сѣни отъ квартиры, которую занимала она сама, отдавалась еще одна и единственная въ домѣ квартирка изъ двухъ маленькихъ комнатъ внаймы, и занимала ее докторша съ двумя малолѣтними дѣтьми. Эта докторша была однихъ лѣтъ съ Анной Ѳедоровной и большая ея пріятельница, самъ же докторъ вотъ уже съ годъ заѣхалъ куда-то сперва въ Оренбургъ, а потомъ въ Ташкентъ, и уже съ полгода какъ отъ него не было ни слуху, ни духу, такъ что, еслибы не дружба съ г-жою Красоткиной, нѣсколько смягчавшая горе оставленной докторши, то она рѣшительно бы истекла отъ этого горя слезами. Въ это утро обѣ дамы были по дѣламъ въ отлучкѣ, служанка же самой г-жи Красоткиной, баба Агаѳья, ушла

на базаръ, и Коля очутился такимъ образомъ на время хранителемъ и караульщикомъ «пузырей», то есть мальчика и дѣвочки докторши, оставшихся одинешенькими. Караулить домъ Коля не боялся, съ нимъ къ тому же былъ Перезвонъ, которому повелѣно было лежать ничкомъ въ передней подъ лавкой «безъ движеній», и который именно поэтому, каждый разъ какъ входилъ въ переднюю расхаживавшій по комнатамъ Коля, вздрагивалъ головой и давалъ два твердые и заискивающіе удара хвостомъ по полу, но, увы, призывнаго свиста не раздавалось. Коля грозно взглядывалъ на несчастнаго пса, и тотъ опять замиралъ въ послушномъ оцѣпенѣніи. Но если что смущало Колю, то единственно «пузыри». Настя, старшая дѣвочка восьми уже лѣтъ, умѣла читать, а младшій пузырь, семилѣтній мальчикъ, Костя, очень любилъ слушать, когда Настя ему читаетъ. Разумѣется, Красоткинъ могъ бы ихъ занять интереснѣе, то есть поставить обоихъ рядомъ и начать съ ними играть въ солдаты, или прятаться по всему дому. Это онъ не разъ уже дѣлалъ, такъ что даже въ классѣ у нихъ разнеслось было разъ, что Красоткинъ у себя дома играетъ съ маленькими жильцами своими въ лошадки, прыгаетъ за пристяжную и гнетъ голову, но Красоткинъ гордо отпарировалъ это обвиненіе, выставивъ на видъ, что со сверстниками, съ тринадцатилѣтними, дѣйствительно было бы позорно играть «въ нашъ вѣкъ» въ лошадки, но что онъ дѣлаетъ это для «пузырей», потому что ихъ любитъ, а въ чувствахъ его никто не смѣетъ у него спрашивать отчета. Зато и обожали же его оба «пузыря». Но на сей разъ было не до игрушекъ. Ему предстояло одно очень важное собственное дѣло, и на видъ какое-то почти даже таинственное, между тѣмъ время уходило, а Агаѳья, на которую можно бы было

оставить дѣтей, все еще не хотѣла возвратиться съ базара. Онъ нѣсколько разъ уже переходилъ чрезъ сѣни, отворялъ дверь къ докторшѣ и озабоченно оглядывалъ «пузырей», которые, по его приказанію, сидѣли за книжкой, и каждый разъ, какъ онъ отворялъ дверь, молча улыбались ему во весь ротъ, ожидая, что вотъ онъ войдетъ и сдѣлаетъ что-нибудь прекрасное и забавное. Но Коля былъ въ душевной тревогѣ и не входилъ. Наконецъ пробило одиннадцать, и онъ твердо и окончательно рѣшилъ, что если чрезъ десять минутъ «проклятая» Агаѳья не воротится, то онъ уйдетъ со двора, ея не дождавшись, разумѣется, взявъ съ «пузырей» слово, что они безъ него не струсятъ, не нашалятъ и не будутъ отъ страха плакать. Въ этихъ мысляхъ онъ одѣлся въ свое ватное зимнее пальтишко съ мѣховымъ воротникомъ изъ какого-то котика, навѣсилъ черезъ плечо свою сумку и, не смотря на прежнія неоднократныя мольбы матери, чтобъ онъ по «такому холоду», выходя со двора, всегда надѣвалъ калошки, только съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на нихъ, проходя чрезъ переднюю, и вышелъ въ однихъ сапогахъ. Перезвонъ, завидя его одѣтымъ, началъ было усиленно стучать хвостомъ по полу, нервно подергиваясь всѣмъ тѣломъ и даже испустилъ было жалобный вой, но Коля, при видѣ такой страстной стремительности своего пса, заключилъ, что это вредитъ дисциплинѣ, и хоть минуту, а выдержалъ его еще подъ лавкой, и уже, отворивъ только дверь въ сѣни, вдругъ свистнулъ его. Песъ вскочилъ какъ съумасшедшій и бросился скакать предъ нимъ отъ восторга. Перейдя сѣни, Коля отворилъ дверь къ «пузырямъ». Оба по прежнему сидѣли за столикомъ, но уже не читали, а жарко о чемъ-то спорили. Эти дѣтки часто другъ съ другомъ спорили о разныхъ вызывающихъ житейскихъ

предметахъ, причемъ Настя, какъ старшая, всегда одерживала верхъ, Костя же, если не соглашался съ нею, то всегда почти шелъ аппеллировать къ Колѣ Красоткину, и ужъ какъ тотъ рѣшалъ, такъ оно и оставалось въ видѣ непреложнаго приговора для всѣхъ сторонъ.

— Пузыри, я въ затрудненіи, началъ важно Красоткинъ, — и вы должны мнѣ помочь: Агаѳья, конечно, ногу сломала, потому что до сихъ поръ не является, это рѣшено и подписано, мнѣ же необходимо со двора. Отпустите вы меня, али нѣтъ?

Дѣти озабоченно переглянулись другъ съ другомъ, осклабившіяся лица ихъ стали выражать безпокойство. Они впрочемъ еще не понимали вполнѣ, чего отъ нихъ добиваются.

— Шалить безъ меня не будете? Не полѣзете на шкапъ, не сломаете ногъ? Не заплачете отъ страха одни?

На лицахъ дѣтей выразилась страшная тоска.

— А я бы вамъ за то могъ вещицу одну показать, пушечку мѣдную, изъ которой можно стрѣлять настоящимъ порохомъ.

Лица дѣтокъ мгновенно прояснились.

— Покажите пушечку, весь просіявшій проговорилъ Костя.

Красоткинъ запустилъ руку въ свою сумку и, вынувъ изъ нея маленькую бронзовую пушечку, поставилъ ее на столъ.

— То-то покажите! Смотри, на колесахъ, — прокатилъ онъ игрушку по столу, — и стрѣлять можно. Дробью зарядить и стрѣлять.

— И убьетъ?

— Всѣхъ убьетъ, только сто́итъ навести, — и Красоткинъ растолковалъ, куда положить порохъ, куда вкатить дробинку, показалъ на дырочку въ видѣ затравки и разсказалъ, что бываетъ откатъ. Дѣти слушали со страшнымъ лю-

бопытствомъ. Особенно поразило ихъ воображеніе, что бываетъ откатъ.

— А у васъ есть порохъ? освѣдомилась Настя.

— Есть.

— Покажите и порохъ, протянула она съ просящею улыбкой.

Красоткинъ опять слазилъ въ сумку и вынулъ изъ нея маленькій пузырекъ, въ которомъ дѣйствительно было насыпано нѣсколько настоящаго пороха, а въ свернутой бумажкѣ оказалось нѣсколько крупинокъ дроби. Онъ даже откупорилъ пузырекъ и высыпалъ немножко пороху на ладонь

— Вотъ, только не было бы гдѣ огня, а то такъ и взорветъ и насъ всѣхъ перебьетъ, предупредилъ для эффекта Красоткинъ.

Дѣти разсматривали порохъ съ благоговѣйнымъ страхомъ, еще усилившимъ наслажденіе. Но Костѣ больше понравилась дробь.

— А дробь не горитъ? освѣдомился онъ.

— Дробь не горитъ.

— Подарите мнѣ немножко дроби, проговорилъ онъ умоляющимъ голоскомъ.

— Дроби немножко подарю, вотъ, бери, только мамѣ своей до меня не показывай, пока я не приду обратно, а то подумаетъ, что это порохъ и такъ и умретъ отъ страха, а васъ выпоретъ.

— Мама насъ никогда не сѣчетъ розгой, тотчасъ же замѣтила Настя.

— Знаю, я только для красоты слога сказалъ. И маму вы никогда не обманывайте, но на этотъ разъ — пока я приду. Итакъ, пузыри, можно мнѣ идти или нѣтъ? Не заплачете безъ меня отъ страха.

— За-пла-чемъ, протянулъ Костя, уже приготовляясь плакать.

— Заплачемъ, непремѣнно заплачемъ! подхватила пугливою скороговоркой и Настя.

— Охъ, дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта. Нечего дѣлать, птенцы, придется съ вами просидѣть не знаю сколько. А время-то, время-то, ухъ!

— А прикажите Перезвону мертвымъ притвориться, попросилъ Костя.

— Да ужъ нечего дѣлать, придется прибѣгнуть и къ Перезвону. Ісі, Перезвонъ! И Коля началъ повелѣвать собакѣ, а та представлять все что знала. Это была лохматая собака, величиной съ обыкновенную дворняжку, какой-то сѣро-лиловой шерсти. Правый глазъ ея былъ кривъ, а лѣвое ухо почему-то съ разрѣзомъ. Она взвизгивала и прыгала, служила, ходила на заднихъ лапахъ, бросалась на спину всѣми четырьмя лапами вверхъ и лежала безъ движенія, какъ мертвая. Во время этой послѣдней штуки отворилась дверь и Агаѳья, толстая служанка г-жи Красоткиной, рябая баба лѣтъ сорока, показалась на порогѣ, возвратясь съ базара съ кулькомъ накупленной провизіи въ рукѣ. Она стала и, держа въ лѣвой рукѣ на отвѣсѣ кулекъ, принялась глядѣть на собаку. Коля, какъ ни ждалъ Агаѳьи, представленія не прервалъ и, выдержавъ Перезвона опредѣленное время мертвымъ, наконецъ-то свистнулъ ему: собака вскочила и пустилась прыгать отъ радости, что исполнила свой долгъ.

— Вишь, песъ! проговорила назидательно Агаѳья.

— А ты чего, женскій полъ, опоздала? спросилъ грозно Красоткинъ.

— Женскій полъ, ишь пупырь!

— Пупырь?

— И пупырь. Что тебѣ, что я опоздала, значитъ, такъ надо, коли опоздала, бормотала Агаѳья, принимаясь возиться около печки, но совсѣмъ не недовольнымъ и не сердитымъ голосомъ,

а, напротивъ, очень довольнымъ, какъ будто радуясь случаю позубоскалить съ веселымъ барченкомъ.

— Слушай, легкомысленная старуха, началъ, вставая съ дивана, Красоткинъ, — можешь ты мнѣ поклясться всѣмъ, что есть святаго въ этомъ мірѣ и сверхъ того чѣмъ-нибудь еще, что будешь наблюдать за пузырями въ мое отсутствіе неустанно? Я ухожу со двора.

— А зачѣмъ я тебѣ клястись стану? засмѣялась Агаѳья, — и такъ присмотрю.

— Нѣтъ, не иначе, какъ поклявшись вѣчнымъ спасеніемъ души твоей. Иначе не уйду.

— И не уходи. Мнѣ како дѣло, на дворѣ морозъ, сиди дома.

— Пузыри, обратился Коля къ дѣткамъ, — эта женщина останется съ вами до моего прихода или до прихода вашей мамы, потому что и той давно бы воротиться надо. Сверхъ того дастъ вамъ позавтракать. Дашь чего-нибудь имъ, Агаѳья?

— Это возможно.

— До свиданія, птенцы, ухожу со спокойнымъ сердцемъ.

Выйдя за ворота, онъ оглядѣлся, передернулъ плечиками и проговоривъ: «морозъ!» направился прямо по улицѣ и потомъ направо по переулку къ базарной площади. Не доходя одного дома до площади, онъ остановился у воротъ, вынулъ изъ кармашка свистульку и свистнулъ изо всей силы, какъ бы подавая условный знакъ. Ему пришлось ждать не болѣе минуты, изъ калитки вдругъ выскочилъ къ нему румяненькій мальчикъ, лѣтъ одиннадцати, тоже одѣтый въ теплое, чистенькое и даже щегольское пальтецо. Это былъ мальчикъ Смуровъ, состоявшій въ приготовительномъ классѣ (тогда какъ Коля Красоткинъ былъ уже двумя классами выше), сынъ за-

житочнаго чиновника и которому, кажется, не позволяли родители водиться съ Красоткинымъ, какъ съ извѣстнѣйшимъ отчаяннымъ шалуномъ, такъ что Смуровъ очевидно выскочилъ теперь украдкой. Этотъ Смуровъ, если не забылъ читатель, былъ одинъ изъ той группы мальчиковъ, которые два мѣсяца тому назадъ кидали камнями черезъ канаву въ Илюшу и который разсказывалъ тогда про Илюшу Алешѣ Карамазову.

— Я васъ уже цѣлый часъ жду, Красоткинъ, съ рѣшительнымъ видомъ проговорилъ Смуровъ, и мальчики зашагали къ площади.

— Запоздалъ, отвѣтилъ Красоткинъ. — Есть обстоятельства. Тебя не выпорютъ, что ты со мной?

— Ну, полноте, развѣ меня порютъ? И Перезвонъ съ вами?

— И Перезвонъ!

— Вы и его туда?

— И его туда.

— Ахъ, кабы Жучка!

— Нельзя Жучку. Жучка не существуетъ. Жучка исчезла во мракѣ неизвѣстности.

— Ахъ, нельзя ли бы такъ, пріостановился вдругъ Смуровъ, — вѣдь Илюша говоритъ, что Жучка тоже была лохматая и тоже такая же сѣдая, дымчатая, какъ и Перезвонъ, — нельзя ли сказать, что это та самая Жучка и есть, онъ можетъ быть и повѣритъ?

— Школьникъ, гнушайся лжи, это разъ; даже для добраго дѣла, два. А главное, надѣюсь, ты тамъ не объявлялъ ничего о моемъ приходѣ.

— Боже сохрани, я вѣдь понимаю же. Но Перезвономъ его не утѣшишь, вздохнулъ Смуровъ. Знаешь что: отецъ этотъ, капитанъ, мочалка-то, говорилъ намъ, что сегодня щеночка ему принесетъ, настоящаго меделянскаго, съ чернымъ носомъ; онъ думаетъ, что этимъ утѣшитъ Илюшу, только врядъ ли?

— А каковъ онъ самъ, Илюша-то?

— Ахъ, плохъ, плохъ! Я думаю у него чахотка. Онъ весь въ памяти, только такъ дышетъ — дышетъ, нехорошо онъ дышетъ. Намедни попросилъ, чтобъ его поводили, обули его въ сапожки, пошелъ было, да и валится. «Ахъ, говоритъ, я говорилъ тебѣ, папа, что у меня дурные сапожки, прежніе, въ нихъ и прежде было не ловко ходить». Это онъ думалъ, что онъ отъ сапожекъ съ ногъ валится, а онъ просто отъ слабости. Недѣли не проживетъ. Герценштубе ѣздитъ. Теперь они опять богаты, у нихъ много денегъ.

— Шельмы.

— Кто шельмы?

— Доктора, и вся медицинская сволочь, говоря вообще и ужъ, разумѣется, въ частности. Я отрицаю медицину. Безполезное учрежденіе! Я впрочемъ все это изслѣдую. Что это у васъ тамъ за сентиментальности однако завелись? Вы тамъ всѣмъ классомъ кажется пребываете?

— Не всѣмъ, а такъ человѣкъ десять нашихъ ходитъ туда, всегда, всякій день. Это ничего.

— Удивляетъ меня во всемъ этомъ роль Алексѣя Карамазова: брата его завтра или послѣзавтра судятъ, а у него столько времени на сентиментальничанье съ мальчиками!

— Совсѣмъ тутъ никакого нѣтъ сентиментальничанья. Самъ же вотъ идешь теперь съ Илюшей мириться.

— Мириться? Смѣшное выраженіе. Я впрочемъ никому не позволяю анализовать мои поступки.

— А какъ Илюша будетъ тебѣ радъ! Онъ и не воображаетъ, что ты придешь. Почему, почему ты такъ долго не хотѣлъ идти? воскликнулъ вдругъ съ жаромъ Смуровъ.

— Милый мальчикъ, это мое дѣло, а не твое. Я иду самъ по себѣ, потому что такова моя воля,

а васъ всѣхъ притащилъ туда Алексѣй Карамазовъ, значитъ, разница. И почему ты знаешь, я можетъ вовсе не мириться иду? Глупое выраженіе.

— Вовсе не Карамазовъ, совсѣмъ не онъ. Просто наши сами туда стали ходить, конечно сперва съ Карамазовымъ. И ничего такого не было, никакихъ глупостей. Сначала одинъ, потомъ другой. Отецъ былъ ужасно намъ радъ. Ты знаешь, онъ просто съ ума сойдетъ, коль умретъ Илюша. Онъ видитъ, что Илюша умретъ. А намъ-то какъ радъ, что мы съ Илюшей помирились. Илюша о тебѣ спрашивалъ, ничего больше не прибавилъ. Спроситъ и замолчитъ. А отецъ съ ума сойдетъ или повѣсится. Онъ вѣдь и прежде держалъ себя какъ помѣшанный. Знаешь, онъ благородный человѣкъ, и тогда вышла ошибка. Все этотъ братъ Карамазова виноватъ, что избилъ его тогда.

— А все таки Алексѣй Карамазовъ для меня загадка. Я могъ бы и давно съ нимъ познакомиться, но я въ иныхъ случаяхъ люблю быть гордымъ. Притомъ я составилъ о немъ нѣкоторое мнѣніе, которое надо еще провѣрить и разъяснить.

Коля важно примолкъ, Смуровъ тоже. Смуровъ, разумѣется, благоговѣлъ предъ Колей Красоткинымъ и не смѣлъ и думать равняться съ нимъ. Теперь же былъ ужасно заинтересованъ, потому что Коля объяснилъ, что идетъ «самъ по себѣ», и была тутъ стало быть непремѣнно какая-то загадка въ томъ, что Коля вдругъ вздумалъ теперь и именно сегодня идти? Они шли по базарной площади, на которой на этотъ разъ стояло много пріѣзжихъ возовъ и было много пригнанной птицы. Городскія бабы торговали подъ своими навѣсами бубликами, нитками и проч. Такіе воскресные съѣзды наивно называются у насъ въ городкѣ ярмарками, и такихъ

ярмарокъ бываетъ много въ году. Перезвонъ бѣжалъ въ веселѣйшемъ настроеніи духа, уклоняясь безпрестанно направо и налѣво, гдѣ-нибудь что-нибудь понюхать. Встрѣчаясь съ другими собачонками, онъ съ необыкновенною охотой съ ними обнюхивался по всѣмъ собачьимъ правиламъ.

— Я люблю наблюдать реализмъ, Смуровъ, заговорилъ вдругъ Коля. — Замѣтилъ ты какъ собаки встрѣчаются и обнюхиваются? Тутъ какой-то общій у нихъ законъ природы.

— Да, какой-то смѣшной.

— То есть не смѣшной, это ты неправильно. Въ природѣ ничего нѣтъ смѣшного, какъ-бы тамъ ни казалось человѣку съ его предразсудками. Если-бы собаки могли разсуждать и критиковать, то навѣрно-бы нашли столько-же для себя смѣшного, если не гораздо больше, въ отношеніяхъ между собою людей. Ты еще не доросъ до этого, тебѣ рано. Холодно однако.

— Да. Двѣнадцать градусовъ. Давеча отецъ смотрѣлъ на термометрѣ.

— И замѣтилъ ты, Смуровъ, что въ серединѣ зимы, если градусовъ пятнадцать или даже восемнадцать, то кажется не такъ холодно, какъ напримѣръ теперь, въ началѣ зимы, когда вдругъ нечаянно ударитъ морозъ, какъ теперь, въ двѣнадцать градусовъ, да еще когда снѣгу мало. Это значитъ люди еще не привыкли. У людей все привычка, во всемъ, даже въ государственныхъ и въ политическихъ отношеніяхъ. Привычка — главный двигатель. Какой смѣшной однако мужикъ.

Коля указалъ на рослаго мужика въ тулупѣ, съ добродушною физіономіей, который у своего воза похлопывалъ отъ холода ладонями въ рукавицахъ. Длинная русая борода его вся заиндевѣла отъ мороза.

— У мужика борода замерзла! громко и задирчиво крикнулъ Коля, проходя мимо него.

— У многихъ замерзла, спокойно и сентенціозно промолвилъ въ отвѣтъ мужикъ.

— Не задирай его, замѣтилъ Смуровъ.

— Ничего, не осердится, онъ хорошій. Прощай, Матвѣй.

— Прощай.

— А ты развѣ Матвѣй?

— Матвѣй. А ты не зналъ?

— Не зналъ; я наугадъ сказалъ.

— Ишь вѣдь. Въ школьникахъ небось?

— Въ школьникахъ.

— Что-жъ, тебя порютъ?

— Не то чтобы, а такъ.

— Больно?

— Не безъ того!

— Эхъ, жисть! вздохнулъ мужикъ отъ всего сердца.

— Прощай, Матвѣй.

— Прощай. Парнишка ты милый, вотъ что.

Мальчики пошли дальше.

— Это хорошій мужикъ, заговорилъ Коля Смурову. — Я люблю поговорить съ народомъ и всегда радъ отдать ему справедливость.

— Зачѣмъ ты ему совралъ, что у насъ сѣкутъ? спросилъ Смуровъ.

— Надо-же было его утѣшить.

— Чѣмъ это?

— Видишь, Смуровъ, не люблю я, когда переспрашиваютъ, если не понимаютъ съ перваго слова. Иного и растолковать нельзя. По идеѣ мужика школьника порютъ и должны пороть: что, дескать, за школьникъ, если его не порютъ? И вдругъ я скажу ему, что у насъ не порютъ, вѣдь онъ этимъ огорчится. А впрочемъ ты этого не понимаешь. Съ народомъ надо умѣючи говорить.

— Только не задирай пожалуйста, а то опять выйдетъ исторіи, какъ тогда съ этимъ гусемъ.

— А ты боишься?

— Не смѣйся, Коля, ей Богу боюсь. Отецъ ужасно разсердится. Мнѣ строго запрещено ходить съ тобой.

— Не безпокойся, нынѣшній разъ ничего не произойдетъ. Здравствуй, Наташа, крикнулъ онъ одной изъ торговокъ подъ навѣсомъ.

— Какая я тебѣ Наташа, я Марья, крикливо отвѣтила торговка.

— Это хорошо, что Марья, прощай.

— Ахъ, ты, пострѣленокъ, отъ земли не видать, а туда же?

— Некогда, некогда мнѣ съ тобой, въ будущее воскресенье разскажешь, замахалъ руками Коля, точно она къ нему приставала, а не онъ къ ней.

— А что мнѣ тебѣ разсказывать въ воскресенье? Самъ привязался, а не я къ тебѣ, озорникъ, раскричалась Марья, — выпороть тебя, вотъ что, обидчикъ ты извѣстный, вотъ что!

Между другими торговками, торговавшими на своихъ лоткахъ рядомъ съ Марьей, раздался смѣхъ, какъ вдругъ изъ подъ аркады городскихъ лавокъ выскочилъ ни съ того ни съ сего одинъ раздраженный человѣкъ въ родѣ купеческаго прикащика, и не нашъ торговецъ, а изъ пріѣзжихъ, въ длиннополомъ синемъ кафтанѣ, въ фуражкѣ съ козырькомъ, еще молодой, въ темнорусыхъ кудряхъ и съ длиннымъ, блѣднымъ, рябоватымъ лицомъ. Онъ былъ въ какомъ-то глупомъ волненіи и тотчасъ принялся грозить Колѣ кулакомъ.

— Я тебя знаю, восклицалъ онъ раздраженно, — я тебя знаю!

Коля пристально поглядѣлъ на него. Онъ что-то не могъ припомнить, когда онъ съ этимъ человѣкомъ могъ имѣть какую-нибудь схватку. Но

мало-ли у него было схватокъ на улицахъ, всѣхъ и припомнить было нельзя.

— Знаешь? иронически спросилъ онъ его.

— Я тебя знаю, я тебя знаю! наладилъ какъ дуракъ мѣщанинъ.

— Тебѣ-же лучше. Ну, некогда мнѣ, прощай!

— Чего озорничаешь? закричалъ мѣщанинъ. — Ты опять озорничать? Я тебя знаю! Ты опять озорничать?

— Это, братъ, не твое теперь дѣло, что я озорничаю, произнесъ Коля, остановясь и продолжая его разглядывать.

— Какъ не мое?

— Такъ, не твое.

— А чье-же? Чье-же? Ну, чье-же?

— Это, братъ, теперь Трифона Никитича дѣло, а не твое.

— Какого такого Трифона Никитича? съ дурацкимъ удивленіемъ, хотя все также горячась, уставился на Колю парень. Коля важно обмѣрилъ его взглядомъ.

— Къ Вознесенью ходилъ? строго и настойчиво вдругъ спросилъ онъ его.

— Къ какому Вознесенью? Зачѣмъ? Нѣтъ, не ходилъ, опѣшилъ немного парень.

— Сабанѣева знаешь? еще настойчивѣе и еще строже продолжалъ Коля.

— Какого-тѣ Сабанѣева? Нѣтъ, не знаю.

— Ну и чортъ съ тобой послѣ этого! отрѣзалъ вдругъ Коля и, круто повернувъ направо, быстро зашагалъ своею дорогой, какъ будто и говорить презирая съ такимъ олухомъ, который Сабанѣева даже не знаетъ.

— Стой ты, эй! Какого-тѣ Сабанѣева? опомнился парень, весь опять заволновавшись. — Это онъ чего такого говорилъ? повернулся онъ вдругъ къ торговкамъ, глупо смотря на нихъ.

Бабы разсмѣялись.

— Мудреный мальчишка, проговорила одна.

— Какого, какого это онъ Сабанѣева? все неистово повторялъ парень, махая правою рукой.

— А это надоть быть Сабанѣева, который у Кузмичевыхъ служилъ, вотъ какъ надоть быть, догадалась вдругъ одна баба.

Парень дико на нее уставился.

— Кузь-ми-чева? переговорила другая баба, да какой онъ Трифонъ? Тотъ Кузьма, а не Трифонъ, а парнишка Трифономъ Никитычемъ называлъ, стало не онъ.

— Это вишь не Трифонъ и не Сабанѣевъ, это Чижовъ, подхватила вдругъ третья баба, доселѣ молчавшая и серьезно слушавшая, — Алексѣй Иванычемъ звать его. Чижовъ, Алексѣй Иванычъ.

— Это такъ и есть что Чижовъ, настойчиво подтвердила четвертая баба.

Ошеломленный парень глядѣлъ то на ту, то на другую.

— Да зачѣмъ онъ спрашивалъ, спрашивалъ-то онъ зачѣмъ, люди добрые! восклицалъ онъ уже почти въ отчаяніи: — «Сабанѣева знаешь?» А чортъ его знаетъ, какой онъ есть таковъ Сабанѣевъ?

— Безтолковый ты человѣкъ, говорятъ тѣ не Сабанѣевъ, а Чижовъ, Алексѣй Ивановичъ Чижовъ, вотъ кто! внушительно крикнула ему одна торговка.

— Какой Чижовъ? Ну, какой? Говори коли знаешь.

— А длинный, возгривый, лѣтось на базарѣ сидѣлъ.

— А на кой лядъ мнѣ твово Чижова, люди добрые,а?

— А я почемъ знаю, на кой тѣ лядъ Чижова.

— А кто тебя знастъ, на что онъ тебѣ, подхватила другая, — самъ долженъ знать, на что

его тебѣ надо, коли галдишь. Вѣдь онъ тебѣ говорилъ, а не намъ, глупый ты человѣкъ. Аль вправду не знаешь?

— Кого?

— Чижова.

— А чортъ его дери Чижова съ тобой вмѣстѣ! Отколочу его, вотъ что! Смѣялся онъ надо мной!

— Чижова-то отколотишь? Либо онъ тебя! Дуракъ ты, вотъ что!

— Не Чижова, не Чижова, баба ты злая, вредная, мальчишку отколочу, вотъ что! Давайте его, давайте его сюда, смѣялся онъ надо мной!

Бабы хохотали. А Коля шагалъ уже далеко съ побѣдоноснымъ выраженіемъ въ лицѣ. Смуровъ шелъ подлѣ, оглядываясь на кричащую вдали группу. Ему тоже было очень весело, хотя онъ все еще опасался, какъ бы не попасть съ Колей въ исторію.

— Про какого ты его спросилъ Сабанѣева? спросилъ онъ Колю, предчувствуя отвѣтъ.

— А почемъ я знаю про какого? Теперь у нихъ до вечера крику будетъ. Я люблю расшевелить дураковъ во всѣхъ слояхъ общества. Вотъ и еще стоитъ олухъ, вотъ этотъ мужикъ. Замѣть себѣ, говорятъ: «Ничего нѣтъ глупѣе глупаго француза», но и русская физіономія выдаетъ себя. Ну, не написано-ль у этого на лицѣ, что онъ дуракъ, вотъ у этого мужика, а?

— Оставь его, Коля, пройдемъ мимо.

— Ни за что не оставлю, я теперь поѣхалъ. Эй! здравствуй, мужикъ!

Дюжій мужикъ, медленно проходившій мимо и уже должно быть выпившій, съ круглымъ простоватымъ лицомъ и съ бородой съ просѣдью, поднялъ голову и посмотрѣлъ на парнишку.

— Ну, здравствуй, коли не шутишь, неторопливо проговорилъ онъ въ отвѣтъ.

— А коль шучу? засмѣялся Коля.

— А шутишь, такъ и шути, Богъ съ тобой. Ничего, это можно. Это всегда возможно, чтобъ пошутить.

— Виноватъ, братъ, пошутилъ.

— Ну и Богъ тѣ прости.

— Ты-то прощаешь-ли?

— Оченно прощаю. Ступай.

— Вишь вѣдь ты, да ты, пожалуй, мужикъ умный.

— Умнѣй тебя, неожиданно и по прежнему важно отвѣтилъ мужикъ.

— Врядъ-ли, опѣшилъ нѣсколько Коля.

— Вѣрно говорю.

— А пожалуй, что и такъ.

— То-то, братъ.

— Прощай, мужикъ.

— Прощай.

— Мужики бываютъ разные, замѣтилъ Коля Смурову послѣ нѣкотораго молчанія. — Почему-же я зналъ, что нарвусь на умника. Я всегда готовъ признать умъ въ народѣ.

Вдали на соборныхъ часахъ пробило половину двѣнадцатаго. Мальчики заспѣшили, и остальной довольно еще длинный путь до жилища штабсъ-капитана Снегирева прошли быстро и почти уже не разговаривая. За двадцать шаговъ до дома Коля остановился и велѣлъ Смурову пойти впередъ и вызвать ему сюда Карамазова.

— Надо предварительно обнюхаться, замѣтилъ онъ Смурову.

— Да зачѣмъ вызывать, возразилъ было Смуровъ, — войди и такъ, тебѣ ужасно обрадуются. А то что-же на морозѣ знакомиться?

— Это ужъ я знаю, зачѣмъ мнѣ его надо, сюда на морозъ, деспотически отрѣзалъ Коля (что ужасно любилъ дѣлать съ этими «маленькими»), и Смуровъ побѣжалъ исполнять приказаніе.

4. Жучка.

Коля съ важною миною въ лицѣ прислонился къ забору и сталъ ожидать появленія Алеши. Да, съ нимъ ему давно уже хотѣлось встрѣтиться. Онъ много наслышался о немъ отъ мальчиковъ, но до сихъ поръ всегда наружно выказывалъ презрительно равнодушный видъ, когда ему о немъ говорили, даже «критиковалъ» Алешу, выслушивая то, что о немъ ему передавали. Но про себя очень, очень хотѣлъ познакомиться: что-то было во всѣхъ выслушанныхъ имъ разсказахъ объ Алешѣ симпатическое и влекущее. Такимъ образомъ теперешняя минута была важная; во первыхъ, надо было себя въ грязь лицомъ не ударить, показать независимость: «А то подумаетъ, что мнѣ тринадцать лѣтъ и приметъ меня за такого же мальчишку, какъ и эти. И что ему эти мальчишки? Спрошу его, когда сойдусь? Скверно однако-же то, что я такого маленькаго роста. Тузиковъ моложе меня, а на полголовы выше. Лицо у меня, впрочемъ, умное; я не хорошъ, я знаю, что я мерзокъ лицомъ, но лицо умное. Тоже надо не очень высказываться, а то сразу-то съ объятіями, онъ и подумаетъ . . . Тьфу какая будетъ мерзость, если подумаетъ! . . .

Такъ волновался Коля, изо всѣхъ силъ стараясь принять самый независимый видъ. Главное, его мучилъ маленькій его ростъ, не столько «мерзкое» лицо, сколько ростъ. У него дома, въ углу на стѣнѣ, еще съ прошлаго года была сдѣлана карандашомъ черточка, которою онъ отмѣтилъ свой ростъ, и съ тѣхъ поръ каждые два мѣсяца онъ съ волненіемъ подходилъ опять мѣриться: насколько успѣлъ вырости! Но увы! выросталъ онъ ужасно мало, и это приводило его порой просто въ отчаяніе. Что же до лица,

то было оно вовсе не «мерзкое», напротивъ, довольно миловидное, бѣленькое, блѣдненькое, съ веснушками. Сѣрые, небольшіе, но живые глазки смотрѣли смѣло и часто загорались чувствомъ. Скулы были нѣсколько широки, губы маленькія, не очень толстыя, но очень красныя; носъ маленькій и рѣшительно вздернутый: «совсѣмъ курносый, совсѣмъ курносый!» бормоталъ про себя Коля, когда смотрѣлся въ зеркало, и всегда отходилъ отъ зеркала съ негодованіемъ. «Да врядъ-ли и лицо умное?» подумывалъ онъ иногда, даже сомнѣваясь и въ этомъ. Впрочемъ, не надо полагать, что забота о лицѣ и о ростѣ поглощала всю его душу. Напротивъ, какъ ни язвительны были минуты предъ зеркаломъ, но онъ быстро забывалъ о нихъ и даже надолго, «весь отдаваясь идеямъ и дѣйствительной жизни», какъ опредѣлялъ онъ самъ свою дѣятельность.

Алеша появился скоро и спѣша подошелъ къ Колѣ; за нѣсколько шаговъ еще тотъ разглядѣлъ, что у Алеши было какое-то совсѣмъ радостное лицо. «Неужели такъ радъ мнѣ?» съ удовольствіемъ подумалъ Коля. Здѣсь кстати замѣтимъ, что Алеша очень измѣнился съ тѣхъ поръ какъ мы его оставили: онъ сбросилъ подрясникъ и носилъ теперь прекрасно сшитый сюртукъ, мягкую круглую шляпу и коротко обстриженные волосы. Все это очень его скрасило и смотрѣлъ онъ совсѣмъ красавчикомъ. Миловидное лицо его имѣло всегда веселый видъ, но веселость эта была какая-то тихая и спокойная. Къ удивленію Коли, Алеша вышелъ къ нему въ томъ, въ чемъ сидѣлъ въ комнатѣ, безъ пальто, видно, что поспѣшилъ. Онъ прямо протянулъ Колѣ руку.

— Вотъ и вы, наконецъ, какъ мы васъ всѣ ждали.

— Были причины, о которыхъ сейчасъ узнаете. Во всякомъ случаѣ радъ познакомиться. Давно ждалъ случая и много слышалъ, пробормоталъ, немного задыхаясь, Коля.

— Да мы съ вами и безъ того бы познакомились, я самъ о васъ много слышалъ, но здѣсь-то, сюда-то вы запоздали.

— Скажите, какъ здѣсь?

— Илюша очень плохъ, онъ непремѣнно умретъ.

— Что вы! Согласитесь, что медицина подлость, Карамазовъ, съ жаромъ воскликнулъ Коля.

— Илюша часто, очень часто поминалъ объ васъ, даже, знаете, во снѣ, въ бреду. Видно, что вы ему очень, очень были дороги прежде . . . до того случая . . . съ ножикомъ. Тутъ есть и еще причина . . . Скажите, это ваша собака?

— Моя. Перезвонъ.

— А не Жучка? жалостно поглядѣлъ Алеша въ глаза Колѣ. — Та уже такъ и пропала?

— Знаю, что вамъ хотѣлось бы всѣмъ Жучку, слышалъ все-съ, загадочно усмѣхнулся Коля. — Слушайте, Карамазовъ, я вамъ объясню все дѣло, я главное съ тѣмъ и пришелъ, для этого васъ и вызвалъ, чтобы вамъ предварительно объяснить весь пассажъ, прежде чѣмъ мы войдемъ, оживленно началъ онъ. — Видите, Карамазовъ, весной Илюша поступаетъ въ приготовительный классъ. Ну, извѣстно, нашъ приготовительный классъ: мальчишки, дѣтвора. Илюшу тотчасъ же начали задирать. Я двумя классами выше и разумѣется смотрю издали, со стороны. Вижу, мальчикъ маленькій, слабенькій, но не подчиняется, даже съ ними дерется, гордый, глазенки горятъ. Я люблю этакихъ. А они его пуще. Главное, у него тогда было платьишко скверное, штанишки на верхъ лѣзутъ, а сапоги каши

просятъ. Они его и за это. Унижаютъ. Нѣтъ, это ужъ я не люблю, тотчасъ заступился и экстрафеферу задалъ. Я вѣдь ихъ бью, а они меня обожаютъ, вы знаете ли это, Карамазовъ? — экспансивно похвастался Коля. — Да и вообще люблю дѣтвору. У меня и теперь на шеѣ дома два птенца сидятъ, даже сегодня меня задержали. Такимъ образомъ Илюшу перестали бить, и я взялъ его подъ мою протекцію. Вижу, мальчикъ гордый, это я вамъ говорю, что гордый, но кончилъ тѣмъ, что предался мнѣ рабски, исполняетъ малѣйшія мои повелѣнія, слушаетъ меня какъ Бога, лѣзетъ мнѣ подражать. Въ антрактахъ между классами сейчасъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ съ нимъ ходимъ. По воскресеньямъ тоже. У насъ въ гимназіи смѣются, когда старшій сходится на такую ногу съ маленькимъ, но это предразсудокъ. Такова моя фантазія, и баста, не правда-ли? Я его учу, развиваю, — почему, скажите, я не могу его развивать, если онъ мнѣ нравится? Вѣдь вотъ вы же, Карамазовъ, сошлись со всѣми этими птенцами, значитъ хотите дѣйствовать на молодое поколѣніе, развивать, быть полезнымъ? И, признаюсь, эта черта въ вашемъ характерѣ, которую я узналъ понаслышкѣ, всего болѣе заинтересовала меня. Впрочемъ къ дѣлу: примѣчаю, что въ мальчикѣ развивается какая-то чувствительность, сентиментальность, а я, знаете, рѣшительный врагъ всякихъ телячьихъ нѣжностей, съ самаго моего рожденія. И къ тому же противорѣчія: гордъ, а мнѣ преданъ рабски, — преданъ рабски, а вдругъ засверкаютъ глазенки и не хочетъ даже соглашаться со мной, споритъ, на стѣну лѣзетъ. Я проводилъ иногда разныя идеи: онъ не то что съ идеями не согласенъ, а просто вижу, что онъ лично противъ меня бунтуетъ, потому что я на его нѣжности отвѣчаю хладнокровіемъ. И вотъ,

чтобы его выдержать, я, чѣмъ онъ нѣжнѣе, тѣмъ становлюсь еще хладнокровнѣе, нарочно такъ поступаю, таково мое убѣжденіе. Я имѣлъ въ виду вышколить характеръ, выровнять, создать человѣка . . . ну и тамъ . . . вы разумѣется меня съ полслова понимаете. Вдругъ замѣчаю, онъ день, другой, третій смущенъ, скорбитъ, но ужъ не о нѣжностяхъ, а о чемъ-то другомъ, сильнѣйшемъ, высшемъ. Думаю, что за трагедія? Наступаю на него, и узнаю штуку: какимъ-то онъ образомъ сошелся съ лакеемъ покойнаго отца вашего (который тогда еще былъ въ живыхъ) Смердяковымъ, а тотъ и научи его, дурачка, глупой шуткѣ, т. е. звѣрской шуткѣ, подлой шуткѣ, — взять кусокъ хлѣба, мякишу, воткнуть въ него булавку и бросить какой-нибудь дворовой собакѣ, изъ такихъ, которыя съ голодухи кусокъ не жуя глотаютъ, и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Вотъ и смастерили они такой кусокъ и бросили вотъ этой самой лохматой Жучкѣ, о которой теперь такая исторія, одной дворовой собакѣ изъ такого двора, гдѣ ее просто не кормили, а она-то весь день на вѣтеръ лаетъ. (Любите вы этотъ глупый лай, Карамазовъ? Я терпѣть не могу). Такъ и бросилась, проглотила и завизжала, завертѣлась и пустилась бѣжать, бѣжитъ и все визжитъ, и исчезла, — такъ мнѣ описывалъ самъ Илюша. Признается мнѣ, а самъ плачетъ — плачетъ, обнимаетъ меня, сотрясается: «Бѣжитъ и визжитъ, бѣжитъ и визжитъ» — только это и повторяетъ, поразила его эта картина. Ну, вижу, угрызенія совѣсти. Я принялъ серьезно. Мнѣ, главное, и за прежнее хотѣлось его прошколить, такъ что, признаюсь, я тутъ схитрилъ, притворился, что въ такомъ негодованіи, какого можетъ и не было у меня вовсе: «Ты, говорю, сдѣлалъ низкій поступокъ, ты подлецъ, я конечно не разглашу, но

пока прерываю съ тобою сношенія. Дѣло это обдумаю, и дамъ тебѣ знать черезъ Смурова (вотъ этого самаго мальчика, который теперь со мной пришелъ и который всегда мнѣ былъ преданъ): буду ли продолжать съ тобою впредь отношенія или брошу тебя на вѣки, какъ подлеца». Это страшно его поразило. Я, признаюсь, тогда же почувствовалъ, что, можетъ быть, слишкомъ строго отнесся, но что дѣлать, такова была моя тогдашняя мысль. День спустя посылаю къ нему Смурова и чрезъ него передаю, что я съ нимъ больше «не говорю», то есть это такъ у насъ называется, когда два товарища прерываютъ между собой сношенія. Тайна въ томъ, что я хотѣлъ его выдержать на фербантѣ всего только нѣсколько дней, а тамъ, видя раскаяніе, опять протянуть ему руку. Это было твердое мое намѣреніе. Но что же вы думаете: выслушалъ отъ Смурова, и вдругъ у него засверкали глаза: «Передай, закричалъ онъ, отъ меня Красоткину, что я всѣмъ собакамъ буду теперь куски съ булавками кидать, всѣмъ, всѣмъ!» «А, думаю, вольный душокъ завелся, его надо выкурить», и сталъ ему выказывать полное презрѣніе, при всякой встрѣчѣ отвертываюсь или иронически улыбаюсь. И вдругъ тутъ происходитъ этотъ случай съ отцомъ, помните, мочалка-то? Поймите, что онъ такимъ образомъ уже предварительно приготовленъ былъ къ страшному раздраженію. Мальчики, видя, что я его оставилъ, накинулись на него, дразнятъ: «мочалка, мочалка». Вотъ тутъ-то у нихъ и начались баталіи, о которыхъ я страшно сожалѣю, потому что его кажется очень больно тогда разъ избили. Вотъ разъ онъ бросается на всѣхъ на дворѣ, когда выходили изъ классовъ, а я какъ разъ стою въ десяти шагахъ и смотрю на него. И клянусь, я не помню, чтобъ я тогда смѣялся, напротивъ, мнѣ

тогда очень, очень стало жалко его, и еще мигъ, и я бы бросился его защищать. Но онъ вдругъ встрѣтилъ мой взглядъ: что ему показалось — не знаю, но онъ выхватилъ перочинный ножикъ, бросился на меня и ткнулъ мнѣ его въ бедро, вотъ тутъ у правой ноги. Я не двинулся; я, признаюсь, иногда бываю храбръ, Карамазовъ, я только посмотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ бы говоря взглядомъ: «Не хочешь-ли молъ еще, за всю мою дружбу, такъ я къ твоимъ услугамъ». Но онъ другой разъ не пырнулъ, онъ не выдержалъ, онъ самъ испугался, бросилъ ножикъ, заплакалъ въ голосъ и пустился бѣжать. Я, разумѣется, не фискалилъ и приказалъ всѣмъ молчать, чтобы не дошло до начальства, даже матери сказалъ только когда все зажило, да и ранка была пустая, царапина. Потомъ слышу, въ тотъ же день онъ бросался камнями и вамъ палецъ укусилъ, — но понимаете въ какомъ онъ былъ состояніи! Ну, что дѣлать, я сдѣлалъ глупо: когда онъ заболѣлъ, я не пошелъ его простить, то есть помириться, теперь раскаяваюсь. Но тутъ ужъ у меня явились особыя цѣли. Ну, вотъ и вся исторія . . . только, кажется, я сдѣлалъ глупо . . .

— Ахъ какъ это жаль, воскликнулъ съ волненіемъ Алеша, — что я не зналъ вашихъ этихъ съ нимъ отношеній раньше, а то бы я самъ давно уже пришелъ къ вамъ васъ просить пойти къ нему со мной вмѣстѣ. Вѣрите-ли, въ жару, въ болѣзни, онъ бредилъ вами. Я и не зналъ, какъ вы ему дороги! И неужели вы такъ и не отыскали эту Жучку? Отецъ и всѣ мальчики по всему городу разыскивали. Вѣрите-ли, онъ, больной, въ слезахъ, три раза при мнѣ ужъ повторялъ отцу: «Это отъ того я боленъ, папа, что я Жучку тогда убилъ, это меня Богъ наказалъ»; не собьешь его съ этой мысли! И если-бы только до-

стали теперь эту Жучку и показали, что она не умерла, а живая, то, кажется, онъ бы воскресъ отъ радости. Всѣ мы на васъ надѣялись.

— Скажите, съ какой же стати надѣялись, что я отыщу Жучку, то есть, что именно я отыщу? — Съ чрезвычайнымъ любопытствомъ спросилъ Коля, — почему именно на меня разсчитывали, а не на другого?

— Какой-то слухъ былъ, что вы ее отыскиваете, и что когда отыщете ее, то приведете. Смуровъ что-то говорилъ въ этомъ родѣ. Мы, главное, все стараемся увѣрить, что Жучка жива, что ее гдѣ-то видѣли. Мальчики ему живого зайчика откуда-то достали, только онъ посмотрѣлъ, чуть-чуть улыбнулся и попросилъ, чтобы выпустили его въ поле. Такъ мы и сдѣлали. Сію минуту отецъ воротился и ему щенка меделянскаго принесъ, тоже досталъ откуда-то, думалъ этимъ утѣшить, только хуже еще, кажется, вышло . . .

— Еще скажите, Карамазовъ: что такое этотъ отецъ? Я его знаю, но что онъ такое по вашему опредѣленію: шутъ, паяцъ?

— Ахъ нѣтъ, есть люди глубоко чувствующіе, но какъ-то придавленные. Шутовство у нихъ въ родѣ злобной иронiи на тѣхъ, которымъ въ глаза они не смѣютъ сказать правды отъ долговременной унизительной робости предъ ними. Повѣрьте, Красоткинъ, что такое шутовство чрезвычайно иногда трагично. У него все теперь, все на землѣ совокупилось въ Илюшѣ, и умри Илюша, онъ или съ ума сойдетъ съ горя, или лишитъ себя жизни. Я почти убѣжденъ въ этомъ, когда теперь на него смотрю!

— Я васъ понимаю, Карамазовъ, я вижу, вы знаете человѣка, прибавилъ проникновенно Коля.

— А я какъ увидалъ васъ съ собакой, такъ и подумалъ, что вы это привели ту самую Жучку.

— Подождите, Карамазовъ, можетъ быть, мы ее и отыщемъ, а эта — это Перезвонъ. Я впущу ее теперь въ комнату и можетъ быть развеселю Илюшу побольше чѣмъ меделянскимъ щенкомъ. Подождите, Карамазовъ, вы кой-что сейчасъ узнаете. Ахъ, Боже мой, что-жъ я васъ держу! — вскричалъ вдругъ стремительно Коля. — Вы въ одномъ сюртучкѣ на такомъ холодѣ, а я васъ задерживаю; видите, видите, какой я эгоистъ! О, всѣ мы эгоисты, Карамазовъ!

— Не безпокойтесь, — правда, холодно, но я не простудливъ. Пойдемте однакоже. Кстати: какъ ваше имя, я знаю, что Коля, а дальше?

— Николай, Николай Ивановъ Красоткинъ, или, какъ говорятъ по казенному: сынъ Красоткинъ, — чему-то засмѣялся Коля, но вдругъ прибавилъ:

— Я разумѣется ненавижу мое имя Николай.

— Почему же?

— Тривіально, казенно . . .

— Вамъ тринадцатый годъ? спросилъ Алеша.

— То есть четырнадцатый, черезъ двѣ недѣли четырнадцать, весьма скоро. Признаюсь передъ вами заранѣе въ одной слабости, Карамазовъ, это ужъ такъ предъ вами, для перваго знакомства, чтобы вы сразу увидѣли всю мою натуру: я ненавижу, когда меня спрашиваютъ про мои года, болѣе чѣмъ ненавижу . . . и наконецъ . . . про меня напримѣръ есть клевета, что я на прошлой недѣлѣ съ приготовительными въ разбойники игралъ. То, что я игралъ — это дѣйствительность, но что я для себя игралъ, для доставленія себѣ самому удовольствія, то это рѣшительно клевета. Я имѣю основаніе думать, что до васъ это дошло, но я не для себя игралъ, а для дѣтворы игралъ, потому что они ничего безъ меня не умѣли выдумать. И вотъ у насъ всегда вздоръ распустятъ. Это городъ сплетень, увѣряю васъ.

— А хоть бы и для своего удовольствія играли, что-жъ тутъ такого?

— Ну для себя . . . Не станете же вы въ лошадки играть?

— А вы разсуждайте такъ, улыбнулся Алеша: — въ театръ напримѣръ ѣздятъ же взрослые, а въ театрѣ тоже представляютъ приключенія всякихъ героевъ, иногда тоже съ разбойниками и съ войной, — такъ развѣ это не тоже самое, въ своемъ разумѣется родѣ? А игра въ войну у молодыхъ людей, въ рекреаціонное время, или тамъ въ разбойники, — это вѣдь тоже зарождающееся искусство, зарождающаяся потребность искусства въ юной душѣ, и эти игры иногда даже сочиняются складнѣе чѣмъ представленія на театрѣ, только въ томъ разница, что въ театръ ѣздятъ смотрѣть актеровъ, а тутъ молодежь сами актеры. Но это только естественно.

— Вы такъ думаете? Таково ваше убѣжденіе? пристально смотрѣлъ на него Коля. — Знаете, вы довольно любопытную мысль сказали; я теперь приду домой и шевельну мозгами на этотъ счетъ. Признаюсь, я такъ и ждалъ, что отъ васъ можно кой-чему поучиться. Я пришелъ у васъ учиться, Карамазовъ, проникновеннымъ и экспансивнымъ голосомъ заключилъ Коля.

— А я у васъ, улыбнулся Алеша, пожавъ ему руку.

Коля былъ чрезвычайно доволенъ Алешей. Его поразило то, что съ нимъ онъ въ высшей степени на равной ногѣ, и что тотъ говоритъ съ нимъ какъ съ «самымъ большимъ».

— Я вамъ сейчасъ одинъ фортель покажу, Карамазовъ, тоже одно театральное представленіе, первно засмѣялся онъ, — я съ тѣмъ и пришелъ.

— Зайдемъ сначала налѣво къ хозяевамъ, тамъ всѣ ваши свои пальто оставляютъ, потому что въ комнатѣ тѣсно и жарко.

— О, вѣдь я на мгновеніе, я войду и просижу въ пальто. Перезвонъ останется здѣсь въ сѣняхъ и умретъ: «иси, Перезвонъ, кушъ и умри!» — видите, онъ и умеръ. А я сначала войду, высмотрю обстановку, и потомъ, когда надо будетъ, свистну: иси Перезвонъ! и вы увидите, онъ тотчасъ-же влетитъ, какъ угорѣлый. Только надо, чтобы Смуровъ не забылъ отворить въ то мгновеніе дверь. Ужъ я распоряжусь, и вы увидите фортель . . .

5. У Илюшиной постельки.

Въ знакомой уже намъ комнатѣ, въ которой обитало семейство извѣстнаго намъ отставного штабсъ-капитана Снегирева, было въ эту минуту и душно и тѣсно отъ многочисленной набравшейся публики. Нѣсколько мальчиковъ сидѣли въ этотъ разъ у Илюши, и хоть всѣ они готовы были, какъ Смуровъ, отрицать, что помирилъ и свелъ ихъ съ Илюшей Алеша, но это было такъ. Все искусство его въ этомъ случаѣ состояло въ томъ, что свелъ онъ ихъ съ Илюшей, одного за другимъ, безъ «телячьихъ нѣжностей», а совсѣмъ какъ-бы ненарочно и нечаянно. Илюшѣ же это принесло огромное облегченіе въ его страданіяхъ. Увидѣвъ почти нѣжную дружбу и участіе къ себѣ всѣхъ этихъ мальчиковъ, прежнихъ враговъ своихъ, онъ былъ очень тронутъ. Однако только Красоткина не доставало, и это лежало на его сердцѣ страшнымъ гнетомъ. Если было въ горькихъ воспоминаніяхъ Илюшечки нѣчто самое горьчайшее, то это именно весь этотъ эпизодъ съ Красоткинымъ, бывшимъ единственнымъ другомъ его и защитникомъ, на котораго онъ бросился тогда съ ножикомъ. Такъ думалъ и умненькій мальчикъ Смуровъ (первый пришедшій помириться съ Илюшей). Но самъ Красоткинъ,

когда Смуровъ отдаленно сообщилъ ему, что Алеша хочетъ къ нему придти «по одному дѣлу», тотчасъ-же оборвалъ и отрѣзалъ подходъ, поручивъ Смурову немедленно сообщить «Карамазову», что онъ самъ знаетъ, какъ поступать, что совѣтовъ ни отъ кого не проситъ, и что, если пойдетъ къ больному, то самъ знаетъ, когда пойти, потому что у него «свой разсчетъ». Это было еще недѣли за двѣ до этого воскресенья. Вотъ почему Алеша и не пошелъ къ нему самъ, какъ намѣревался. Впрочемъ, онъ хотя и подождалъ, но однакоже послалъ Смурова къ Красоткину еще разъ и еще разъ. Но въ оба эти раза Красоткинъ отвѣтилъ уже самымъ нетерпѣливымъ и рѣзкимъ отказомъ, передавъ Алешѣ, что если тотъ придетъ за нимъ самъ, то онъ за это никогда не пойдетъ къ Илюшѣ, и чтобъ ему больше не надоѣдали. Даже до самаго этого послѣдняго дня самъ Смуровъ не зналъ, что Коля рѣшилъ отправиться къ Илюшѣ въ это утро, и только наканунѣ вечеромъ, прощаясь со Смуровымъ, Коля вдругъ рѣзко объявилъ ему, чтобъ онъ ждалъ его завтра утромъ дома, потому что пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ къ Снегиревымъ, но чтобы не смѣлъ однакоже никого увѣдомлять о его прибытіи, такъ какъ онъ хочетъ придти нечаянно. Смуровъ послушался. Мечта же о томъ, что онъ приведетъ пропавшую Жучку, явилась у Смурова на основаніи разъ брошенныхъ мелькомъ словъ Красоткинымъ, что «ослы они всѣ, коли не могутъ отыскать собаку, если только она жива». Когда-же Смуровъ робко, выждавъ время, намекнулъ о своей догадкѣ на счетъ собаки Красоткину, тотъ вдругъ ужасно озлился: что я за оселъ, чтобъ искать чужихъ собакъ по всему городу, когда у меня свой Перезвонъ? И можно-ли мечтать, чтобы собака, проглотившая булавку, осталась жива! Телячьи нѣжности, больше ничего!»

Между тѣмъ Илюша уже недѣли двѣ какъ почти не сходилъ съ своей постельки, въ углу, у образовъ. Въ классы же не ходилъ съ самаго того случая, когда встрѣтился съ Алешей и укусилъ ему палецъ. Впрочемъ, онъ съ того-же дня и захворалъ, хотя еще съ мѣсяцъ могъ кое-какъ ходить изрѣдка по комнатѣ и въ сѣняхъ, изрѣдка вставая съ постельки. Наконецъ, совсѣмъ обезсилѣлъ, такъ что безъ помощи отца не могъ двигаться. Отецъ трепеталъ надъ нимъ, пересталъ даже совсѣмъ пить, почти обезумѣлъ отъ страха, что умретъ его мальчикъ, и часто, особенно послѣ того, какъ проведетъ бывало его по комнатѣ подъ руку и уложитъ опять въ постельку, — вдругъ выбѣгалъ въ сѣни, въ темный уголъ, и, прислонившись лбомъ къ стѣнѣ, начиналъ рыдать какимъ-то заливчатымъ, сотрясающимся плачемъ, давя свой голосъ, чтобы рыданій его не было слышно у Илюшечки.

Возвращаясь-же въ комнату, начиналъ обыкновенно чѣмъ нибудь развлекать и утѣшать своего дорогого мальчика, разсказывалъ ему сказки, смѣшные анекдоты, или представлялъ изъ себя разныхъ смѣшныхъ людей, которыхъ ему удавалось встрѣчать, даже подражалъ животнымъ, какъ они смѣшно воютъ или кричатъ. Но Илюша очень не любилъ, когда отецъ коверкался и представлялъ изъ себя шута. Мальчикъ хоть и старался не показывать, что ему это непріятно, но съ болью сердца сознавалъ, что отецъ въ обществѣ униженъ, и всегда неотвязно вспоминалъ о «мочалкѣ» и о томъ «страшномъ днѣ». Ниночка, безногая, тихая и кроткая сестра Илюшечки, тоже не любила, когда отецъ коверкался (что же до Варвары Николаевны, то она давно уже отправилась въ Петербургъ слушать курсы), зато полоумная маменька очень забавлялась и отъ всего сердца смѣялась, когда ея супругъ

начнетъ бывало что-нибудь представлять или выдѣлывать какіе нибудь смѣшные жесты. Этимъ только ее и можно было утѣшить, во все же остальное время она безпрерывно брюзжала и плакалась, что теперь всѣ ее забыли, что ее никто не уважаетъ, что ее обижаютъ и пр. и пр. Но въ самые послѣдніе дни и она вдругъ какъ-бы вся перемѣнилась. Она часто начала смотрѣть въ уголокъ на Илюшу и стала задумываться. Стала гораздо молчаливѣе, притихла и если принималась плакать, то тихо, чтобы не слыхали. Штабсъ-капитанъ съ горькимъ недоумѣніемъ замѣтилъ эту въ ней перемѣну. Посѣщенія мальчиковъ ей сначала не понравились и только сердили ее, но потомъ веселые крики и разсказы дѣтей стали развлекать и ее и до того подъ конецъ ей понравились, что перестань ходить эти мальчики, она бы затосковала ужасно. Когда дѣти что̀ разсказывали или начинали играть, она смѣялась и хлопала въ ладошки. Иныхъ подзывала къ себѣ и цѣловала. Мальчика Смурова полюбила особенно. Что-же до штабсъ-капитана, то появленіе въ его квартирѣ дѣтей, приходившихъ веселить Илюшу, наполнило душу его съ самаго начала восторженною радостью и даже надеждой, что Илюша перестанетъ теперь тосковать и можетъ быть отъ того скорѣе выздоровѣетъ. Онъ ни одной минуты, до самаго послѣдняго времени, не сомнѣвался, не смотря на весь свой страхъ за Илюшу, что его мальчикъ вдругъ выздоровѣетъ. Онъ встрѣчалъ маленькихъ гостей съ благоговѣніемъ, ходилъ около нихъ, услуживалъ, готовъ былъ ихъ на себѣ возить, и даже впрямь началъ было возить, но Илюшѣ эти игры не понравились, и были оставлены. Сталъ для нихъ покупать гостинцевъ, пряничковъ, орѣшковъ, устраивалъ чай, намазывалъ бутерброды. Надо замѣтить, что во все это время деньги у него не

переводились. Тогдашніе двѣсти рублей отъ Катерины Ивановны онъ принялъ точь въ точь по предсказанію Алеши. А потомъ Катерина Ивановна, разузнавъ подробнѣе объ ихъ обстоятельствахъ и о болѣзни Илюши, сама посѣтила ихъ квартиру, познакомилась со всѣмъ семействомъ и даже съумѣла очаровать полоумную штабсъ-капитаншу. Съ тѣхъ поръ рука ея не оскудѣвала, а самъ штабсъ-капитанъ, подавленный ужасомъ при мысли, что умретъ его мальчикъ, забылъ свой прежній гоноръ и смиренно принималъ подаяніе. Все это время докторъ Герценштубе, по приглашенію Катерины Ивановны, ѣздилъ постоянно и аккуратно чрезъ день къ больному, но толку отъ его посѣщеній выходило мало, а пичкалъ онъ его лѣкарствами ужасно. Но за то въ этотъ день, т. е. въ воскресенье утромъ, у штабсъ-капитана ждали одного новаго доктора, пріѣзжаго изъ Москвы и считавшагося въ Москвѣ знаменитостью. Его нарочно выписала и пригласила изъ Москвы Катерина Ивановна за большія деньги, — не для Илюшечки, но ужъ такъ какъ онъ прибылъ, то и попросила его навѣстить и Илюшечку, о чемъ штабсъ-капитанъ былъ заранѣе предувѣдомленъ. О прибытіи же Коли Красоткина онъ не имѣлъ никакого предчувствія, хотя уже давно желалъ, чтобы пришелъ наконецъ этотъ мальчикъ, по которомъ такъ мучился его Илюшечка. Въ то самое мгновеніе, когда Красоткинъ отворилъ дверь и появился въ комнатѣ, всѣ, штабсъ-капитанъ и мальчики столпились около постельки больного и разсматривали только что принесеннаго крошечнаго меделянскаго щенка, вчера только родившагося, но еще за недѣлю заказаннаго штабсъ-капитаномъ, чтобы развлечь и утѣшить Илюшечку, все тосковавшаго объ исчезнувшей и, конечно, уже погибшей Жучкѣ. Но Илюша, уже слышавшій и знавшій еще за три

дня, что ему подарятъ маленькую собачку и не простую, а настоящую меделянскую (что, конечно, было ужасно важно), хотя и показывалъ изъ тонкаго и деликатнаго чувства, что радъ подарку, но всѣ, и отецъ и мальчики, ясно увидѣли, что новая собачка можетъ быть только еще сильнѣе шевельнула въ его сердечкѣ воспоминаніе о несчастной, имъ замученной Жучкѣ. Щеночекъ лежалъ и копошился подлѣ него, и онъ, болѣзненно улыбаясь, гладилъ его своею тоненькою, блѣдненькою, высохшею ручкой: даже видно было, что собачка ему понравилась, но . . . Жучки все же не было, все же это не Жучка, а, вотъ, если-бы Жучка и щеночекъ вмѣстѣ, тогда-бы было полное счастье!

— Красоткинъ! крикнулъ вдругъ одинъ изъ мальчиковъ, первый завидѣвшій вошедшаго Колю. Произошло видимое волненіе, мальчики разступились и стали по обѣ стороны постельки, такъ что вдругъ открыли всего Илюшечку. Штабсъ-капитанъ стремительно бросился на встрѣчу Колѣ.

— Пожалуйте, пожалуйте . . . дорогой гость! залепеталъ онъ ему. Илюшечка, господинъ Красоткинъ къ тебѣ пожаловалъ . . .

Но Красоткинъ, наскоро подавъ ему руку, мигомъ выказалъ и чрезвычайное свое знаніе свѣтскихъ приличій. Онъ тотчасъ же и прежде всего обратился къ сидѣвшей въ креслѣ супругѣ штабсъ-капитана (которая какъ разъ въ ту минуту была ужасно какъ недовольна и брюзжала на то, что мальчики заслонили собою постельку Илюши и не даютъ ей поглядѣть на новую собачку), и чрезвычайно вѣжливо шаркнулъ предъ нею ножкой, а затѣмъ, повернувшись къ Ниночкѣ, отдалъ и ей, какъ дамѣ, такой же поклонъ. Этотъ вѣжливый поступокъ произвелъ на больную даму необыкновенно пріятное впечатлѣніе.

— Вотъ и видно сейчасъ хорошо воспитаннаго молодого человѣка, громко произнесла она, разводя руками, а то что̀ прочіе-то наши гости: одинъ на другомъ пріѣзжаютъ.

— Какъ же, мамочка, одинъ-то на другомъ, какъ это такъ? хоть и ласково, но опасаясь немного за мамочку, пролепеталъ штабсъ-капитанъ.

— А такъ и въѣзжаютъ. Сядетъ въ сѣняхъ одинъ другому верхомъ на плечи, да въ благородное семейство и въѣдетъ сидя верхомъ. Какой же это гость?

— Да кто же, кто же, мамочка, такъ въѣзжалъ, кто же?

— Да вотъ этотъ мальчикъ на этомъ мальчикѣ сегодня въѣхалъ, а вотъ тотъ на томъ . . .

Но Коля уже стоялъ у постельки Илюши. Больной видимо поблѣднѣлъ. Онъ приподнялся на кроваткѣ и пристально, пристально посмотрѣлъ на Колю. Тотъ не видалъ своего прежняго маленькаго друга уже мѣсяца два, и вдругъ остановился предъ нимъ совсѣмъ пораженный: онъ и вообразить не могъ, что увидитъ такое похудѣвшее и пожелтѣвшее личико, такіе горящіе въ лихорадочномъ жару и какъ будто ужасно увеличившіеся глаза, такія худенькія ручки. Съ горестнымъ удивленіемъ всматривался онъ, что Илюша такъ глубоко и часто дышетъ и что у него такъ ссохлись губы. Онъ шагнулъ къ нему, подалъ руку и, почти совсѣмъ потерявшись, проговорилъ:

— Ну что, старикъ . . . какъ поживаешь? Но голосъ его пресѣкся, развязности не хватило, лицо какъ-то вдругъ передернулось и что-то задрожало около его губъ. Илюша болѣзненно ему улыбался, все еще не въ силахъ сказать слова. Коля вдругъ поднялъ руку и провелъ для чего-то своею ладонью по волосамъ Илюши.

— Ни-че-го! пролепеталъ онъ ему тихо, — не то ободряя его, не то самъ не зная зачѣмъ это сказалъ. Съ минутку опять помолчали.

— Что это у тебя новый щенокъ? вдругъ самымъ безчувственнымъ голосомъ спросилъ Коля.

— Да-а-а! отвѣтилъ Илюша длиннымъ шепотомъ.

— Черный носъ, значитъ, изъ злыхъ, изъ цѣпныхъ, важно и твердо замѣтилъ Коля, какъ будто все дѣло было именно въ щенкѣ и въ его черномъ носѣ. Но главное было въ томъ, что онъ все еще изо всѣхъ силъ старался побороть въ себѣ чувство, чтобы не заплакать какъ «маленькій», и все еще не могъ побороть. — Подростетъ, придется посадить на цѣпь, ужъ я знаю.

— Онъ огромный будетъ! воскликнулъ одинъ мальчикъ изъ толпы.

— Извѣстно меделянскій, огромный, вотъ этакій, съ теленка, раздалось вдругъ нѣсколько голосковъ.

— Съ теленка, съ настоящаго теленка-съ, подскочилъ штабсъ-капитанъ, — я нарочно отыскалъ такого, самаго-самаго злющаго, и родители его тоже огромные и самые злющіе, вотъ этакіе отъ полу ростомъ . . . Присядьте-съ, вотъ здѣсь на кроваткѣ у Илюши, а не то здѣсь на лавку. Милости просимъ, гость дорогой, гость долго жданный . . . Съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ изволили прибыть-съ?

Красоткинъ присѣлъ на постелькѣ, въ ногахъ у Илюши. Онъ хоть, можетъ быть, и приготовилъ дорогой, съ чего развязно начать разговоръ, но теперь рѣшительно потерялъ нитку.

— Нѣтъ . . . я съ Перезвономъ . . . У меня такая собака теперь, Перезвонъ . . . Славянское имя. Тамъ ждетъ . . . свистну и влетитъ. Я тоже съ собакой, — оборотился онъ вдругъ къ

Илюшѣ, — помнишь, старикъ, Жучку? вдругъ огрѣлъ онъ его вопросомъ.

Личико Илюшечки перекосилось. Онъ страдальчески посмотрѣлъ на Колю. Алеша, стоявшій у дверей, нахмурился и кивнулъ было Колѣ украдкой, чтобы тотъ не заговаривалъ про Жучку, но тотъ не замѣтилъ или не захотѣлъ замѣтить.

— Гдѣ же . . . Жучка? надорваннымъ голоскомъ спросилъ Илюша.

— Ну, братъ, твоя Жучка — фью! Пропала твоя Жучка!

Илюша смолчалъ, но пристально-пристально посмотрѣлъ еще разъ на Колю. Алеша, поймавъ взглядъ Коли, изо всѣхъ силъ опять закивалъ ему, но тотъ снова отвелъ глаза, сдѣлавъ видъ, что и теперь не замѣтилъ.

— Забѣжала куда нибудь и пропала. Какъ не пропасть послѣ такой закуски, безжалостно рѣзалъ Коля, а между тѣмъ самъ какъ будто сталъ отъ чего-то задыхаться. — У меня зато Перезвонъ . . . Славянское имя . . . Я къ тебѣ привелъ . . .

— Не на-до! проговорилъ вдругъ Илюшечка.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо, посмотри . . . Ты развлечешься. Я нарочно привелъ . . . такая же лохматая, какъ и та . . . Вы позволите, сударыня, позвать сюда мою собаку? обратился онъ вдругъ къ госпожѣ Снегиревой въ какомъ-то совсѣмъ уже непостижимомъ волненіи.

— Не надо, не надо! съ горестнымъ надрывомъ въ голосѣ воскликнулъ Илюша, укоръ загорѣлся въ глазахъ его.

— Вы бы-съ . . . рванулся вдругъ штабсъ-капитанъ съ сундука у стѣнки, на которомъ было присѣлъ, — вы бы-съ . . . въ другое время-съ . . . пролепеталъ онъ, но Коля, неудержимо настаивая и спѣша, вдругъ крикнулъ Смурову: «Сму-

ровъ, отвори дверь!» и только что тотъ отворилъ, свистнулъ въ свою свистульку. Перезвонъ стремительно влетѣлъ въ комнату.

— Прыгай, Перезвонъ, служи! Служи! завопилъ Коля, вскочивъ съ мѣста, и собака, ставъ на заднія лапы, вытянулась прямо предъ постелькой Илюши. Произошло нѣчто никѣмъ неожиданное: Илюша вздрогнулъ и вдругъ съ силой двинулся весь впередъ, нагнулся къ Перезвону и какъ бы замирая смотрѣлъ на него:

— Это . . . Жучка! прокричалъ онъ вдругъ надтреснутымъ отъ страданія и счастія голоскомъ.

— А ты думалъ кто? звонкимъ и счастливымъ голосомъ изо всей силы завопилъ Красоткинъ, и, нагнувшись къ собакѣ, обхватилъ ее и приподнялъ къ Илюшѣ.

— Гляди, старикъ, видишь, глазъ кривой и лѣвое ухо надрѣзано, точь въ точь тѣ примѣты, какъ ты мнѣ разсказалъ. Я его по этимъ примѣтамъ и разыскалъ! Тогда-же разыскалъ, въ скорости. Она вѣдь ничья была, она вѣдь была ничья! — пояснялъ онъ, быстро оборачиваясь къ штабсъ-капитану, къ супругѣ его, къ Алешѣ и потомъ опять къ Илюшѣ, — она была у Ѳедотовыхъ на задворкахъ, прижилась было тамъ, но тѣ ее не кормили, а она бѣглая, она забѣглая изъ деревни . . . Я ее и разыскалъ . . . Видишь, старикъ, она тогда твой кусокъ значитъ не проглотила. Если бы проглотила, такъ ужъ конечно бы померла, вѣдь ужъ конечно! Значитъ успѣла выплюнуть, коли теперь жива. А ты и не замѣтилъ, что она выплюнула. Выплюнула, а языкъ себѣ все таки уколола, вотъ отчего тогда и завизжала. Бѣжала и визжала, а ты и думалъ, что она совсѣмъ проглотила. Она должна была очень визжать, потому что у собаки очень нѣжная кожа во рту . . . нѣжнѣе, чѣмъ у человѣка,

гораздо нѣжнѣе! — восклицалъ неистово Коля, съ разгорѣвшимися и съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ.

Илюша же и говорить не могъ. Онъ смотрѣлъ на Колю своими большими и какъ-то ужасно выкатившимися глазами, съ раскрытымъ ртомъ и поблѣднѣвъ, какъ полотно. И еслибы только зналъ не подозрѣвавшій ничего Красоткинъ, какъ мучительно и убійственно могла вліять такая минута на здоровье больного мальчика, то ни за что бы не рѣшился выкинуть такую штуку, какую выкинулъ. Но въ комнатѣ понималъ это, можетъ быть, лишь одинъ Алеша. Что же до штабсъ-капитана, то онъ весь какъ бы обратился въ самаго маленькаго мальчика.

— Жучка! Такъ это-то Жучка? выкрикивалъ онъ блаженнымъ голосомъ. — Илюшечка, вѣдь это Жучка, твоя Жучка! Маменька, вѣдь это Жучка! — Онъ чуть не плакалъ.

— А я-то и не догадался! горестно воскликнулъ Смуровъ. — Ай да Красоткинъ, я говорилъ, что онъ найдетъ Жучку, вотъ и нашелъ!

— Вотъ и нашелъ! радостно отозвался еще кто-то.

— Молодецъ Красоткинъ! прозвенѣлъ третій голосокъ.

— Молодецъ, молодецъ! закричали всѣ мальчики и начали апплодировать.

— Да стойте, стойте, силился всѣхъ перекричать Красоткинъ: — я вамъ разскажу, какъ это было, штука въ томъ, какъ это было, а не въ чемъ другомъ! Вѣдь я его разыскалъ, затащилъ къ себѣ и тотчасъ же спряталъ, и домъ на замокъ, и никому не показывалъ до самаго послѣдняго дня. Только одинъ Смуровъ узналъ двѣ недѣли назадъ, но я увѣрилъ его, что это Перезвонъ, и онъ не догадался, а я въ антрактѣ научилъ Жучку всѣмъ наукамъ, вы посмотрите,

посмотрите только, какія онъ штуки знаетъ! Для того и училъ, чтобъ ужъ привесть къ тебѣ, старикъ, обученнаго, гладкаго: Вотъ, дескать, старикъ, какая твоя Жучка теперь! Да нѣтъ-ли у васъ какого нибудь кусочка говядинки, онъ вамъ сейчасъ одну такую штуку покажетъ, что вы со смѣху упадете, — говядинки, кусочекъ, ну неужели же у васъ нѣтъ?

Штабсъ-капитанъ стремительно кинулся, черезъ сѣни, въ избу къ хозяевамъ, гдѣ варилось и штабсъ-капитанское кушанье. Коля же, чтобы не терять драгоцѣннаго времени, отчаянно спѣша крикнулъ Перезвону: Умри! И тотъ вдругъ завертѣлся, легъ на спину и замеръ неподвижно всѣми четырьмя своими лапками вверхъ. Мальчики смѣялись, Илюша смотрѣлъ съ прежнею страдальческою своею улыбкой, но всѣхъ больше понравилось, что умеръ Перезвонъ, «маменькѣ». Она расхохоталась на собаку и принялась щелкать пальцами и звать:

— Перезвонъ, Перезвонъ!

— Ни за что не подымется, ни за что, побѣдоносно и справедливо гордясь прокричалъ Коля, — хоть весь свѣтъ кричи, а вотъ я крикну, и въ одинъ мигъ вскочитъ! Ici, Перезвонъ!

Собака вскочила и принялась прыгать, визжа отъ радости. Штабсъ-капитанъ вбѣжалъ съ кускомъ вареной говядины.

— Не горяча? торопливо и дѣловито освѣдомился Коля, принимая кусокъ; — нѣтъ, не горяча, а то собаки не любятъ горячаго. Смотрите же всѣ, Илюшечка, смотри, да смотри же, смотри, старикъ, что же ты не смотришь? Я привелъ, а онъ не смотритъ!

Новая штука состояла въ томъ, чтобы неподвижно стоящей и протянувшей свой носъ собакѣ положить на самый носъ лакомый кусочекъ говядины. Несчастный песъ, не шевелясь, дол-

женъ былъ простоять съ кускомъ на носу сколько велитъ хозяинъ, не двинуться, не шевельнуться, хоть полчаса. Но Перезвона выдержали только самую маленькую минутку.

— Пиль! крикнулъ Коля, и кусокъ въ одинъ мигъ перелетѣлъ съ носу въ ротъ Перезвона. Публика, разумѣется, выразила восторженное удивленіе.

— И неужели, неужели вы изъ за того только, чтобъ обучить собаку все время не приходили! воскликнулъ съ невольнымъ укоромъ Алеша.

— Именно для того, прокричалъ простодушнѣйшимъ образомъ Коля. — Я хотѣлъ показать его во всемъ блескѣ!

— Перезвонъ! Перезвонъ! защелкалъ вдругъ своими худенькими пальчиками Илюша, маня собаку.

— Да чего тебѣ! Пусть онъ къ тебѣ на постель самъ вскочитъ. Ісі, Перезвонъ! стукнулъ ладонью по постели Коля, и Перезвонъ, какъ стрѣла, влетѣлъ къ Илюшѣ. Тотъ стремительно обнялъ его голову обѣими руками, а Перезвонъ мигомъ облизалъ ему за это щеку. Илюшечка прижался къ нему, протянулся на постелькѣ и спряталъ отъ всѣхъ въ его косматой шерсти свое лицо.

— Господи, Господи! восклицалъ штабсъ-капитанъ. Коля присѣлъ опять на постель къ Илюшѣ.

— Илюша, я тебѣ могу еще одну штуку показать. Я тебѣ пушечку принесъ. Помнишь, я тебѣ еще тогда говорилъ про эту пушечку, а ты сказалъ: «Ахъ, какъ бы и мнѣ ее посмотрѣть!» Ну, вотъ я теперь и принесъ.

И Коля, торопясь, вытащилъ изъ своей сумки свою бронзовую пушечку. Торопился онъ потому, что ужъ самъ былъ очень счастливъ: въ другое время такъ выждалъ бы, когда пройдетъ

эффектъ, произведенный Перезвономъ, но теперь поспѣшилъ, презирая всякую выдержку: «ужъ и такъ счастливы, такъ вотъ вамъ и еще счастья!» Самъ ужъ онъ былъ очень упоенъ.

— Я эту штучку давно уже у чиновника Морозова наглядѣлъ, — для тебя, старикъ, для тебя. Она у него стояла даромъ, отъ брата ему досталась, я и вымѣнялъ ему на книжку, изъ папина шкафа: Родственникъ Магомета или цѣлительное дурачество. Столѣтъ книжкѣ, забубенная, въ Москвѣ вышла, когда еще цензуры не было, а Морозовъ до этихъ штучекъ охотникъ. Еще поблагодарилъ . . .

Пушечку Коля держалъ въ рукѣ предъ всѣми, такъ что всѣ могли видѣть и наслаждаться. Илюша приподнялся и, продолжая правою рукой обнимать Перезвона, съ восхищеніемъ разглядывалъ игрушку. Эффектъ дошелъ до высокой степени, когда Коля объявилъ, что у него есть и порохъ, и что можно сейчасъ же и выстрѣлить, «если это только не обезпокоитъ дамъ». «Маменька» немедленно попросила, чтобъ ей дали поближе посмотрѣть на игрушку, что тотчасъ и было исполнено. Бронзовая пушечка на колескахъ ей ужасно понравилась и она принялась ее катать на своихъ колѣняхъ. На просьбу о позволеніи выстрѣлить отвѣчала самымъ полнымъ согласіемъ, не понимая, впрочемъ, о чемъ ее спрашиваютъ. Коля показалъ порохъ и дробь. Штабсъ-капитанъ, какъ бывшій военный человѣкъ, самъ распорядился зарядомъ, всыпавъ самую маленькую порцію пороху, дробь же попросилъ отложить до другаго раза. Пушку поставили на полъ, дуломъ въ пустое мѣсто, втиснули въ затравку три порошинки и зажгли спичкой. Произошелъ самый блистательный выстрѣлъ. Маменька вздрогнула было, но тотчасъ же засмѣялась отъ радости. Мальчики смотрѣли

съ молчаливымъ торжествомъ, но болѣе всего блаженствовалъ, смотря на Илюшу, штабсъ-капитанъ. Коля поднялъ пушечку и немедленно подарилъ ее Илюшѣ вмѣстѣ съ дробью и съ порохомъ.

— Это я для тебя, для тебя! Давно приготовилъ, повторилъ онъ еще разъ въ полнотѣ счастья.

— Ахъ, подарите мнѣ! Нѣтъ, подарите пушечку лучше мнѣ! вдругъ точно маленькая начала просить маменька. Лицо ея изобразило горестное безпокойство отъ боязни, что ей не подарятъ. Коля смутился. Штабсъ-капитанъ безпокойно заволновался.

— Мамочка, мамочка! подскочилъ онъ къ ней, пушечка твоя, твоя, но пусть она будетъ у Илюши, потому что ему подарили, но она все равно, что твоя, Илюшечка всегда тебѣ дастъ поиграть, она у васъ пусть будетъ общая, общая . . .

— Нѣтъ, не хочу, чтобъ общая, нѣтъ, чтобы совсѣмъ моя была, а не Илюшина, продолжала маменька, приготовляясь уже совсѣмъ заплакать.

— Мама, возьми себѣ, вотъ возьми себѣ! крикнулъ вдругъ Илюша. — Красоткинъ, можно мнѣ ее мамѣ подарить? обратился онъ вдругъ съ молящимъ видомъ къ Красоткину, какъ бы боясь, чтобы тотъ не обидѣлся, что онъ его подарокъ другому даритъ.

— Совершенно возможно! тотчасъ же согласился Красоткинъ, и, взявъ пушечку изъ рукъ Илюши, самъ передалъ ее съ самымъ вѣжливымъ поклономъ маменькѣ. Та даже расплакалась отъ умиленія.

— Илюшечка, милый, вотъ кто мамочку свою любитъ! умиленно воскликнула она и немедленно опять принялась катать пушку на своихъ колѣняхъ.

— Маменька, дай, я тебѣ ручку поцѣлую, подскочилъ къ ней супругъ и тотчасъ же исполнилъ намѣреніе.

— И кто еще самый милый молодой человѣкъ, такъ вотъ этотъ добрый мальчикъ! проговорила благодарная дама, указывая на Красоткина.

— А пороху я тебѣ, Илюша, теперь сколько угодно буду носить. Мы теперь сами порохъ дѣлаемъ. Боровиковъ узналъ составъ: двадцать четыре части селитры, десять сѣры и шесть березоваго угля, все вмѣстѣ столочь, влить воды, смѣшать въ мякоть и протереть черезъ барабанную шкуру — вотъ и порохъ.

— Мнѣ Смуровъ про вашъ порохъ уже говорилъ, а только папа говоритъ, что это не настоящій порохъ, отозвался Илюша.

— Какъ не настоящій? покраснѣлъ Коля, у насъ горитъ. Я впрочемъ не знаю . . .

— Нѣтъ-съ, я ничего-съ, подскочилъ вдругъ съ виноватымъ видомъ штабсъ-капитанъ. — Я, правда, говорилъ, что настоящій порохъ не такъ составляется, но это ничего-съ, можно и такъ-съ.

— Не знаю, вы лучше знаете. Мы въ помадной каменной банкѣ зажгли, славно горѣлъ, весь сгорѣлъ, самая маленькая сажа осталась. Но вѣдь это только мякоть, а если протереть черезъ шкуру . . . А впрочемъ вы лучше знаете, я не знаю... А Булкина отецъ выдралъ за нашъ порохъ, ты слышалъ? обратился онъ вдругъ къ Илюшѣ.

— Слышалъ, отвѣтилъ Илюша. Онъ съ безконечнымъ интересомъ и наслажденіемъ слушалъ Колю.

— Мы цѣлую бутылку пороху заготовили, онъ подъ кроватью и держалъ. Отецъ увидалъ. Взорвать, говоритъ, можетъ. Да и высѣкъ его тутъ же. Хотѣлъ въ гимназію на меня жаловаться. Теперь со мной его не пускаютъ, теперь со мной никого не пускаютъ. Смурова тоже не пус-

кают, у всѣхъ прославился, — говорятъ, что я «отчаянный», презрительно усмѣхнулся Коля. — Это все съ желѣзной дороги здѣсь началось.

— Ахъ, мы слышали и про этотъ вашъ пассажъ! воскликнулъ штабсъ-капитанъ, — какъ это вы тамъ пролежали? И неужели вы такъ ничего совсѣмъ и не испугались, когда лежали подъ поѣздомъ? Страшно вамъ было-съ?

Штабсъ-капитанъ ужасно лисилъ предъ Колей.

— Н-не особенно! небрежно отозвался Коля. — Репутацію мою пуще всего здѣсь этотъ проклятый гусь подкузмилъ — повернулся онъ опять къ Илюшѣ. Но хоть онъ и корчилъ, разсказывая, небрежный видъ, а все еще не могъ совладать съ собою и продолжалъ какъ бы сбиваться съ тону.

— Ахъ, я и про гуся слышалъ! засмѣялся, весь сіяя, Илюша: — мнѣ разсказывали, да я не понялъ, неужто тебя у судьи судили?

— Самая безмозглая штука, самая ничтожная, изъ которой цѣлаго слона по обыкновенію у насъ сочинили, началъ развязно Коля. — Это я разъ тутъ по площади шелъ, а какъ-разъ пригнали гусей. Я остановился и смотрю на гусей. Вдругъ одинъ здѣшній парень, Вишняковъ, онъ теперь у Плотниковыхъ разсыльнымъ служитъ, смотритъ на меня, да и говоритъ: «Ты чего на гусей глядишь?» Я смотрю на него: глупая, круглая харя, парню двадцать лѣтъ, я, знаете, никогда не отвергаю народа. Я люблю съ народомъ . . . Мы отстали отъ народа — это аксіома — вы, кажется, изволите смѣяться, Карамазовъ?

— Нѣтъ, Боже сохрани, я васъ очень слушаю, съ самымъ простодушнѣйшимъ видомъ отозвался Алеша, и мнительный Коля мигомъ ободрился.

— Моя теорія, Карамазовъ, ясна и проста, опять радостно заспѣшилъ онъ тотчасъ-же. — Я вѣрю въ народъ и всегда радъ отдать ему

справедливость, но отнюдь не балуя его, это — sine qua . . . Да, я вѣдь про гуся. Вотъ обращаясь я къ этому дураку и отвѣчаю ему: «А вотъ думаю, о чемъ гусь думаетъ». Глядитъ онъ на меня совершенно глупо: «А объ чемъ, говоритъ, гусь думаетъ?» — «А вотъ видишь, говорю, телѣга съ овсомъ стоитъ. Изъ мѣшка овесъ сыплется, а гусь шею протянулъ подъ самое колесо и зерно клюетъ — видишь?» — «Это я оченно вижу», говоритъ. «Ну такъ вотъ, говорю, если эту самую телѣгу чуточку теперь тронуть впередъ — перерѣжетъ гусю шею колесомъ, или нѣтъ?» «Безпремѣнно, говоритъ, перерѣжетъ», а самъ ужъ ухмыляется во весь ротъ, такъ весь и растаялъ. «Ну такъ пойдемъ, говорю, парень, давай». — «Давай», говоритъ. И не долго намъ пришлось мастерить: онъ этакъ непримѣтно около узды сталъ, а я сбоку, чтобы гуся направить. А мужикъ на ту пору зазѣвался, говорилъ съ кѣмъ-то, такъ что совсѣмъ мнѣ и не пришлось направлять: прямо гусь самъ собой такъ и вытянулъ шею за овсомъ, подъ телѣгу, подъ самое колесо. Я мигнулъ парню, онъ дернулъ и — к-кракъ, такъ и переѣхало гусю шею пополамъ! И вотъ надо-жъ такъ, что въ ту-жъ секунду всѣ мужики увидали насъ, ну и загалдѣли разомъ: «Это ты нарочно!» — «Нѣтъ, не нарочно! — Нѣтъ, нарочно! Ну галдятъ: «Къ мировому!» захватили и меня: «И ты тутъ, дескать, былъ, ты подсоблялъ, тебя весь базаръ знаетъ, а меня дѣйствительно почему-то весь базаръ знаетъ — прибавилъ самолюбиво Коля. — Потянулись мы всѣ къ мировому, несутъ и гуся. Смотрю, а парень мой струсилъ и заревѣлъ, право, реветъ, какъ баба. А гуртовщикъ кричитъ: «Этакимъ манеромъ ихъ, гусей, сколько угодно передавить можно!» Ну, разумѣется, свидѣтели. Мировой мигомъ кончилъ: за гуся отдать гур-

товщику рубль, а гуся пусть парень беретъ себѣ. Да впредь, чтобы такихъ шутокъ отнюдь не позволялъ себѣ. А парень все реветъ, какъ баба: «Это не я, говоритъ, это онъ меня наустилъ» — да на меня и показываетъ. Я отвѣчаю съ полнымъ хладнокровіемъ, что я отнюдь не училъ, что я только выразилъ основную мысль, и говорилъ лишь въ проектѣ. Мировой Нефедовъ усмѣхнулся, да и разсердился сейчасъ на себя за то, что усмѣхнулся: «Я васъ, говоритъ мнѣ, сейчасъ же вашему начальству аттестую, чтобы вы въ такіе проекты впредь не пускались, вмѣсто того, чтобы за книгами сидѣть и уроки ваши учить». Начальству-то онъ меня не аттестовалъ, это шутки, но дѣло дѣйствительно разнеслось и достигло ушей начальства: уши-то вѣдь у насъ длинныя! Особенно поднялся классикъ Колбасниковъ, да Дарданеловъ опять отстоялъ. А Колбасниковъ золъ теперь у насъ на всѣхъ, какъ зеленый оселъ. Ты, Илюша, слышалъ, онъ вѣдь женился, взялъ у Михайловыхъ приданаго тысячу рублей, а невѣста рыловоротъ первой руки и послѣдней степени. Третьеклассники тотчасъ же эпиграмму сочинили:

Поразила вѣсть третьеклассниковъ,
Что женился неряха Колбасниковъ

Ну и тамъ дальше, очень смѣшно, я тебѣ потомъ принесу. Я про Дарданелова ничего не говорю: человѣкъ съ познаніями, съ рѣшительными познаніями. Этакихъ я уважаю, и вовсе не изъза того, что меня отстоялъ . . .

— Однакожь ты сбилъ его на томъ, кто основалъ Трою! ввернулъ вдругъ Смуровъ, рѣшительно гордясь въ эту минуту Красоткинымъ. Очень ужъ ему понравился разсказъ про гуся.

— Неужто такъ и сбили-съ? льстиво подхватилъ штабсъ-капитанъ; — это про то, кто основалъ Трою-съ? Это мы уже слышали, что сби-

ли-съ. Илюшечка мнѣ тогда же и разсказалъ-съ . . .

— Онъ, папа, все знаетъ, лучше всѣхъ у насъ знаетъ! подхватилъ и Илюшечка, — онъ вѣдь только прикидывается, что онъ такой, а онъ первый у насъ ученикъ по всѣмъ предметамъ . . .

Илюша съ безпредѣльнымъ счастіемъ смотрѣлъ на Колю.

— Ну это о Троѣ вздоръ, пустяки. Я самъ этотъ вопросъ считаю пустымъ, съ горделивою скромностью отозвался Коля. Онъ уже успѣлъ вполнѣ войти въ тонъ, хотя впрочемъ былъ и въ нѣкоторомъ безпокойствѣ: онъ чувствовалъ, что находится въ большомъ возбужденіи и что о гусѣ, напримѣръ, разсказалъ слишкомъ ужъ отъ всего сердца, а между тѣмъ Алеша молчалъ все время разсказа и былъ серьезенъ, и вотъ самолюбивому мальчику мало по малу начало уже скрести по сердцу: «не оттого-ли де онъ молчитъ, что меня презираетъ, думая, что я его похвалы ищу? Въ такомъ случаѣ, если онъ осмѣливается это думать, то я» . . .

— Я считаю этотъ вопросъ рѣшительно пустымъ, отрѣзалъ онъ еще разъ горделиво.

— А я знаю, кто основалъ Трою, вдругъ проговорилъ совсѣмъ неожиданно одинъ, доселѣ ничего почти еще не сказавшій, мальчикъ, молчаливый и видимо застѣнчивый, очень собою хорошенькій, лѣтъ одиннадцати, по фамиліи Карташовъ. Онъ сидѣлъ у самыхъ дверей. Коля съ удивленіемъ и важностію поглядѣлъ на него. Дѣло въ томъ, что вопросъ: «Кто именно основалъ Трою?» рѣшительно обратился во всѣхъ классахъ въ секретъ, и чтобы проникнуть его надо было прочесть у Смарагдова. Но Смарагдова ни у кого, кромѣ Коли, не было. И вотъ разъ мальчикъ Карташовъ потихоньку, когда Коля отвернулся, поскорѣй развернулъ лежа-

щаго между его книгами Смарагдова и прямо попалъ на мѣсто, гдѣ говорилось объ основателяхъ Трои. Случилось это довольно уже давно, но онъ все какъ-то конфузился и не рѣшался открыть публично, что и онъ знаетъ, кто основалъ Трою, опасаясь, чтобы не вышло чего-нибудь и чтобы не сконфузилъ его какъ-нибудь за это Коля. А теперь вдругъ почему-то не утерпѣлъ и сказалъ. Да и давно ему хотѣлось.

— Ну кто-же основалъ? надменно и свысока повернулся къ нему Коля, уже по лицу угадавъ, что тотъ дѣйствительно знаетъ и, разумѣется, тотчасъ-же приготовившись ко всѣмъ послѣдствіямъ. Въ общемъ настроеніи произошелъ, что называется, диссонансъ.

— Трою основали Тевкръ, Дарданъ, Иллюсъ и Тросъ, разомъ отчеканилъ мальчикъ и въ одинъ мигъ весь покраснѣлъ, такъ покраснѣлъ, что на него жалко стало смотрѣть. Но мальчики всѣ на него глядѣли въ упоръ, глядѣли цѣлую минуту, и потомъ вдругъ всѣ эти глядящіе въ упоръ глаза разомъ повернулись къ Колѣ. Тотъ съ презрительнымъ хладнокровіемъ все еще продолжалъ обмѣривать взглядомъ дерзкаго мальчика:

— То есть какъ-же они основали? удостоилъ онъ наконецъ проговорить, — да и что значитъ вообще основать городъ или государство? Что-жъ они: пришли и по кирпичу положили, что-ли?

Раздался смѣхъ. Виноватый мальчикъ изъ розоваго сталъ пунцовымъ. Онъ молчалъ, онъ готовъ былъ заплакать, Коля выдержалъ его такъ еще съ минутку.

— Чтобы толковать о такихъ историческихъ событіяхъ, какъ основаніе національности, надо прежде всего понимать, что это значитъ, строго отчеканилъ онъ въ назиданіе. — Я, впрочемъ, не придаю всѣмъ этимъ бабьимъ сказкамъ важности, да и вообще всемірную исторію не весьма

уважаю, прибавилъ онъ вдругъ небрежно, обращаясь уже ко всѣмъ вообще.

— Это всемірную-то исторію-съ? съ какимъ-то вдругъ испугомъ освѣдомился штабсъ-капитанъ.

— Да, всемірную исторію. Изученіе ряда глупостей человѣческихъ, и только. Я уважаю одну математику и естественныя науки, сфорсилъ Коля и мелькомъ глянулъ на Алешу: его только одного мнѣнія онъ здѣсь и боялся. Но Алеша все молчалъ и былъ все по прежнему серьезенъ. Если-бы сказалъ что-нибудь сейчасъ Алеша, на томъ-бы оно и покончилось, но Алеша смолчалъ, а «молчаніе его могло быть презрительнымъ», и Коля раздражился уже совсѣмъ.

— Опять эти классическіе теперь у насъ языки: одно съумасшествіе и ничего больше . . . Вы опять, кажется, не согласны со мной, Карамазовъ?

— Не согласенъ, сдержанно улыбнулся Алеша.

— А самъ первый по латинскому языку! вдругъ крикнулъ изъ толпы одинъ мальчикъ.

— Да, папа, онъ такъ говоритъ, а самъ у насъ первый по латинскому въ классѣ, отозвался и Илюша.

— Что-жъ такое? счелъ нужнымъ обороняться Коля, хотя ему очень пріятна была и похвала. Латынь я зубрю, потому что надо, потому что я обѣщался матери кончить курсъ, а по моему, за что взялся, то ужъ дѣлать хорошо, но въ душѣ глубоко презираю классицизмъ и всю эту подлость . . .

— Докторъ пріѣхалъ! воскликнула вдругъ все время молчавшая Ниночка.

Дѣйствительно къ воротамъ дома подъѣхала принадлежавшая г-жѣ Хохлаковой карета. Штабсъ-капитанъ, ждавшій все утро доктора, сломя голову бросился къ воротамъ встрѣчать

его. Маменька подобралась и напустила на себя важности. Алеша подошелъ къ Илюшѣ и сталъ оправлять ему подушку. Ниночка, изъ своихъ креселъ, съ безпокойствомъ слѣдила за тѣмъ, какъ онъ оправляетъ постельку. Мальчики торопливо стали прощаться, нѣкоторые изъ нихъ пообѣщались зайти вечеромъ. Коля крикнулъ Перезвона, и тотъ соскочилъ съ постели.

— Я не уйду, не уйду! проговорилъ въ попыхахъ Коля Илюшѣ, — я пережду въ сѣняхъ и приду опять, когда уѣдетъ докторъ, приду съ Перезвономъ.

Но уже докторъ входилъ — важная фигура въ медвѣжьей шубѣ, съ длинными темными бакенбардами и съ глянцовито выбритымъ подбородкомъ. Ступивъ черезъ порогъ, онъ вдругъ остановился, какъ-бы опѣшивъ: ему вѣрно показалось, что онъ не туда зашелъ: «Что это? Гдѣ я?» пробормоталъ онъ, не скидывая съ плечъ шубы и не снимая котиковой фуражки съ котиковымъ-же козырькомъ съ своей головы. Толпа, бѣдность комнаты, развѣшенное въ углу на веревкѣ бѣлье сбили его съ толку. Штабсъ-капитанъ согнулся передъ нимъ въ три погибели.

— Вы здѣсь-съ, здѣсь-съ, бормоталъ онъ подобострастно, вы здѣсь-съ, у меня-съ, вамъ ко мнѣ-съ . . .

— Сне-ги-ревъ? произнесъ важно и громко докторъ. — Господинъ Снегиревъ — это вы?

— Это я-съ?

— А!

Докторъ еще разъ брезгливо оглядѣлъ комнату и сбросилъ съ себя шубу. Всѣмъ въ глаза блеснулъ важный орденъ на шеѣ. Штабсъ-капитанъ подхватилъ на лету шубу, а докторъ снялъ фуражку.

— Гдѣ-же пацiентъ? спросилъ онъ громко и настоятельно.

6. Докторъ.

— Какъ вы думаете, что ему скажетъ докторъ? скороговоркой проговорилъ Коля; — какая отвратительная однакоже харя, не правда-ли? Терпѣть не могу медицину!

— Илюша умретъ. Это, мнѣ кажется, ужъ навѣрно, грустно отвѣтилъ Алеша.

— Шельмы! Медицина шельма! Я радъ, однако, что узналъ васъ, Карамазовъ. Я давно хотѣлъ васъ узнать. Жаль только, что мы такъ грустно встрѣтились . . .

Колѣ очень-бы хотѣлось что-то сказать еще горячѣе, еще экспансивнѣе, но, какъ будто, что-то его коробило. Алеша это замѣтилъ, улыбнулся и пожалъ ему руку.

— Я давно научился уважать въ васъ рѣдкое существо, пробормоталъ опять Коля, сбиваясь и путаясь. — Я слышалъ, вы были въ монастырѣ, но . . . это меня не остановило. Прикосновеніе къ дѣйствительности васъ излѣчитъ . . . Съ натурами, какъ вы, не бываетъ иначе.

Тутъ Колѣ вдругъ вообразилось, что Алеша сейчасъ подумаетъ, что онъ хочетъ показать, какой онъ «большой». «А я вовсе не хочу выставлять предъ нимъ мои познанія», съ негодованіемъ подумалъ Коля. И ему вдругъ стало ужасно досадно.

— Я, признаюсь, терпѣть не могу вступать во всѣ эти препиранія, отрѣзалъ онъ. — Я соціалистъ, Карамазовъ, я неисправимый соціалистъ, вдругъ оборвалъ онъ ни съ того, ни съ сего.

— Да знаете-ли вы, что это значитъ?

— Это коли всѣ равны, отвѣтилъ Коля, религія и законы, какъ кому угодно — монастырей, конечно, не полагается.

— Ну, гдѣ вы этого нахватались, спросилъ Алеша. Вѣдь вамъ еще только тринадцать лѣтъ, кажется?

Колю скрючило.

— Во первыхъ, не тринадцать, а четырнадцать, черезъ двѣ недѣли четырнадцать, такъ и вспыхнулъ онъ, — а во вторыхъ, совершенно не понимаю, къ чему тутъ мои лѣта? Дѣло въ томъ, каковы мои убѣжденія, а не который мнѣ годъ, не правда-ли?

— Когда вамъ будетъ больше лѣтъ, то вы сами увидите, какое вліяніе имѣетъ на убѣжденіе возрастъ. Мнѣ показалось тоже, что вы не свои слова говорите, скромно и спокойно отвѣтилъ Алеша.

— Помилуйте, правды не скроешь. Я, конечно, по одному случаю, часто говорю съ господиномъ Ракитинымъ, но . . . Это еще старикъ Бѣлинскій тоже, говорятъ, говорилъ.

— Бѣлинскій? Не помню. Онъ этого нигдѣ не написалъ.

— Если не написалъ, то, говорятъ, говорилъ. Я это слышалъ отъ одного . . . впрочемъ . . .

— А Бѣлинскаго вы читали?

— Видите-ли . . . нѣтъ . . . я не совсѣмъ читалъ, но . . . мѣсто о Татьянѣ я читалъ, важно замѣтилъ Коля. Впрочемъ, пожалуйста, не думайте, что я ужъ такой революціонеръ. Я, напримѣръ, считаю, что бѣжать въ Америку изъ отечества — низость, хуже низости — глупость. Зачѣмъ въ Америку, когда и у насъ можно много принести пользы для человѣчества? Именно теперь. Цѣлая масса плодотворной дѣятельности. Такъ я и отвѣчалъ.

— Какъ отвѣчали? Кому? Развѣ васъ кто-нибудь уже приглашалъ въ Америку?

— Признаюсь, меня подбивали, но я отвергъ. Это, разумѣется, между нами, Карамазовъ, слышите, никому ни слова . . . Чему вы смѣетесь? Уже не думаете-ли, что я вамъ все навралъ?

— Охъ, нѣтъ, я не смѣюсь и вовсе не думаю, что вы мнѣ налгали. Вотъ то-то и есть, что этого не думаю, потому что все это, увы, сущая правда! Ну, скажите, а Пушкина-то вы читали, Онѣгина-то . . . Вотъ вы сейчасъ говорили о Татьянѣ?

— Нѣтъ, еще не читалъ, но хочу прочесть. Я безъ предразсудковъ, Карамазовъ. Я хочу выслушать и ту и другую сторону. Зачѣмъ вы спросили?

— Такъ.

— Скажите, Карамазовъ, вы ужасно меня презираете? отрѣзалъ вдругъ Коля и весь вытянулся предъ Алешей, какъ-бы ставъ въ позицію. Сдѣлайте одолженіе, безъ обиняковъ.

— Презираю васъ? съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него Алеша. — Да за что же? Мнѣ только грустно, что прелестная натура, какъ ваша, еще и не начавшая жить, уже извращена всѣмъ этимъ грубымъ вздоромъ.

— Объ моей натурѣ не заботьтесь, не безъ самодовольства перебилъ Коля, — а что я мнителенъ, то это такъ. Глупо мнителенъ, грубо мнителенъ. Вы сейчасъ усмѣхнулись, мнѣ и показалось, что вы какъ будто . . .

— Ахъ, я усмѣхнулся совсѣмъ другому. Видите, чему я усмѣхнулся: я недавно прочелъ одинъ отзывъ одного заграничнаго Нѣмца, жившаго въ Россіи, объ нашей теперешней учащейся молодежи: «Покажите вы — онъ пишетъ — русскому школьнику карту звѣзднаго неба, о которой онъ до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія, и онъ завтра же возвратитъ вамъ эту карту исправленною». Никакихъ знаній и беззавѣтное самомнѣніе — вотъ что хотѣлъ сказать Нѣмецъ про русскаго школьника.

— Ахъ, да вѣдь это совершенно вѣрно! захохоталъ вдругъ Коля, — вѣрниссимо, точь въ точь! Браво, Нѣмецъ! Однакожъ Чухна не раз-

смотрѣлъ и хорошей стороны, а, какъ вы думаете? Самомнѣніе — это пусть, это отъ молодости, это исправится, если только надо, чтобъ это исправилось, но зато и независимый духъ, съ самаго чуть не дѣтства, зато смѣлость мысли и убѣжденія. Но все таки Нѣмецъ хорошо сказалъ! Браво, Нѣмецъ! Хотя все таки Нѣмцевъ надо душить. Пусть они тамъ сильны въ наукахъ, а ихъ все таки надо душить . . .

— За что же душить-то? улыбнулся Алеша.

— Ну, я совралъ, можетъ-быть, соглашаюсь. Я иногда ужасный ребенокъ, и когда радъ чему, то не удерживаюсь и готовъ наврать вздору. Слушайте, мы съ вами однакоже здѣсь болтаемъ о пустякахъ, а этотъ докторъ тамъ что-то долго застрялъ. Впрочемъ, онъ, можетъ, тамъ и «мамашу» осмотритъ и эту Ниночку безногую. Знаете, эта Ниночка мнѣ понравилась. Она вдругъ мнѣ прошептала, когда я выходилъ: «Зачѣмъ вы не приходили раньше?» И такимъ голосомъ, съ укоромъ! Мнѣ кажется, она ужасно добрая и жалкая.

— Да, да! Вотъ вы будете ходить, вы увидите, что это за существо. Вамъ очень полезно узнавать вотъ такія существа, чтобъ умѣть цѣнить и еще многое другое, что узнаете именно изъ знакомства съ этими существами, съ жаромъ замѣтилъ Алеша. — Это лучше всего васъ передѣлаетъ.

— О, какъ я жалѣю и браню всего себя, что не приходилъ раньше! съ горькимъ чувствомъ воскликнулъ Коля.

— Да, очень жаль. Вы видѣли сами какое радостное вы произвели впечатлѣніе на бѣднаго малютку! И какъ онъ убивался, васъ ожидая!

— Не говорите мнѣ! Вы меня растравляете. А, впрочемъ, мнѣ подѣломъ: я не приходилъ изъ самолюбія, изъ эгоистическаго самолюбія и под-

лаго самовластія, отъ котораго всю жизнь не могу избавиться, хотя всю жизнь ломаю себя. Я теперь это вижу, я во многомъ подлецъ, Карамазовъ!

— Нѣтъ, вы прелестная натура, хотя и извращенная разными тамъ Ракитиными, и я слишкомъ понимаю, почему вы могли имѣть такое вліяніе на этого благороднаго и болѣзненно воспріимчиваго мальчика! горячо отвѣтилъ Алеша.

— И это вы говорите мнѣ! вскричалъ Коля, — а я, представьте, я думалъ, — я уже нѣсколько разъ, вотъ теперь какъ я здѣсь, думалъ, что вы меня презираете! Если-бъ вы только знали, какъ я дорожу вашимъ мнѣніемъ!

— Но неужели вы вправду такъ мнительны? Въ такихъ лѣтахъ! Ну, представьте же себѣ, я именно подумалъ тамъ въ комнатѣ, глядя на васъ, когда вы разсказывали, что вы должны быть очень мнительны.

— Ужъ и подумали? Какой однакоже у васъ глазъ, видите, видите! Бьюсь объ закладъ, что это было на томъ мѣстѣ, когда я про гуся разсказывалъ. Мнѣ именно въ этомъ мѣстѣ вообразилось, что вы меня глубоко презираете за то, что я спѣшу выставиться молодцомъ, и я даже вдругъ возненавидѣлъ васъ за это и началъ нести ахинею. Но я зато убѣжденъ теперь, что вы меня не презираете, а все это я самъ выдумалъ. О, Карамазовъ, я глубоко несчастенъ. Я воображаю иногда Богъ знаетъ что, что надо мной всѣ смѣются, весь міръ, и я тогда, я просто готовъ тогда уничтожить весь порядокъ вещей.

— И мучаете окружающихъ, улыбнулся Алеша.

— И мучаю окружающихъ, особенно мать. Карамазовъ, скажите, я очень теперь смѣшонъ?

— Да не думайте же про это, не думайте объ этомъ совсѣмъ! воскликнулъ Алеша. — Да и

что такое смѣшонъ? Мало-ли сколько разъ бываетъ или кажется смѣшнымъ человѣкъ? Притомъ-же, нынче почти всѣ люди со способностями ужасно боятся быть смѣшными и тѣмъ несчастны. Меня только удивляетъ, что вы такъ рано стали ощущать это, хотя, впрочемъ, я давно уже замѣчаю это и не на васъ однихъ. Нынче даже почти дѣти начали ужъ этимъ страдать. Это почти съумасшествіе. — Вы какъ и всѣ, — заключилъ Алеша, — то есть какъ очень многіе, только не надо быть такимъ, какъ всѣ, вотъ что.

— Даже не смотря на то, что всѣ такіе?

— Да, не смотря на то, что всѣ такіе. Одинъ вы и будьте не такой. Вы и въ самомъ дѣлѣ не такой, какъ всѣ: вы вотъ теперь не постыдились же признаться въ дурномъ и даже смѣшномъ. А нынче кто въ этомъ сознается? Никто, да и потребность даже перестали находить въ самоосужденіи. Будьте же не такой, какъ всѣ; хотя бы только вы одинъ оставались не такой, а все таки будьте не такой.

— Великолѣпно! Я въ васъ не ошибся. Вы способны утѣшить. О, какъ я стремился къ вамъ, Карамазовъ, какъ давно уже ищу встрѣчи съ вами! Неужели и вы обо мнѣ тоже думали? Давеча вы говорили, что вы обо мнѣ тоже думали?

— Да, я слышалъ объ васъ и объ васъ тоже думалъ . . . и если отчасти и самолюбіе заставило васъ теперь это спросить, то это ничего.

— А знаете, Карамазовъ, согласитесь, что и вамъ самимъ теперь немного со мною стыдно . . . Я вижу по глазамъ, какъ-то хитро, но и съ какимъ-то почти счастьемъ усмѣхнулся Коля.

— Чего же это стыдно?

— А зачѣмъ вы покраснѣли?

— Да это вы такъ сдѣлали, что я покраснѣлъ! засмѣялся Алеша, и дѣйствительно весь покрас-

нѣлъ. — Ну, да, немного стыдно, Богъ знаетъ отчего, не знаю отчего . . . бормоталъ онъ почти даже сконфузившись.

— О, какъ я васъ люблю и цѣню въ эту минуту, именно за то, что и вамъ чего-то стыдно со мной! Потому что и вы точно я! въ рѣшительномъ восторгѣ воскликнулъ Коля. Щеки его пылали, глаза блестѣли.

— Послушайте, Коля, вы между прочимъ будете и очень несчастный человѣкъ въ жизни, сказалъ вдругъ отчего-то Алеша.

— Знаю, знаю. Какъ вы это все знаете наперед! тотчасъ-же подтвердилъ Коля.

— Но въ цѣломъ все таки благословите жизнь.

— Именно! Ура! Вы пророкъ! О, мы сойдемся, Карамазовъ. Знаете, меня всего болѣе восхищаетъ, что вы со мной совершенно какъ съ ровней. А мы не ровня, нѣтъ, не ровня, вы выше! Но мы сойдемся. Знаете, я весь послѣдній мѣсяцъ говорилъ себѣ: «Или мы разомъ съ нимъ сойдемся друзьями на вѣки, или съ перваго же разу разойдемся врагами до гроба!»

— И говоря такъ, ужъ конечно любили меня! весело смѣялся Алеша.

— Любилъ, ужасно любилъ, любилъ и мечталъ объ васъ! И какъ это вы знаете все наперед? Ба, вотъ и докторъ. Господи, что-то скажетъ, посмотрите, какое у него лицо!

Докторъ выходилъ изъ избы, опять уже закутанный въ шубу и съ фуражкой на головѣ. Лицо его было почти сердитое и брезгливое, какъ будто онъ все боялся обо что-то запачкаться. Мелькомъ окинулъ онъ глазами сѣни и при этомъ строго глянулъ на Алешу и Колю. Алеша махнулъ изъ дверей кучеру, и карета, привезшая доктора, подъѣхала къ выходнымъ дверямъ. Штабсъ-капитанъ стремительно выскочилъ вслѣдъ за докторомъ и, согнувшись, почти извиваясь

предъ нимъ, остановилъ его для послѣдняго слова. Лицо бѣдняка было убитое, взглядъ испуганный:

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство . . . неужели? . . . началъ было онъ, и не договорилъ, а лишь всплеснулъ руками въ отчаяніи, хотя все еще съ послѣднею мольбой смотря на доктора, точно въ самомъ дѣлѣ отъ теперешняго слова доктора могъ измѣниться приговоръ надъ бѣднымъ мальчикомъ.

— Что дѣлать! Я не Богъ, небрежнымъ, хотя и привычно внушительнымъ, голосомъ отвѣтилъ докторъ.

— Докторъ . . . Ваше превосходительство . .. и скоро это, скоро?

— При-го-товь-тесь ко всему, отчеканилъ, ударяя по каждому слогу, докторъ и, склонивъ взоръ, самъ приготовился было шагнуть за порогъ къ каретѣ.

— Ваше превосходительство, ради Христа! испуганно остановилъ его еще разъ штабсъ-капитанъ, — ваше превосходительство! . . . такъ развѣ ничего, неужели ничего, совсѣмъ ничего теперь не спасетъ? . . .

— Не отъ меня теперь за-ви-ситъ, нетерпѣливо проговорилъ докторъ, — и однакоже, гм, — пріостановился онъ вдругъ, — если-бъ вы, напримѣръ, могли ... на-пра-вить . . . вашего пацієнта . . . сейчасъ и ни мало не медля (слова «сейчасъ и ни мало не медля» докторъ произнесъ не то что строго, а почти гнѣвно, такъ что штабсъ-капитанъ даже вздрогнулъ) въ Си-ра-ку-зы, то . . . вслѣдствіе новыхъ благо-прі-ятныхъ клима-ти-ческихъ условій ... могло-бы, можетъ-быть, про-и-зойти ...

— Въ Сиракузы! вскричалъ штабсъ-капитанъ, какъ-бы ничего еще не понимая.

— Сиракузы — это въ Сициліи, отрѣзалъ вдругъ громко Коля, для поясненія. Докторъ поглядѣлъ на него.

— Въ Сицилію. Батюшка, ваше превосходительство, потерялся штабсъ-капитанъ, — да вѣдь вы видѣли! обвелъ онъ обѣими руками кругомъ, указывая на свою обстановку, — а маменька-то, а семейство-то?

— Н-нѣтъ, семейство не въ Сицилію, а семейство ваше на Кавказъ, раннею весной . . . дочь вашу на Кавказъ, а супругу . . . продержавъ курсъ водъ тоже на Кав-ка-зѣ въ виду ея ревматизмовъ . . . немедленно послѣ того на-пра-вить въ Парижъ, въ лѣчебницу доктора пси-хі-атра Ле-пель-летье, я бы могъ вамъ дать къ нему записку, и тогда . . . могло-бы, можетъ-быть, произойти . . .

— Докторъ, докторъ! Да вѣдь вы видите! размахнулъ вдругъ опять руками штабсъ-капитанъ, указывая въ отчаяніи на голыя бревенчатыя стѣны сѣней.

— А, это ужъ не мое дѣло, усмѣхнулся докторъ, я лишь сказалъ то, что могла сказать наука на вашъ вопросъ о послѣднихъ средствахъ, а остальное . . . къ сожалѣнію моему . . .

— Не безпокойтесь, лѣкарь, моя собака васъ не укуситъ, громко отрѣзалъ Коля, замѣтивъ нѣсколько безпокойный взглядъ доктора на Перезвона, ставшаго на порогѣ. Гнѣвная нотка прозвенѣла въ голосѣ Коли. Слово же «лѣкарь», вмѣсто докторъ, онъ сказалъ нарочно и какъ самъ объявилъ потомъ: «для оскорбленія сказалъ».

— Что та-ко-е? вскинулъ головой докторъ, удивленно уставившись на Колю. — Ка-кой это? обратился онъ вдругъ къ Алешѣ, будто спрашивая у того отчета.

— Это хозяинъ Перезвона, лѣкарь, не безпокойтесь о моей личности, отчеканилъ опять Коля.

— Звонъ? переговорилъ докторъ, не понявъ, что такое Перезвонъ.

— Да не знаетъ, гдѣ онъ. Прощайте, лѣкарь, увидимся въ Сиракузахъ.

— Кто эт-то? Кто, кто? вдругъ закипятился ужасно докторъ.

— Это здѣшній школьникъ, докторъ, онъ шалунъ, не обращайте вниманія, нахмурившись и скороговоркой проговорилъ Алеша. — Коля, молчите! — крикнулъ онъ Красоткину. — Не надо обращать вниманія, докторъ, повторилъ онъ уже нѣсколько нетерпѣливѣе.

— Выс-сѣчь, выс-сѣчь надо, выс-сѣчь! затопалъ было ногами слишкомъ уже почему-то взбѣсившійся докторъ.

— А знаете, лѣкарь, вѣдь Перезвонъ-то у меня, пожалуй, что и кусается! проговорилъ Коля задрожавшимъ голоскомъ, поблѣднѣвъ и сверкнувъ глазами. — Ісі, Перезвонъ!

— Коля, если вы скажете еще одно только слово, то я съ вами разорву на вѣки! властно крикнулъ Алеша.

— Лѣкарь, есть только одно существо въ цѣломъ мірѣ, которое можетъ приказывать Николаю Красоткину, это вотъ этотъ человѣкъ (Коля указалъ на Алешу); ему повинуюсь, прощайте!

Онъ сорвался съ мѣста, и, отворивъ дверь, быстро прошелъ въ комнату. Перезвонъ бросился за нимъ. Докторъ постоялъ было еще секундъ пять, какъ бы въ столбнякѣ, смотря на Алешу, потомъ вдругъ плюнулъ и быстро пошелъ къ каретѣ, громко повторяя: «Этта, этта, этта, я не знаю, что этта!» Штабсъ-капитанъ бросился его подсаживать. Алеша прошелъ въ комнату вслѣдъ за Колей. Тотъ стоялъ уже у постельки Илюши. Илюша держалъ его за руку и звалъ папу. Чрезъ минуту воротился и штабсъ-капитанъ.

— Папа, папа, поди сюда . . . мы . . . пролепеталъ было Илюша въ чрезвычайномъ возбуж-

деніи, но, видимо не въ силахъ продолжать, вдругъ бросилъ свои обѣ исхудалыя ручки впередъ и крѣпко, какъ только могъ, обнялъ ихъ обоихъ разомъ, и Колю и папу, соединивъ ихъ въ одно объятіе и самъ къ нимъ прижавшись. Штабсъ-капитанъ вдругъ весь такъ и затрясся отъ безмолвныхъ рыданій, а у Коли задрожали губы и подбородокъ.

— Папа, папа! Какъ мнѣ жалко тебя, папа! горько простоналъ Илюша.

— Илюшечка . . . голубчикъ . . . докторъ сказалъ . . . будешь здоровъ . . . будемъ счастливы . . . докторъ . . . заговорилъ было штабсъ-капитанъ.

— Ахъ, папа! Я вѣдь знаю, что тебѣ новый докторъ про меня сказалъ . . . Я вѣдь видѣлъ! воскликнулъ Илюша и опять крѣпко, изо всей силы прижалъ ихъ обоихъ къ себѣ, спрятавъ на плечѣ у папы свое лицо.

— Папа, не плачь . . . а какъ я умру, то возьми ты хорошаго мальчика, другого . . . самъ выбери изъ нихъ изъ всѣхъ, хорошаго, назови его Илюшей и люби его вмѣсто меня . . .

— Молчи, старикъ, выздоровѣешь! точно осердившись крикнулъ вдругъ Красоткинъ.

— А меня, папа, меня не забывай никогда, продолжалъ Илюша, — ходи ко мнѣ на могилку . . . да вотъ что, папа, похорони ты меня у нашего большого камня, къ которому мы съ тобой гулять ходили, и ходи ко мнѣ туда съ Красоткинымъ, вечеромъ . . . И Перезвонъ . . . А я буду васъ ждать . . . Папа, папа!

Его голосъ пресѣкся, всѣ трое стояли обнявшись и уже молчали. Плакала тихо на своемъ креслѣ и Ниночка, и вдругъ, увидавъ всѣхъ плачущими, залилась слезами и мамаша.

— Илюшечка! Илюшечка! восклицала она. Красоткинъ вдругъ высвободился изъ объятій Илюши:

— Прощай, старикъ, меня ждетъ мать къ обѣду, проговорилъ онъ скороговоркой . . . Какъ жаль, что я ее не предувѣдомилъ! Очень будетъ безпокоиться . . . Но послѣ обѣда я тотчасъ къ тебѣ, на весь день, на весь вечеръ, и столько тебѣ разскажу, столько разскажу! И Перезвона приведу, а теперь съ собой уведу, потому что онъ безъ меня выть начнетъ и тебѣ мѣшать будетъ; до свиданья!

И онъ выбѣжалъ въ сѣни. Ему не хотѣлось расплакаться, но въ сѣняхъ онъ-таки заплакалъ. Въ этомъ состоянiи нашелъ его Алеша.

— Коля, вы должны непремѣнно сдержать слово и придти, а то онъ будетъ въ страшномъ горѣ, настойчиво проговорилъ Алеша.

— Непремѣнно! О, какъ я кляну себя, что не приходилъ раньше, плача и уже не конфузясь, что плачетъ, пробормоталъ Коля. Въ эту минуту вдругъ словно выскочилъ изъ комнаты штабсъ-капитанъ и тотчасъ затворилъ за собою дверь. Лицо его было изступленное, губы дрожали. Онъ сталъ предъ обоими молодыми людьми и вскинулъ вверхъ обѣ руки:

— Не хочу хорошаго мальчика! Не хочу другого мальчика! прошепталъ онъ дикимъ шепотомъ, скрежеща зубами, — аще забуду тебе Iерусалиме, да прильпнетъ . . .

Онъ не договорилъ, какъ бы захлебнувшись, и опустился въ безсилiи предъ деревянною лавкой на колѣни. Стиснувъ обоими кулаками свою голову, онъ началъ рыдать, какъ-то нелѣпо взвизгивая, изо всей силы крѣпясь, однако, чтобы не услышали его взвизговъ въ избѣ. Коля выскочилъ на улицу.

— Прощайте, Карамазовъ! Сами-то придете? рѣзко и сердито крикнулъ онъ Алешѣ.

— Вечеромъ непремѣнно буду.

— Что онъ это такое про Іерусалимъ . . . Это что еще такое?

— Это изъ Библіи: «Аще забуду тебе Іерусалиме» — то есть, если забуду все, что есть самаго у меня драгоцѣннаго, если промѣняю на что, то да поразитъ . . .

— Понимаю, довольно! Сами-то приходите! Ісі, Перезвонъ! совсѣмъ уже свирѣпо прокричалъ онъ собакѣ, и большими, скорыми шагами зашагалъ домой.

7. Проводы.

Докторъ сказалъ правду. Не долго прожилъ Илюшечка. Насталъ и день выноса. Всѣ уже собрались, не доставало одного Алеши, задержаннаго дѣлами своего брата.

Его ждали и даже уже рѣшились безъ него нести хорошенькій, разубранный цвѣтами гробикъ, въ церковь. Но вотъ прибѣжалъ и Алеша, у воротъ дома встрѣченный криками мальчиковъ, товарищей Илюшиныхъ. Они всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его и обрадовались, что онъ наконецъ пришелъ. Всѣхъ ихъ собралось человѣкъ двѣнадцать, всѣ пришли со своими ранчиками и сумочками черезъ плечо. «Папа плакать будетъ, будьте съ папой», — завѣщалъ имъ Илюша, умирая, и мальчики это запомнили. Во главѣ ихъ былъ Коля Красоткинъ.

— Какъ я радъ, что вы пришли, Карамазовъ! воскликнулъ онъ, протягивая Алешѣ руку. Здѣсь ужасно. Право тяжело смотрѣть. Снегиревъ не пьянъ, мы знаемъ навѣрно, что онъ ничего сегодня не пилъ, а какъ будто пьянъ . . . Я твердъ всегда, но это ужасно. Карамазовъ, если не задержу васъ, одинъ бы только еще вопросъ, прежде чѣмъ вы войдете?

— Что такое, Коля? пріостановился Алеша.

— Невиненъ вашъ братъ или виновенъ? Какъ скажете, такъ и будетъ. Я четыре ночи не спалъ отъ этой идеи.

— Братъ невиненъ, — т. е. невиненъ въ томъ, въ чемъ его осудили. Онъ поплатился за то дурное мнѣніе, которое не безъ основанія о немъ сложилось.

— Все же онъ погибнетъ невинною жертвой, воскликнулъ Коля. О, если-бъ и я могъ хоть когда-нибудь принести себя въ жертву за правду, съ энтузіазмомъ продолжалъ онъ.

— И я тоже! вдругъ и уже совсѣмъ неожиданно выкрикнулъ изъ толпы тотъ самый мальчикъ, который когда-то объявилъ, что знаетъ, кто основалъ Трою, и, крикнувъ, точно также какъ и тогда, весь покраснѣлъ до ушей, какъ піонъ.

Алеша вошелъ въ комнату. Въ голубомъ, убранномъ бѣлымъ рюшемъ гробѣ лежалъ, сложивъ ручки и закрывъ глазки, Илюша. Черты исхудалаго лица его совсѣмъ почти не измѣнились. Выраженіе лица было серьезное и какъ бы задумчивое. Особенно хороши были руки, сложенныя на крестъ, точно вырѣзанныя изъ мрамора. Въ руки ему вложили цвѣтовъ, да и весь гробъ былъ уже убранъ снаружи и снутри цвѣтами отъ Катерины Ивановны, и когда Алеша отворилъ дверь, штабсъ-капитанъ съ пучкомъ цвѣтовъ въ дрожащихъ рукахъ своихъ, обсыпалъ ими снова своего дорогого мальчика. Онъ едва взглянулъ на вошедшаго Алешу, да и ни на кого не хотѣлъ глядѣть, даже на плачущую, помѣшанную жену свою, свою «мамочку», которая все старалась приподняться на свои больныя ноги и заглянуть поближе на своего мертваго мальчика. Ниночку же дѣти приподняли съ ея стуломъ и придвинули вплоть къ гробу. Она сидѣла, прижавшись къ нему своею голо-

вой и тоже должно быть тихо плакала. Лицо Снегирева имѣло видъ оживленный, но какъ бы растерянный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ожесточенный. Въ жестахъ его, въ вырывавшихся словахъ его было что-то полоумное. «Батюшка, милый батюшка!» восклицалъ онъ поминутно, смотря на Илюшу. У него была привычка, еще когда Илюша былъ въ живыхъ, говорить ему ласкаючи: «батюшка, милый батюшка!»

— Папочка, дай и мнѣ цвѣточковъ, возьми изъ его ручки, вотъ этотъ бѣленькій, и дай! всхлипывая попросила помѣшанная «мамочка». Или ужъ ей такъ понравилась маленькая бѣленькая роза, бывшая въ рукахъ Илюши, или то, что она изъ его рукъ захотѣла взять цвѣтокъ на память, но она вся такъ и заметалась, протягивая за цвѣткомъ руки.

— Никому не дамъ, ничего не дамъ! жестокосердно воскликнулъ Снегиревъ. Его цвѣточки, а не твои. Все его, ничего твоего!

— Папа, дайте мамѣ цвѣтокъ! подняла вдругъ свое смоченное слезами лицо Ниночка.

— Ничего не дамъ, а ей пуще не дамъ! Она его не любила. Она у него тогда пушечку отняла, а онъ ей по-да-рилъ, вдругъ въ голосъ прорыдалъ штабсъ-капитанъ при воспоминаніи о томъ, какъ Илюша уступилъ тогда свою пушечку мамѣ. Бѣдная помѣшанная такъ и залилась вся тихимъ плачемъ, закрывъ лицо руками. Мальчики, видя, наконецъ, что отецъ не выпускаетъ гробъ отъ себя, а между тѣмъ пора нести, вдругъ обступили гробъ тѣсною кучкой и стали его поднимать.

— Не хочу въ оградѣ хоронить! возопилъ вдругъ Снегиревъ, у камня похороню, у нашего камушка! Такъ Илюша велѣлъ. Не дамъ нести!

Онъ и прежде, всѣ три дня говорилъ, что похоронитъ у камня; но вступились Алеша, Кра-

соткинъ, квартирная хозяйка, сестра ея, всѣ мальчики.

— Вишь, что выдумалъ, у камня поганаго хоронить, строго проговорила старуха-хозяйка. — Тамъ въ оградѣ земля со крестомъ. Тамъ по немъ молиться будутъ. Изъ церкви пѣніе слышно, а дьяконъ такъ чисторѣчиво и словесно читаетъ, что все до него кажный разъ долетитъ, точно бы надъ могилкой его читали.

Штабсъ-капитанъ замахалъ наконецъ руками: «Несите, дескать, куда хотите!» Дѣти подняли гробъ, но, пронося мимо матери, остановились передъ ней на минутку и опустили его, чтобъ она могла съ Илюшей проститься. Но увидавъ вдругъ это дорогое личико вблизи, на которое всѣ три дня смотрѣла лишь съ нѣкотораго разстоянія, она вдругъ вся затряслась и начала истерически дергать надъ гробомъ своею сѣдою головой взадъ и впередъ.

— Мама, окрести его, благослови его, поцѣлуй его, прокричала ей Ниночка. Но та, какъ автоматъ, все дергалась своею головой и безмолвно, съ искривленнымъ отъ жгучаго горя лицомъ, вдругъ сталъ бить себя кулакомъ въ грудь. Гробъ понесли дальше. Ниночка въ послѣдній разъ прильнула губами къ устамъ покойнаго брата, когда проносили мимо нея. Алеша, выходя изъ дому, обратился было къ квартирной хозяйкѣ съ просьбой присмотрѣть за оставшимися, но та и договорить не дала:

— Знамо дѣло, при нихъ буду, христіане и мы тоже. Старуха, говоря это, плакала. Нести до церкви было не далеко, шаговъ триста, не болѣе. День сталъ ясный, тихій; морозило, но немного. Благовѣстный звонъ еще раздавался. Снегиревъ суетливо и растерянно бѣжалъ за гробомъ въ своемъ старенькомъ, коротенькомъ, почти лѣтнемъ пальтишкѣ, съ непокрытою го-

ловой и съ старою, широкополою, мягкою шляпой въ рукахъ. Онъ былъ въ какой-то неразрѣшимой заботѣ, то вдругъ протягивалъ руку, чтобъ поддержать изголовье гроба и только мѣшалъ несущимъ, то забѣгалъ сбоку и искалъ, гдѣ-бы хоть тутъ пристроиться. Упалъ одинъ цвѣтокъ на снѣгъ и онъ такъ и бросился подымать его, какъ будто отъ потери этого цвѣтка Богъ знаетъ что зависѣло.

— А корочку-то, корочку-то забыли, вдругъ воскликнулъ онъ въ страшномъ испугѣ. Но мальчики тотчасъ напомнили ему, что корочку хлѣбца онъ уже захватилъ еще давеча и что она у него въ карманѣ. Онъ мигомъ выдернулъ ее изъ кармана и, удостовѣрившись, успокоился.

— Илюшечка велѣлъ, Илюшечка, — пояснилъ онъ тотчасъ Алешѣ; лежалъ онъ ночью, а я подлѣ сидѣлъ, и вдругъ приказалъ: «Папочка, когда засыплютъ мою могилку, покроши на ней корочку хлѣбца, чтобъ воробушки прилетали, я услышу, что они прилетѣли и мнѣ весело будетъ, что я не одинъ лежу».

— Это очень хорошо, сказалъ Алеша, надо чаще носить.

— Каждый день, каждый день! залепеталъ штабсъ-капитанъ, какъ-бы весь оживившись.

Прибыли, наконецъ, въ церковь и поставили посреди ея гробъ. Всѣ мальчики обступили его кругомъ и чинно простояли такъ всю службу. Церковь была древняя и довольно бѣдная, много иконъ стояло совсѣмъ безъ окладовъ, но въ такихъ церквахъ какъ-то лучше молишься. За обѣдней Снегиревъ какъ-бы нѣсколько попритихъ, хотя временами все таки прорывалась въ немъ та же безсознательная и какъ-бы сбитая съ толку озабоченность: то онъ подходилъ къ гробу оправлять покровъ, вѣнчикъ; то, когда упала одна свѣчка изъ подсвѣчника, вдругъ

бросился вставлять ее и ужасно долго съ ней провозился. Затѣмъ уже успокоился и сталъ смирно у изголовья съ тупо-озабоченнымъ и какъ-бы недоумѣвающимъ лицомъ. Послѣ апостола онъ вдругъ шепнулъ стоявшему подлѣ его Алешѣ, что апостола не такъ прочитали, но мысли своей однако не разъяснилъ. За херувимской принялся было подпѣвать, но не докончилъ и, опустившись на колѣна, прильнулъ лбомъ къ каменному церковному полу и пролежалъ такъ довольно долго. Наконецъ, приступили къ отпѣванію, роздали свѣчи. Обезумѣвшій отецъ засуетился было опять, но умилительное, потрясающее надгробное пѣніе пробудило и сотрясло его душу. Онъ какъ-то вдругъ весь съежился и началъ часто, укороченно рыдать, сначала тая голосъ, а подъ конецъ громко всхлипывая. Когда же стали прощаться и накрывать гробъ, онъ обхватилъ его руками, какъ-бы не давая накрыть Илюшечку и началъ часто, жадно, не открываясь, цѣловать въ уста своего мертваго мальчика. Его, наконецъ, уговорили и уже свели было со ступеньки, но онъ вдругъ, стремительно протянулъ руку и захватилъ изъ гробика нѣсколько цвѣтковъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ и какъ-бы новая какая идея осѣнила его, такъ что о главномъ онъ словно забылъ на минуту. Мало по малу онъ какъ-бы впалъ въ задумчивость и уже не сопротивлялся, когда подняли и понесли гробъ къ могилкѣ. Она была недалеко, въ оградѣ, у самой церкви, дорогая; заплатила за нее Катерина Ивановна. Послѣ обычнаго обряда могильщики гробъ опустили. Снегиревъ до того нагнулся, съ своими цвѣточками въ рукахъ, надъ открытою могилой, что мальчики, въ испугѣ, уцѣпились за его пальто и стали тянуть его назадъ. Но онъ какъ-бы уже не понималъ хорошо, что совершается. Когда

стали засыпать могилу, онъ вдругъ озабоченно сталъ указывать на валившуюся землю и началъ даже что-то говорить, но разобрать никто ничего не могъ, да и онъ самъ вдругъ утихъ. Тутъ напомнили ему, что надо покрошить корочку и онъ ужасно заволновался, выхватилъ корку и началъ щипать ее, разбрасывая по могилкѣ кусочки: «Вотъ и прилетайте, птички, вотъ и прилетайте, воробушки!» — бормоталъ онъ озабоченно. Кто-то изъ мальчиковъ замѣтилъ-было ему, что съ цвѣтами въ рукахъ ему не ловко щипать и чтобъ онъ на время далъ ихъ кому подержать. Но онъ не далъ, даже вдругъ испугался за свои цвѣты, точно ихъ хотѣли у него совсѣмъ отнять и, поглядѣвъ на могилку и какъ-бы удостовѣрившись, что все уже сдѣлано, кусочки покрошены, вдругъ, неожиданно и совсѣмъ даже спокойно, повернулся и побрелъ домой. Шагъ его однако становился все чаще и утороплennѣе, онъ спѣшилъ, чуть не бѣжалъ. Мальчики и Алеша отъ него не отставали.

— Мамочкѣ цвѣточковъ, мамочкѣ цвѣточковъ! Обидѣли мамочку, началъ онъ вдругъ восклицать. Кто-то крикнулъ ему, чтобъ онъ надѣлъ шляпу, а то теперь холодно, но, услышавъ, онъ, какъ-бы въ злобѣ, шваркнулъ шляпу на снѣгъ и сталъ приговаривать: «не хочу шляпу, не хочу шляпу!» Мальчикъ Смуровъ поднялъ ее и понесъ за нимъ. Всѣ мальчики до единаго плакали, а пуще всѣхъ Коля и мальчикъ, открывшій Трою, и хоть Смуровъ, съ капитанскою шляпой въ рукахъ, тоже ужасно какъ плакалъ, но успѣлъ таки, чуть не на бѣгу, захватить обломокъ кирпичика, краснѣвшій на снѣгу дорожки, чтобъ метнуть имъ въ быстро пролетѣвшую стаю воробушковъ. Конечно не попалъ и продолжалъ бѣжать, плача. На половинѣ дороги Снегиревъ внезапно остановился, постоялъ съ полминуты,

какъ-бы чѣмъ-то пораженный и вдругъ, поворотивъ назадъ къ церкви, пустился бѣгомъ къ оставленной могилкѣ. Но мальчики мигомъ догнали его и уцѣпились за него со всѣхъ сторонъ. Тутъ онъ, какъ въ безсиліи, какъ сраженный палъ на снѣгъ и біясь, вопія и рыдая, началъ выкрикивать: «Батюшка, Илюшечка, милый батюшка!» Алеша и Коля стали поднимать его, упрашивать и уговаривать.

— Капитанъ, полноте, мужественный человѣкъ обязанъ переносить, — бормоталъ Коля.

— Цвѣты-то вы испортите, проговорилъ и Алеша, а «мамочка» ждетъ ихъ, она сидитъ — плачетъ, что вы давеча ей не дали цвѣтовъ отъ Илюшечки. Тамъ постелька Илюшина еще лежитъ!...

— Да, да, къ мамочкѣ! вспомнилъ вдругъ опять Снегиревъ, постельку уберутъ, уберутъ! прибавилъ онъ какъ бы въ испугѣ, что и въ самомъ дѣлѣ уберутъ, вскочилъ и опять побѣжалъ домой. Но было уже недалеко и всѣ прибѣжали вмѣстѣ. Снегиревъ стремительно отворилъ дверь и завопилъ женѣ, съ которою давеча такъ жестокосердно поссорился:

— Мамочка, дорогая, Илюшечка цвѣточковъ тебѣ прислалъ, ножки твои больныя! прокричалъ онъ, протягивая ей пучечекъ цвѣтовъ, померзшихъ и поломанныхъ, когда онъ бился сейчасъ объ снѣгъ. Но въ это самое мгновеніе увидѣлъ онъ передъ постелькой Илюши, въ уголку, Илюшины сапожки, стоявшіе оба рядышкомъ, только что прибранные хозяйкой квартиры, — старенькіе, порыжѣвшіе, заскорузлые сапожки, съ заплатками. Увидавъ ихъ, онъ поднялъ руки и такъ и бросился къ нимъ, палъ на колѣни, схватилъ одинъ сапожокъ и, прильнувъ къ нему губами, началъ жадно цѣловать его, выкрикивая: «Батюшка, Илюшечка, милый батюшка, ножки-то твои гдѣ?

— Куда ты его унесъ? Куда ты его унесъ? раздирающимъ голосомъ завопила помѣшанная. Тутъ ужъ зарыдала и Ниночка. Коля выбѣжалъ изъ комнаты, за нимъ стали выходить и мальчики. Вышелъ, наконецъ, за ними и Алеша: «Пусть переплачутъ, сказалъ онъ Колѣ, тутъ ужъ, конечно, нельзя утѣшать. Переждемъ минутку и воротимся».

— Да, нельзя, это ужасно, подтвердилъ Коля. Знаете, Карамазовъ, понизилъ онъ вдругъ голосъ, чтобъ никто не услышалъ: мнѣ очень грустно и еслибъ только можно было его воскресить, то я бы отдалъ все на свѣтѣ!

— Ахъ, и я тоже, сказалъ Алеша.

— Какъ вы думаете, Карамазовъ, приходить намъ сюда сегодня вечеромъ? Вѣдь онъ напьется.

— Можетъ-быть, и напьется. Придемъ мы съ вами только вдвоемъ, вотъ и довольно, чтобъ посидѣть съ ними часокъ, съ матерью и съ Ниночкой, а если всѣ придемъ разомъ, то имъ опять все напомнимъ, посовѣтовалъ Алеша.

— Тамъ у нихъ теперь хозяйка столъ накрываетъ, — эти поминки что ли будутъ, попъ придетъ; возвращаться намъ сейчасъ туда, Карамазовъ, иль нѣтъ?

— Непремѣнно, сказалъ Алеша.

— Странно все это, Карамазовъ, такое горе, и вдругъ какіе-то блины, какъ это все неестественно по нашей религіи!

— У нихъ тамъ и семга будетъ, громко замѣтилъ вдругъ мальчикъ, открывшій Трою.

— Я васъ серьезно прошу, Карташовъ, не вмѣшиваться болѣе съ вашими глупостями, особенно когда съ вами не говорятъ и не хотятъ даже знать, есть ли вы на свѣтѣ, раздражительно отрѣзалъ въ его сторону Коля. Мальчикъ такъ и вспыхнулъ, но отвѣтить ничего не осмѣ-

лился. Между тѣмъ всѣ тихонько брели по тропинкѣ и вдругъ Смуровъ воскликнулъ:

— Вотъ Илюшинъ камень, подъ которымъ его хотѣли похоронить!

Всѣ молча остановились у большого камня. Алеша посмотрѣлъ и цѣлая картина того, что Снегиревъ разсказывалъ когда-то объ Илюшечкѣ, какъ тотъ, плача и обнимая отца, воскликалъ: «Папочка, папочка, какъ онъ унизилъ тебя!» — разомъ представилась его воспоминанію. Что-то какъ бы сотряслось въ его душѣ. Онъ съ серьезнымъ и важнымъ видомъ обвелъ глазами всѣ эти милыя, свѣтлыя лица школьниковъ, Илюшиныхъ товарищей, и вдругъ сказалъ имъ:

— Господа, мнѣ хотѣлось бы вамъ сказать здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, одно слово.

Мальчики обступили его и тотчасъ устремили на него пристальные, ожидающіе взгляды.

— Господа, мы скоро разстанемся. Я теперь пока нѣсколько времени съ двумя братьями, изъ которыхъ одинъ пойдетъ въ ссылку, а другой лежитъ при смерти. Но скоро я здѣшній городъ покину, можетъ-быть, очень надолго. Вотъ мы и разстанемся, господа. Согласимся же здѣсь, у Илюшина камушка, что не будемъ никогда забывать — во первыхъ, Илюшечку, а во вторыхъ, другъ объ другѣ. И что́ бы тамъ ни случилось съ нами потомъ въ жизни, хотя бы мы и двадцать лѣтъ потомъ не встрѣчались, — все таки будемъ помнить о томъ, какъ мы хоронили бѣднаго мальчика, въ котораго прежде бросали камни, помните, тамъ, у мостика-то? — а потомъ такъ всѣ его полюбили. Онъ былъ славный мальчикъ, добрый и храбрый мальчикъ, чувствовалъ честь и горькую обиду отцовскую, за которую и возсталъ. И такъ, во первыхъ, будемъ помнить его, господа, во всю нашу жизнь.

И хотя бы мы были заняты самыми важными дѣлами, достигли почестей или впали бы въ какое великое несчастье, — все равно, не забывайте никóгда, какъ намъ было разъ здѣсь хорошо, всѣмъ сообща, соединеннымъ такимъ хорошимъ и добрымъ чувствомъ, которое и насъ сдѣлало на это время любви нашей къ бѣдному мальчику, можетъ-быть, лучшими, чѣмъ мы есть въ самомъ дѣлѣ. Голубчики мои, — дайте я васъ такъ назову — голубчиками, потому что вы всѣ очень похожи на нихъ, на этихъ хорошенькихъ сизыхъ птичекъ, теперь въ эту минуту, какъ я смотрю на ваши добрыя, милыя лица, — милыя мои дѣточки, можетъ-быть, вы не поймете, что я вамъ скажу, потому что я говорю часто очень непонятно: но вы все таки запомните и потомъ, когда-нибудь, согласитесь съ моими словами. Знайте же, что ничего нѣтъ выше, и сильнѣе, и здоровѣе, и полезнѣе впредь для жизни, какъ хорошее какое-нибудь воспоминаніе, и особенно вынесенное еще изъ дѣтства, изъ родительскаго дома. Вамъ много говорятъ про воспитаніе ваше, а вотъ какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминаніе, сохраненное съ дѣтства, можетъ-быть, самое лучшее воспитаніе и есть. Если много набрать такихъ воспоминаній съ собою въ жизнь, то спасенъ человѣкъ на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминаніе при насъ останется въ нашемъ сердцѣ, то и то можетъ послужить когда-нибудь намъ во спасеніе. Можетъ-быть, мы станемъ даже злыми потомъ, даже предъ дурнымъ поступкомъ устоять будемъ не въ силахъ, надъ слезами человѣческими будемъ смѣяться, и надъ тѣми людьми, которые говорятъ, вотъ какъ давеча Коля воскликнулъ: «Хочу пострадать за всѣхъ людей», — и надъ этими людьми, можетъ-быть, злобно издѣваться будемъ. А все таки, какъ ни будемъ

мы злы, чего не дай Богъ, но какъ вспомнимъ про то, какъ мы хоронили Илюшу, какъ мы любили его въ послѣдніе дни, и какъ вотъ сейчасъ говорили такъ дружно и такъ вмѣстѣ у этого камня, то самый жестокій изъ насъ человѣкъ и самый насмѣшливый, если мы такими сдѣлаемся, все таки не посмѣетъ внутри себя посмѣяться надъ тѣмъ, какъ онъ былъ добръ и хорошъ въ эту теперешнюю минуту! Мало того, можетъ-быть, именно это воспоминаніе одно его отъ великаго зла удержитъ и онъ одумается и скажетъ: «Да, я былъ тогда добръ, смѣлъ и честенъ». Пусть усмѣхнется про себя, это ничего, человѣкъ часто смѣется надъ добрымъ и хорошимъ; это лишь отъ легкомыслія; но увѣряю васъ, господа, что какъ усмѣхнется, такъ тотчасъ же въ сердцѣ скажетъ: «Нѣтъ, это я дурно сдѣлалъ, что усмѣхнулся, потому что надъ этимъ нельзя смѣяться!»

— Это непремѣнно такъ будетъ, Карамазовъ, я васъ понимаю, Карамазовъ! воскликнулъ, сверкнувъ глазами, Коля. Мальчики заволновались и тоже хотѣли что-то воскликнуть, но сдержались, пристально и умиленно смотря на оратора.

— Это я говорю на тотъ страхъ, что мы дурными сдѣлаемся, продолжалъ Алеша, — но зачѣмъ намъ и дѣлаться дурными, не правда ли, господа? Будемъ, во первыхъ, и прежде всего добры, потомъ честны, а потомъ — не будемъ никогда забывать другъ объ другѣ. Это я опять-таки повторяю. Я слово вамъ даю отъ себя, господа, что я ни одного изъ васъ не забуду; каждое лицо, которое на меня теперь, сейчасъ, смотритъ, припомню, хоть бы и чрезъ тридцать лѣтъ. Давеча вотъ Коля сказалъ Карташову, что мы будто бы не хотимъ знать «есть онъ или нѣтъ на свѣтѣ?» Да развѣ я могу забыть, что Карташовъ есть на свѣтѣ и что вотъ онъ не

краснѣетъ ужъ теперь, какъ тогда, когда Трою открылъ, а смотритъ на меня своими славными, добрыми, веселыми глазками. Господа, милые мои господа, будемъ всѣ великодушны и смѣлы, какъ Илюшечка, умны, смѣлы и великодушны, какъ Коля (но который будетъ гораздо умнѣе, когда подростетъ), и будемъ такими же стыдливыми, но умненькими и милыми, какъ Карташовъ. Да чего я говорю про нихъ обоихъ! Всѣ вы, господа, милы мнѣ отнынѣ, всѣхъ васъ заключу въ мое сердце, а васъ прошу заключить и меня въ ваше сердце! Ну, а кто насъ соединилъ въ этомъ добромъ хорошемъ чувствѣ, объ которомъ мы теперь всегда, всю жизнь вспоминать намѣрены, кто какъ не Илюшечка, добрый мальчикъ, милый мальчикъ, дорогой для насъ мальчикъ на вѣки вѣковъ! Не забудемъ же его никогда, вѣчная ему и хорошая память въ нашихъ сердцахъ, отнынѣ и во вѣки вѣковъ!

— Такъ, такъ, вѣчная, вѣчная, прокричали всѣ мальчики, своими звонкими голосами, съ умиленными лицами.

— Будемъ помнить и лицо его, и платье его, и бѣдненькіе сапожки его, и гробикъ его, и несчастнаго грѣшнаго отца его, и о томъ, какъ онъ смѣло одинъ возсталъ на весь классъ за него!

— Будемъ, будемъ помнить! прокричали опять мальчики, онъ былъ храбрый, онъ былъ добрый!

— Ахъ, какъ я любилъ его! воскликнулъ Коля.

— Ахъ, дѣточки, ахъ, милые друзья, не бойтесь жизни! Какъ хороша жизнь, когда что-нибудь сдѣлаешь хорошее и правдивое!

— Да, да, восторженно повторили мальчики.

— Карамазовъ, мы васъ любимъ! воскликнулъ неудержимо одинъ голосъ, кажется, Карташова.

— Мы васъ любимъ, мы васъ любимъ, подхватили и всѣ. У многихъ сверкали на глазахъ слезинки.

— Ура Карамазову! восторженно провозгласилъ Коля.

— И вѣчная память мертвому мальчику! съ чувствомъ прибавилъ опять Алеша.

— Вѣчная память! подхватили снова мальчики.

— Карамазовъ! крикнулъ Коля, неужели и взаправду религія говоритъ, что мы всѣ встанемъ изъ мертвыхъ, и оживемъ и увидимъ опять другъ друга, и всѣхъ, и Илюшечку?

— Непремѣнно возстанемъ, непремѣнно увидимъ и весело, радостно разскажемъ другъ другу все, что было, полусмѣясь, полу въ восторгѣ отвѣтилъ Алеша.

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо! вырвалось у Коли.

— Ну, а теперь кончимъ рѣчи и пойдемте на его поминки. Не смущайтесь, что блины будемъ ѣсть. Это вѣдь старинное, вѣчное и тутъ есть хорошее, засмѣялся Алеша. Ну пойдемте же! Вотъ мы теперь и идемъ рука въ руку.

— И вѣчно такъ, всю жизнь рука въ руку! Ура Карамазову! еще разъ восторженно прокричалъ Коля, и еще разъ всѣ мальчики подхватили его восклицаніе.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе 5

1. Изъ записокъ Вареньки Доброселовой (изъ повѣсти «Бѣдные Люди») 7
2. Неточка и Катя (изъ повѣсти «Неточка Незванова») 35
3. Разсказъ сиротки Нелли (изъ ром. «Униженные и Оскорбленные») 81
4. Лѣтняя пора въ тюрьмѣ (изъ «Записокъ изъ Мертваго Дома») 95
5. Смерть Мармеладова (изъ ром. «Преступленіе и Наказаніе») 116
6. Мальчикъ у Христа на елкѣ (изъ «Дневника Писателя», Январь 1876 г.) 133
7. Мужикъ Марей (изъ «Дневника Писателя», Февраль 1876 г.) 138
8. Столѣтняя (изъ «Дневника Писателя», Мартъ 1876 г.) 143
9. Въ барскомъ пансіонѣ (изъ ром. «Подростокъ») 151
10. Старецъ и послушникъ (изъ ром. «Братья Карамазовы»):
    1. Изъ воспоминаній Инока Зосимы 158
    2. Алеша 175
11. Илюшечка (изъ ром. «Братья Карамазовы»):
    1. Школьники 189
    2. У Капитана 197
    3. Коля Красоткинъ 221
    4. Жучка 245
    5. У Илюшиной постельки 255
    6. Докторъ 278
    7. Проводы 290

Напечатано и издано
Издательствомъ
«Слово», Берлинъ.

Y0-CEN-009